

Джон Мильтон Потерянный рай

КНИГА ПЕРВАЯ

Книга Первая сначала излагает вкратце тему произведения: прослушание Человека, вследствие чего он утратил Рай — обиталище своё; затем указывается причина падения: Змий, вернее — Сатана в облике Змия, восставший против Бога, вовлёл в мятеж бесчисленные легионы Ангелов, но был по Божьему повелению низринут с Небес вместе со всеми полчищами бунтовщиков в Преисподнюю.

Упомянув об этих событиях, поэма незамедлительно переходит к основному действию, представляя Сатану и его Ангелов в Аду. Следует описание Ада, размещающегося отнюдь не в центре Земли (небо и Земля, предположительно, ещё не сотворены, и следовательно, над ними ещё не тяготеет проклятье), но в области тьмы кромешной, точнее — Хаоса. Сатана со своими Ангелами лежит в кипящем озере, униженный, поверженный, но вскоре, очнувшись от потрясения, призывает соратника, первого после себя по рангу и достоинству. Они беседуют о несчастном положении своём. Сатана пробуждает все легионы, до сих пор так же находившиеся в оцепенении и беспомощности. Неисчислимые, они поднимаются, строятся в боевые порядки; главные их вожди носят имена идолов, известных впоследствии в Ханаане и соседствующих странах. Сатана обращается к соратникам, утешает их надеждою на отвоевание Небес и сообщает о новом мире и новом роде существ, которые, как гласят старинные пророчества и предания Небесного Царства, должны быть сотворены; Ангелы же, согласно мнению многих древних Отцов, созданы задолго до появления видимых существ.

Дабы обмыслить это пророчество и определить дальнейшие действия, Сатана повелевает собрать общий совет.

Соратники соглашаются с ним. Из бездны мрака возникает Пандемониум — чертог Сатаны. Адские вельможи восседают там и совещаются.

О первом преслушанье, о плоде
Запретном, пагубном, что смерть принёс
И все невзгоды наши в этот мир,
Людей лишил Эдема, до поры,
Когда нас Величайший Человек
Восставил, Рай блаженный нам вернул,-
Пой, Муза горняя! Сойди с вершин
Таинственных Синая иль Хорива,
Где был тобою пастырь вдохновлён,
Начально поучавший свой народ
Возникновенью Неба и Земли
Из Хаоса; когда тебе милей
Сионский холм и Силоамский Ключ,
Глаголов Божьих область, — я зову
Тебя оттуда в помощь; песнь моя
Отважилась взлететь над Геликоном,
К возвышенным предметам устремясь,
Нетронутым ни в прозе, ни в стихах.
Но прежде ты, о Дух Святой! — ты храмам
Предпочитаешь чистые сердца,-

Наставь меня всеведеньем твоим!
Ты, словно голубь, искони парил
Над бездною, плодотворя её;
Исполни светом тьму мою, возвысь
Все брренное во мне, дабы я смог
Решающие доводы найти
И благость Провиденья доказать,
Пути Творца пред тварью оправдав.
Открой сначала, — ибо Ад и Рай
Равно доступны взору Твоему,-
Что побудило первую чету,
В счастливой сени, средь блаженных кущ,
Столь взысканную милостью Небес,
Предавших Мирозданье ей во власть,
Отречься от Творца, Его запрет
Единственный нарушить? — Адский Змий!
Да, это он, завидуя и мстя,
Праматерь нашу лестью соблазнил;
Коварный Враг, низринутый с высот
Гордыней собственной, вместе с войском
Восставших Ангелов, которых он
Возглавил, с чьею помощью Престол
Всевышнего хотел поколебать
И с Господом сравняться, возмудив
Небесные дружины; но борьба
Была напрасной. Всемогущий Бог
Разгневанный стремглав низверг строптивцев,
Объятых пламенем, в бездонный мрак,
На муки в алмаиновых цепях
И вечном, наказующем огне,
За их вооружённый, дерзкий бунт.
Девятикратно время истекло,
Что мерой дня и ночи служит смертным,
Покуда в корчах, со своей ордой,
Метался Враг на огненных волнах,
Разбитый, хоть бессмертный. Рок обрёл
Его на казнь горчайшую: на скорбь
О невозвратном счастье и на мысль
О вечных муках. Он теперь обвёл
Угрюмыми зеницами вокруг;
Таились в них и ненависть, и страх,
И гордость, и безмерная тоска...
Мгновенно, что лишь Ангелам дано,
Он оглядел пустынную страну,
Тюрьму, где, как в печи, пылал огонь,
Но не светил и видимою тьмой
Вернее был, мерцавший лишь затем,
Дабы явить глазам крошечный мрак,
Юдоль печали, царство горя, край,
Где мира и покоя нет, куда
Надежде, близкой всем, заказан путь,
Где муки без конца и лютый жар

Клокочущих, неистощимых струй
Текучей серы. Вот какой затвор
Здесь уготовал Вечный Судия
Мятежникам, средь совершённой тьмы
И втрое дальше от лучей Небес
И Господа, чем самый дальний полюс
От центра Мироздания отстоит.
Как несравнимо с прежней высотой,
Откуда их паденье увлекло!
Он видит соучастников своих
В прибое знойном, в жгучем вихре искр,
А рядом сверстника, что был вторым
По рангу и злодейству, а позднее
Был в Палестине чтим как Вельзевул.
К нему воззвал надменный Архивраг,
Отныне наречённый Сатаной,
И страшное беззвучие расторг
Таковыми дерзновенными словами:
"— Ты ль предо мною? О, как низко пал
Тот, кто сияньем затмевал своим
Сиянье лучезарных мириад
В небесных сферах! Если это ты,
Союзом общим, замыслом одним,
Надеждой, испытаньями в боях
И пораженьем связанный со мной,-
Взгляни, в какую бездну с вышины
Мы рухнули! Его могучий гром
Доселе был неведом никому.
Жестокое оружие! Но пусть
Всесильный Победитель на меня
Любое подымает! — не согнусь
И не раскаюсь, пусть мой блеск померк...
Ещё во мне решимость не иссякла
В сознание поправленного моего
Достоинства, и гордый гнев кипит,
Велевший мне поднять на битву с Ним
Мятежных Духов буйные полки,
Тех, что Его презрели произвол,
Вождем избрав меня. Мы безуспешно
Его Престол пытались пошатнуть
И проиграли бой. Что из того?
Не все погибло: сохранён запал
Неукротимой воли, наряду
С безмерной ненавистью, жаждой мстить
И мужеством — не уступать вовек.
А это ль не победа? Ведь у нас
Осталось то, чего не может Он
Ни яростью, ни силой отобрать -
Немеркнущая слава! Если б я
Противника, чье царство сотряслось
От страха перед этою рукой,
Молил бы на коленах о пощаде,-

Я опозорился бы, я стыдом
Покрылся бы и горше был бы срам,
Чем низвержение. Волею судеб
Нетленны эмпирейский наш состав
И сила богоравная; пройдя
Горнило битв, не ослабели мы,
Но закалились и теперь верней
Мы вправе на победу уповать:
В грядущей схватке, хитрость применив,
Напружив силы, низложить Тирана,
Который нынче, празднуя триумф,
Ликует в Небесах самодержавно!"
Так падший Ангел, поборая скорбь,
Кичился вслух, отчаянье тая.
Собрат ему отважно отвечал:
"— О Князь! Глава порфириносных сил,
Вождь Серафимских ратей боевых,
Грозивших трону Вечного Царя
Деяньями, внушающими страх,
Дабы Его величье испытать
Верховное: хранимо ли оно
Случайностью ли, силой или Роком.
Я вижу все и горько сокрушён
Ужасным пораженьем наших войск.
Мы изгнаны с высот, побеждены,
Низвергнуты, насколько вообще
Возможно разгромить богоподобных
Сынов Небес; но дух, но разум наш
Не сломлены, а мощь вернётся вновь,
Хоть славу нашу и былой восторг
Страданья поглотили навсегда.
Зачем же Победитель (признаю
Его всеильным; ведь не мог бы Он
Слабейшей силой — нашу превозмочь!)
Нам дух и мощь оставил? Чтоб сильней
Мы истязались, утоляя месть
Его свирепую? Иль как рабы
Трудились тяжко, по законам войн,
Подручными в Аду, в огне палящем,
Посыльными в бездонной, мрачной мгле?
Что толку в нашем вечном бытии
И силе нашей, вечно-неизменной,
Коль нам терзаться вечно суждено?"
Ему Отступник тотчас возразил:
"— В страданьях ли, в борьбе ли, — горе слабым,
О падший Херувим! Но знай, к Добру
Стремиться мы не станем с этих пор.
Мы будем счастливы, творя лишь Зло,
Его державной воле вопреки.
И если Провидением своим
Он в нашем Зле зерно Добра взрастит,
Мы извратить должны благой исход,

В Его Добре источник Зла сыскав.
Успехом нашим будет не однажды
Он опечален; верю, что не раз
Мы волю сокровенную Его
Собьём с пути, от цели отведя...
Но глянь! Свирепый Мститель отозвал
К вратам Небес карателей своих.
Палящий ураган и серный град,
Нас бичевавшие, когда с вершин
Мы падали в клокочущий огонь,
Иссякли. Молниями окрылённый
И гневом яростным, разящий гром
Опустошил, как видно, свой колчан,
Стихая постепенно, и уже
Не так бушует. Упустить нельзя
Счастливую возможность, что оставил
В насмешку или злобу утолив,
Противник нам. Вот голый, гиблый край,
Обитель скорби, где чуть-чуть сквозит,
Мигая мёртвым светом в темноте,
Трепещущее пламя. Тут найдём
Убежище от вздыбленных валов
И отдых, если здесь он существует,
Вновь соберём разбитые войска,
Обсудим, как нам больше досадить
Противнику и справиться с бедой,
В надежде — силу или, наконец,
В отчаянье — решимость почерпнуть!"
Так молвил Сатана. Приподнял он
Над бездной голову; его глаза
Метали искры; плыло позади
Чудовищное тело, по длине
Титанам равное иль Земнородным -
Врагам Юпитера! Как Бриарей,
Сын Посейдона, или как Тифон,
В пещере обитавший, возле Тарса,
Как великан морей — Левиафан,
Когда вблизи Норвежских берегов
Он спит, а запоздавший рулевой,
Приняв его за остров, меж чешуй
Кидает якорь, защитив ладью
От ветра, и стоит, пока заря
Не усмехнётся морю поутру,-
Так Архивраг разлётся на волнах,
Прикованный к пучине. Никогда
Он головой не мог бы шевельнуть
Без попушенья свыше. Провиденье
Дало ему простор для тёмных дел
И новых преступлений, дабы сам
Проклятье на себя он вновь навлёк,
Терзался, видя, что любое Зло
Во благо бесконечное, в Добро

Преображается, что род людской,
Им соблазнённый, будет пощажён
По милости великой, но втройне
Обрушится возмездье на Врага.
Огромный, он воспрянул из огня,
Два серных вала отогнав назад;
Их взвихрённые гребни, раскатись,
Образовали пропасть, но пловец
На крыльях в сумеречный воздух взмыл,
Принявший непривычно тяжкий груз,
И к суше долетел, когда назвать
Возможно сушей — отверделый жар,
Тогда как жидкий жар в пучине тлел.
Такой же почва принимает цвет,
Когда подземный шторм срывает холм
С вершин Пелора, или ребра скал
Гремящей Этны, чьё полно нутро
Огнеопасных, взрывчатых веществ,
И при посредстве минеральных сил,
Наружу извергаемых из недр
Воспламенёнными, а позади,
Дымясь и тлея, остаётся дно
Смердящее. Вот что пятой проклятой
Нащупал Враг! Соратник — вслед за ним.
Тщеславно ликовали гордецы.
Сочтя, что от Стигийских вод спаслись
Они, как боги, — собственной своей
Вновь обрётённой силой, наотрез
Произволение Неба отрицая.
" — На эту ли юдоль сменили мы, -
Архангел падший молвил, — Небеса
И свет Небес на тьму? Да будет так!
Он всемогущ, а мощь всегда права.
Подальше от Него! Он выше нас
Не разумом, но силой; в остальном
Мы равные. Прощай, блаженный край!
Привет тебе, зловещий мир! Привет,
Геенна запредельная! Прими
Хозяина, чей дух не устршат
Ни время, ни пространство. Он в себе
Обрёл своё пространство и создать
В себе из Рая — Ад и Рай из Ада
Он может. Где б я ни был, все равно
Собой останусь, — в этом не слабей
Того, кто громом первенство снискал.
Здесь мы свободны. Здесь не создал Он
Завидный край; Он не изгонит нас
Из этих мест. Здесь наша власть прочна,
И мне сдаётся, даже в бездне власть -
Достойная награда. Лучше быть
Владыкой Ада, чем слугою Неба!
Но почему же преданных друзей,

Собратьев по беде, простёртых здесь,
В забвенном озере, мы не зовём
Приют наш скорбный разделить и, вновь
Объединясь, разведать: что ещё
Мы в силах у Небес отвоевать
И что осталось нам в Аду утратить?"
Так молвил Сатана, и Вельзевул
Ответствовал: "— О Вождь отважных войск,
Воистину, лишь Всемогущий мог
Их разгромить! Пусть голос твой опять
Раздастся, как незыблемый залог
Надежды, ободрившей часто нас
Среди опасностей и страха! Пусть
Он прозвучит как боевой сигнал
И мужество соратникам вернёт,
Низринутым в пылающую топь,
Беспмятно недвижимым, оглушённым
Паденьем с непомерной вышины!"
Он смолк, и тотчас Архивраг побрёл
К обрыву, за спину закинув щит,-
В эфире закалённый круглый диск,
Огромный и похожий на луну,
Когда её в оптическом стекле,
С Вальдарно или Фьезольских высот,
Мудрец Тосканский ночью созерцал,
Стремясь на шаре пёстром различить
Материки, потоки и хребты.
Отступник, опираясь на копье,
Перед которым высочайший ствол
Сосны Норвежской, срубленной на мачту,
Для величайшего из кораблей,
Казался бы тростинкой, — брёл вперёд
По раскалённым глыбам; а давно ль
Скользил в лазури лёгкою стопой?
Его терзали духота и смрад,
Но, боль преодолевая, он достиг
Пучины серной, с края возопив
К бойцам, валяющимся, как листва
Осенняя, устлавшая пластами
Лесные Валамбросские ручьи,
Текущие под сенью тёмных крон
Дубравы Этрурийской; так полёг
Тростник близ Моря Чермного, когда
Ветрами Орион расколыхал
Глубины вод и потопил в волнах
Бузириса и конников его
Мемфисских, что преследовали вскачь
Сынов Земли Гесем, а беглецы
Взирали с берега на мертвецов,
Плывущих среди обломков колесниц;
Так, потрясённые, бунтовщики
Лежали грудями, но Вождь вскричал,

И гулким громом отозвался Ад:
"— Князья! Воители! Недавний цвет
Небес, теперь утраченных навек!
Возможно ли эфирным существам
Столь унывать? Ужели, утомясь
Трудами ратными, решили вы
В пылающей пучине опочить?
Вы в райских долах, что ли, сладкий сон
Вкушаете? Никак, вы поклялись
Хваленье Победителю воздать
Униженно? Взирает Он меж тем
На Херувимов и на Серафимов,
Низверженных с оружием заодно
Изломанным, с обрывками знамён!
Иль ждёте вы, чтобы Его гонцы,
Бессилье наше с Неба углядев,
Накинулись и дротиками молний
Ко дну Геенны пригвоздили нас?
Восстаньте же, не то конец всему!"
Сгорая от стыда, взлетели вмиг
Бойцы. Так задремавший часовой
Спросонья вздрагивает, услышав
Начальства строгий окрик. Сознывая
Свои мученья и беду свою,
Стряхнув оцепененье, Сатане
Покорствуют несметные войска.
Так, в чёрный день Египта, мощный жезл
Вознёс Амрамов сын, и саранча,
Которую пригнал восточный ветер,
Нависла тучей, мрачною, как ночь,
Над грешной Фараоновой землёй
И затемнила Нильскую страну;
Не меньшей тучей воспарила рать
Под своды адские, сквозь пламена,
Её лизавшие со всех сторон.
Но вот копьём Владыка подал знак,
И плавно опускаются полки
На серу отверделую, покрыв
Равнину сплошь. Из чресел ледяных
Не извергал тысячелюдный Север
Подобных толп, когда его сыны,
Дунай и Рейн минуя, как потоп
Неудержимый, наводнили Юг,
За Гибралтар и до песков Ливийских!
Начальники выходят из рядов
Своих дружин; они к Вождю спешат,
Блистая богоравной красотой,
С людскою — несравнимой. Довелось
Им на небесных тронах восседать,
А ныне — в райских списках ни следа
Имён смутьянов, что презрели долг,
Из Книги Жизни вымарав себя.

Ещё потомство Евы бунтарям
Иные прозвища не нарекло,
Когда их допустил на Землю Бог,
Дабы людскую слабость испытать.
Им хитростью и ложью удалось
Растлить едва ль не весь Адамов род
И склонить к забвению Творца
И воплощенью облика его
Невидимого — в образы скотов,
Украшенных и чтимых в дни торжеств
Разнузданных и пышных; Духам Зла
Учили поклоняться, как богам.
Под именами идолов они
Языческих известны с тех времён.
Поведай, Муза, эти имена:
Кто первым, кто последним, пробудясь,
Восстал из топи на призывный клич?
Как, сообразно рангам, шли к Вождю,
Пока войска держались вдалеке?
Главнейшими божками были те,
Кто, ускользнув из Ада, в оны дни,
Ища себе добычи на Земле,
Свои дерзали ставить алтари
И капища близ Божьих алтарей
И храмов; побуждали племена
Молиться демонам и, обнаглев,
Оспаривали власть Иеговы,
Средь Херувимов, с высоты Сиона,
Громами правящего! Их кумиры -
О, мерзость! — проникали в самый Храм,
Кощунственно желая поругать
Священные обряды, адский мрак
Противоставив свету Миродержца!
Молох шёл первым — страшный, весь в крови
Невинных жертв. Родители напрасно
Рыдали; гулом бубнов, рёвом труб
Был заглушён предсмертный вопль детей,
Влекомых на его алтарь, в огонь.
Молоха чтит народ Аммонитян,
В долине влажной Раввы и в Аргобе,
В Васане и на дальних берегах
Арнона; проскользнув к святым местам,
Он сердце Соломона смог растлить,
И царь прельщённый капище ему
Напротив Храма Божьего воздвиг.
С тех пор позорной стала та гора;
Долина же Еннома, оскверняясь
Дубравой, посвящённою Молоху,
Тофет — с тех пор зовётся и ещё -
Геенной чёрною, примером Ада.
Вторым шёл Хамос — ужас и позор
Сынов Моава. Он царил в земле

Ново и Ароера, средь степей
Спалённых Аворнма; Езевон,
Оронаим, Сигонова страна,
И Сивма — виноградный дол цветущий,
И Елеал, весь неохватный край
До брега Моря Мёртвого, пред ним
Склонялся. Он, под именем Фегора,
В Ситтима соблазнил израильтян,
Покинувших Египет, впасть в разврат,
Что принесло им беды без числа.
Он оргии свои до той горы
Простёр срамной и рощи, где кумир
Господствовал Молоха — людобойцы,
Пока благочестивый не пресёк
Иосия грехи и прямо в Ад
Низверг из капищ мерзостных божков.
За ними духи шли, которым два
Прозванья были общие даны;
От берегов Евфрата до реки
Меж Сирией и Царством пирамид -
Ваалами, Астартами звались
Одни — себе присвоив род мужской,
Другие — женский. Духи всякий пол
Принять способны или оба вместе -
Так вещество их чисто и легко,
Ни оболочкой не отягчено,
Ни плотью, ни громоздким костяком.
Но, проявляясь в обликах любых,
Прозрачных, плотных, светлых или тёмных,
Затеи могут воплощать свои
Воздушные — то в похоть погрузясь,
То в ярость впад. Израиля сыны
Не раз, Жизнеподателя презрев,
Забвению предав Его законный
Алтарь, пред изваяньями скотов
Униженно склонялись, и за то
Их были головы обречены
Склоняться столь же низко пред копьём
Врагов презренных. Следом Аштарет,
Увенчанная лунным рогом, шла,
Астарта и Владычица небес
У Финикиян. В месячных ночах,
Пред статуей богини, выпевал
Молитвословья хор Сидонских дев.
И те же гимны в честь её Сион
Пятнали. На горе Обиды храм
Поставил ей женолюбивый царь.
Он сердцем был велик, но ради ласк
Язычниц обольстительных почтил
Кумиры мерзкие. Богине вслед
Шагал Таммуз, увечьем на Ливане
Сириянок сзывавший молодых,

Что ежегодно, летом, целый день
Его оплакивали и, следя,
Как в море алую струю влечёт
Адонис, верили, что снова кровь
Из ран божка окрасила поток.
Пленились этой притчей любострастной
Сиона дщери. Иезекииль
Их похоть созерцал, когда у врат
Святых ему в видении предстал
Отпавшего Иуды гнусный грех
Служенья идолам. Шёл Дух вослед,
Взаправду плакавший, когда Кивотом
Завета полоненным был разбит
Его звероподобный истукан.
Безрукий, безголовый, он лежал
Средь капища, своих же посрамив
Поклонников; Дагоном звался он -
Морское чудо, получеловек
И полурыба. Пышный храм его
Сиял в Азоте. Палестина вся,
Геф, Аскалон и Аккарон и Газа,
Пред ним дрожали. Шёл за ним Риммой;
Дамаск очаровательный служил
Ему жильём, равно как берега
Аваны и Фарфара — тучных рек.
Он тоже оскорблял Господень Дом:
Утратив прокажённого слугу,
Он повелителя обрёл: царя
Ахаза, отупевшего от пьянства,
Принудил Божий разорить алтарь
И на сирийский лад соорудить
Святилище для сожиганья жертв
Божкам, которых он же победил.
Шли дало демоны густой толпой:
Озирис, Гор, Изиды — во главе
Обширной свиты; некогда они
Египет суеверный волшебством
Чудовищным и чарами прельстили,
И заблуждающиеся жрецы,
Лишив людского образа своих
Богов бродячих, в облики зверей
Их воплотили. Этой злой чумы
Израиль на Хоривене избег,
Из золота заёмного отлив
Тельца; крамольный царь свершил вдвойне
Злодейство это — в Дано и Вефиле,
Где уподобил тучному быку
Создателя, что в ночь одну прошёл
Египет, и одним ударом всех
Младенцев первородных истребил
И всех низринул блеющих богов.
Последним появился Велиал,

Распутнейший из Духов; он себя
Пороку предал, возлюбив порок.
Не ставились кумирни в честь его
И не курились алтари, но кто
Во храмы чаще проникал, творя
Нечестие, и развращал самих
Священников, предавшихся греху
Безбожия, как сыновья Илия,
Чинившие охальство и разгул
В Господнем Доме? Он царит везде,-
В судах, дворцах и пышных городах,-
Где оглушающий, бесстыдный шум
Насилия, неправды и гульбы
Встаёт превыше башен высочайших,
Где в сумраке по улицам снуют
Гурьбою Велиаловы сыны,
Хмельные, наглые; таких видал
Содом, а позже — Гива, где в ту ночь
Был вынужден гостеприимный кров
На поруганье им жену предать,
Чтоб отворотить наисквернейший блуд.
Вот — главные по власти и чинам.
Пришлось бы долго называть иных
Прославленных; меж ними божества
Ионии, известные издревле;
Им поклонялся Иаванов род,
Хотя они значительно позднее
Своих родителей — Земли и Неба -
Явились в мир. Был первенцем Титан
С детьми, без счета; брат его — Сатурн
Лишил Титана прав, но, в свой черёд,
Утратил власть; Сатурна мощный сын
От Реи — Зевс — похитил трон отца
И незаконно царство основал.
На Крите и на Иде этот сонм
Богов известен стал сперва; затем
Они к снегам Олимпа вознеслись
И царствовали в воздухе срединном,
Где высший был для них предел небес.
Они господствовали в скалах Дельф,
В Додоне и проникли за рубеж
Дориды, словно те, что в оны дни,
Сопутствуя Сатурну-старика,
Бежали в Гесперийские поля
И, Адриатику переплывя,
Достигли дальних Кельтских островов.
Несметными стадами шли и шли
Все эти Духи; были их глаза
Потуплены тоскливо, но зажглись
Угрюмым торжеством, едва они
Увидели, что Вождь ещё не впал
В отчаянье, что не совсем ещё

Они погибли в гибели самой.
Казалось, тень сомненья на чело
Отступника легла, но он, призвав
Привычную гордыню, произнёс
Исполненные мнимого величья
Слова надменные, чтоб воскресить
Отвагу ослабевшую и страх
Рассеять. Под громовый рык рогов
И труб воинственных он повелел
Поднять свою могучую хоругвь.
Азазиил — гигантский Херувим -
Отстаивает право развернуть
Её; и вот, плеща во весь размах,
Великолепный княжеский штандарт
На огненно-блистающем копье
Вознёсся, просияв как метеор,
Несомый бурей; золотом шитья
И перлами слепительно на нем
Сверкали серафимские гербы
И пышные трофеи. Звук фанфар
Торжественно всю бездну огласил,
И полчища издали общий клич,
Потрясший ужасом не только Ад,
Но царство Хаоса и древней Ночи.
Вмиг десять тысяч стягов поднялись,
Восточной пестротой расцветив
Зловещий сумрак; выросла как лес
Щетина копий; шлемы и щиты
Сомкнулись неприступною стеной.
Шагает в ногу демонская рать
Фалангой строгой, под согласный свист
Свирелей звучных и дорийских флейт,
На битву прежде воодушевлявших
Героев древних, — благородством чувств
Возвышенных; не бешенством слепым,
Но мужеством, которого ничто
Поколебать не в силах; смерть в бою
Предпочитавших бегству от врага
И отступленью робкому. Затем
Дорийский, гармоничный создан лад,
Чтоб смуту мыслей умиротворить,
Сомненье, страх и горе из сердец
Изгнать — и смертных и бессмертных. Так,
Объединённой силою дыша,
Безмолвно шествуют бунтовщики
Под звуки флейт, что облегчают путь
По раскалённой почве. Наконец
Войска остановились. Грозный фронт,
Развёрнутый во всю свою Длину
Безмерную, доспехами блестит,
Подобно древним воинам сровняв
Щиты и копья; молча ждут бойцы

Велений Полководца. Архивраг
Обводит взглядом опытным ряды
Вооружённых Духов; быстрый взор
Оценивает легионов строй
И выправку бойцов, их красоту
Богopodobную и счёт ведёт
Когортам. Предводитель ими горд,
Ликует, яростней ожесточась,
В сознание мощи собственной своей.
Досель от сотворенья Человека
Ещё нигде такого не сошлось
Большого полчища; в сравнение с ним
Казалось бы ничтожным, словно горсть
Пигмеев, с журавлями воевавших,
Любое; даже присовокупив
К Флегрийским исполинам род геройский.
Вступивший в бой, с богами наряду,
Что схватке помогали с двух сторон,
Под Фивами и Троей, — присчитать
К ним рыцарей романов и легенд
О сыне Утера, богатырей
Британии, могучих удалцов
Арморики; неистовых рубак
И верных и неверных, навсегда
Прославивших сраженьями Дамаск,
Марокко, Трапезунд, и Монтальбан,
И Аспрамонт; к тех прижать, кого
От Африканских берегов Бизерта
Послала с Шарлеманем воевать,
Разбитым наголову среди полей
Фонтарабийских. Войско Сатаны,
Безмерно большее, чем все войска
Людские, — повинуется Вождю
Суровому; мятежный Властелин,
Осанкой статной всех превосходя,
Как башня высится. Нет, не совсем
Он прежнее величье потерял!
Хоть блеск его небесный омрачён,
Но виден в нем Архангел. Так, едва
Взошедшее на утренней заре,
Проглядывает солнце сквозь туман
Иль, при затмении скрытое Луной,
На пол-Земли зловещий полусвет
Бросает, заставляя трепетать
Монархов призраком переворотов,-
И сходственно, померкнув, излучал
Архангел часть бывшего света. Скорбь
Мрачила побледневшее лицо,
Исхлёстанное молниями; взор,
Сверкающий из-под густых бровей,
Отвагу безграничную таил,
Несломленную гордость, волю ждать

Отмщенья вождя вожделенного. Глаза
Его свирепы, но мелькнули в них
И жалость и сознание вины
При виде соучастников преступных,
Верней — последователей, навек
Погибших; тех, которых прежде он
Знавал блаженными. Из-за него
Миллионы Духов сброшены с Небес,
От света горнего отлучены
Его крамолою, но и теперь,
Хоть слава их поблекла, своему
Вождю верны. Так, сосны и дубы,
Небесным опалённые огнём,
Вздымая величавые стволы
С макушками горелыми, стоят,
Не дрогнув, на обугленной земле.
Вождь подал знак: он хочет речь держать.
Сдвоив ряды, теснятся командиры
Полуокружностью, крыло к крылу,
В безмолвии, близ Главаря. Начав
Трикраты, он трикраты, вопреки
Гордыне гневной, слезы проливал,
Не в силах молвить. Ангелы одни
Так слезы льют. Но вот он, подавив
Рыдания и вздохи, произнёс:
"— О сонмы вечных Духов! Сонмы Сил,
Лишь Всемогущему не равных! Брань
С Тираном не была бесславной, пусть
Исход её погибелен, чему
Свидетельством — плачевный облик наш
И место это. Но какой же ум
Высокий, до конца усвоив смысл
Былого, настоящее познав,
Дабы провидеть ясной предречь
Грядущее, — вообразить бы мог,
Что силы совокупные богов
Потерпят поражение? Кто дерзнёт
Поверить, что, сражение проиграв,
Могучие когорты, чьё изгнание
Опустошило Небо, не пойдут
Опять на штурм и не восстанут вновь,
Чтоб светлый край родной отвоевать?
Вся Ангельская рать — порукой мне:
Мои ли колебания и страх
Развеяли надежды наши? Нет!
Самодержавный Деспот свой Престол
Незыблемым доселе сохранял
Лишь в силу громкой славы вековой,
Привычки косной и благодаря
Обычаю. Наружно окружась
Величьем венценосца, он сокрыл
Разящую, действительную мощь,

И это побудило к мятежу
И сокрушило нас. Отныне мы
Изведали могущество Его,
Но и своё познали. Не должны
Мы вызывать на новую войну
Противника, но и страшиться нам
Не следует, коль Он её начнёт.
Всего мудрее — действовать тайком,
Обманчивою хитростью достичь
Того, что в битве не далось. Пускай
Узнает Он: победа над врагом,
Одержанная силою меча,-
Лишь часть победы. Новые миры
Создать пространство может. В Небесах
Давно уже носился общий слух,
Что Он намерен вскоре сотворить
Подобный мир и населить его
Породою существ, которых Он
Возлюбит с Ангелами наравне.
На первый случай вторгнемся туда
Из любопытства иль в иное место:
Не может бездна адская держать
Небесных Духов до конца времён
В цепях, ни Хаос — в непроглядной тьме.
В совете общем надо эту мысль
Обдумать зрело. Миру — не бывать!
Кто склонён здесь к покорности? Итак,
Скрытая иль тайная война!"
Он смолк, и миллионами клинков
Пылающих, отторгнутых от бедр
И вознесённых озарился Ад
В ответ Вождю. Бунтовщики хулят
Всевышнего; свирепо сжав мечи,
Бьют о щиты, воинственно гремя,
И Небесам надменный вызов шлют.
Вблизи гора дымилась — дикий пик
С вершиной огневержущей, с корой,
Сверкающей на склонах: верный признак
Работы серы, залежей руды
В глубинах недр. Летучий легион
Туда торопится. Так мчатся вскачь,
Опережая главные войска,
Сапёры, с грузом кирок и лопат,
Чтоб царский стан заране укрепить
Окопами и насыпью. Отряд
Маммон ведёт; из падших Духов он
Всех менее возвышен. Алчный взор
Его — и в Царстве Божьем прежде был
На низменное обращён и там
Не созерцаньем благостным святынь
Пленялся, но богатствами Небес,
Где золото пятами попиралось.

Пример он людям подал, научил
Искать сокровища в утробе гор
И клады святокрадно расхищать,
Которым лучше было бы навек
Остаться в лоне матери-земли.
На склоне мигом зазиял разруб,
И золотые ребра выдирать
Умельцы принялись. Немудрёно,
Что золото в Аду возникло. Где
Благоприятней почва бы нашлась,
Дабы взрастить блестящий этот яд?
Вы, бренного художества людей
Поклонники! Вы, не шадя похвал,
Дивитесь Вавилонским чудесам
И баснословной роскоши гробниц
Мемфиса, — но судите, сколь малы
Огромнейшие памятники в честь
Искусства, Силы, Славы, — дело рук
Людских, — в сравненье с тем, что создают
Отверженные Духи, так легко
Сооружающие в краткий час
Строение, которое с трудом,
Лишь поколения смертных, за века
Осуществить способны! Под горой
Поставлены плавильни; к ним ведёт
Сеть желобов с потоками огня
От озера. Иные мастера
Кидают в печи сотни грузных глыб,
Породу разделяют на сорта
И шихту плавят, удаляя шлак;
А третьи — роют на различный лад
Изложницы в земле, куда струёй
Клокочущее золото бежит,
Заполнив полости литейных форм.
Так дуновенье воздуха, пройдя
По всем извилинам органных труб,
Рождает мелодический хорал.
Подобно пару, вскоре из земли
При тихом пенье слитных голосов
И сладостных симфониях восстало
Обширнейшее зданье, с виду — храм;
Громадные пилястры вокруг него
И стройный лес дорических колонн,
Венчанных архитравом золотым;
Карнизы, фризы и огромный свод
Сплошь в золотой чеканке и резьбе.
Ни Вавилон, ни пышный Алкаир,
С величьем их и мотовством, когда
Ассирия с Египтом, соревнуясь,
Богатства расточали; ни дворцы
Властителей, ни храмы их богов -
Сераписа и Бела, — не могли

И подступиться к роскоши такой.
Вот стройная громада, вознесясь,
Намеченной достигла вышины
И замерла. Широкие врата,
Две бронзовые створки распахнув,
Открыли взорам внутренний простор.
Созвездья лампионов, гроздь люстр,
Где горные горят смола и масло,
Посредством чар под куполом парят,
Сияя, как небесные тела.
С восторгом восхищённая толпа
Туда вторгается; одни хвалу
Провозглашают зданию, другие -
Искусству зодчего, что воздвигал
Хоромы дивные на Небесах;
Архангелы — державные князья
Там восседали, ибо Царь Царей
Возвысил их и каждому велел
В пределах иерархии своей
Блестящими чинами управлять.
Поклонников и славы не лишён.
Был зодчий в Древней Греции; народ
Авзонский Мультибером звал его;
А миф гласит, что, мол, швырнул Юпитер
Во гневе за хрустальные зубцы
Ограды, окружающей Олимп,
Его на землю. Целый летний день
Он будто бы летел, с утра до полдня
И с полдня до заката, как звезда
Падучая, и средь Эгейских вод
На остров Лемнос рухнул. Но рассказ
Не верен; много раньше Мультибер
С мятежной ратью пал. Не помогли
Ни башни, им воздвигнутые в небе,
Ни знания, ни искусство. Зодчий сам
С умельцами своими заодно
Вниз головами сброшены Творцом
Отстраивать Геенну.
Той порой
Крылатые глашатаи, блудя
Приказ Вождя и церемониал
Торжественный, под зычный гром фанфар
Вещают, что немедленный совет
Собраться в Пандемониуме должен,-
Блистательной столице Сатаны
И Ангелов его. На громкий зов
Достойнейших бойцов отряды шлют
По рангу и заслугам; те спешат
В сопровождении несметных толп,
Теснящихся у входов, наводнивших
Все портики, — сугубо главный зал
(Ристалищу подобный, где с броней

Тяжёлой свыкшиеся ездоки,
Гарцуя пред султанским тронем, цвет
Языческого рыцарства на бой
Смертельный вызывали горделиво
Иль предлагали копыя преломить), -
Здесь, на земле и в воздухе, кишат,
Свища крылами, Духи; так, весной,
Когда вступает солнце в знак Тельца,
Из улья высыпают сотни пчёл,
Вперёд-назад снуют среди цветов
Росистых иль, сгрудившись у летка,
Что в их соломенную крепостицу
Ведёт, на гладкой подставной доске,
Бальзамом свежим пахнущей, рядят
О важных государственных делах, -
Так, сходственно, эфирные полки
Роятся тучами. Но дан сигнал, -
О, чудо! — Исполины, далеко
Превосходившие любых гигантов
Земнорожденных, вмиг превращены
В ничтожных карликов; им нет числа,
Но могут разместиться в небольшом
Пространстве, как пигмеи, что живут
За гребнем гор Индийских, или те
Малютки-эльфы, что в полночный час
На берегах ручьёв и на лесных
Опушках пляшут; поздний пешеход
Их видит въявь, а может быть, в бреду,
Когда над ним царит Луна, к земле
Снижая бледный лет, — они ж, резвясь,
Кружатся, очаровывая слух
Весёлой музыкой, и сердце в нем
От страха и восторга замирает.
Так уменьшились Духи, и чертог
Вмещает неисчетные рои
Просторно. Сохранив свой прежний рост,
На золотых престолах, в глубине,
Расселись тысячи полубогов -
Главнейших Серафических князей,
В конклаве тайном. После тишины
Недолгой был ко всем провозглашён
Призыв: Совет великий начался!

КНИГА ВТОРАЯ

Начинается совещание. Сатана вопрошает: не следует ли отважиться на новую битву для обретения утраченного Неба? Одни — за войну, другие — против. Принимается третье предложение, высказанное ранее Сатаной: убедиться в истинности пророчества или предания Небесного касательно некоего мира и нового рода существ, сходных с Ангелами или мало чем уступающих им; этот мир и существа должны быть сотворены к этому времени. Собрание в недоумении:

кого послать в столь трудную разведку?

Сатана, как верховный Вождь, решает предпринять сам и в одиночку рискованное странствие. Ему возглашают славу и рукоплещут. После завершения Совета все расходятся в разные стороны, и различным занятиям, сообразно наклонностям каждого, дабы Скоротать время до возвращения Сатаны. Последний пускается в путь и достигает врат Геенны, обнаруживает, что они замкнуты и охраняемы. Стражи врат отворяют их по его велению. Пред ним простирается необъятная пучина меж Адом и Небесами; с великими трудами он преодолевает её. Хаос, древний владыка этой пучины, указывает Сатане путь к желанному новосозданному миру. Наконец странник завидел вновь сотворённый мир.

На царском троне, затмевавшем блеск
Сокровищниц Индийских и Ормузских
И расточительных восточных стран,
Что осыпали варварских владык
Алмазами и перлами, сидел
Всех выше — Сатана; он вознесён
На пагубную эту высоту
Заслугами своими; вновь обрёл
Величие, воспрянув из глубин
Отчаянья; но ненасытный Дух,
Достигнутым гнушаясь, жаждет вновь
Сразиться с Небом; опыт позабыв
Печальный, дерзновенные мечты
Так возвещает: "— Божества Небес!
О Власти и Господства! Ни одна
Тюрьма не может мощь навек замкнуть
Бессмертную! Пусть мы побеждены,
Низвергнуты, и все же Небеса
Утраченными почитать не должно,
И силы вековечные, восстав
Из этой бездны, явятся вдвойне
Увенчанными славой и грозней,
Чем до паденья, твёрдость обретут,
Повторного разгрома не страшась.
По праву и закону Высших Сфер
Главенствуя, всеобщим утверждён
Избраньем, я отличьями в боях
И совещаньях трон мой заслужил.
Он бедствиями закреплён за мной,
Дарованный мне вами добровольно,
И незавидный. В Небе — высший ранг
С почётом высшим сопряжён; питать
К нему возможно зависть; но Вождю,
Чьё старшинство служить ему велит "
Щитом для вас и ставит в первый ряд
Противу Громовержца, наградив
Наигорчайшей долей вечных мук,
Кто позавидует? Где выгод нет
Желанных, там отсутствует раздор.
Никто не жаждет первенства в Аду,
Никто свои страданья не сочтёт

Столь малыми, чтоб добиваться больших
Из честолюбья; потому союз
Теснее наш, согласие прочней,
Надёжней верность, чем на Небесах.
При этом перевесе мы вернём
Наследье наше. Именно в беде
Рассчитывать мы вправе на успех,
Нас в счастье обманувший. Но какой
Избрать нам путь? Открытую войну
Иль тайную? Вот основной вопрос.
Обдумавший ответ — пусть говорит!"
Едва он смолк, державный царь Молох
Поднялся; изо всех бунтовщиков
Сильнейший и свирепейший, сугубо
Взбешённый пораженьем. Он себя
Мнил силой богоравной и скорей
Согласен был бы не существовать,
Чем стать слабей. Надежду потеряв
На равенство, утратил с нею страх,
Геенну и Предвечного презрел
И нечто — хуже Ада, так воззвал:
"— Стою за бой открытый! Не хвалюсь
Коварством. Козни строить не мастак.
Вольно хитрить, когда охота есть
И время. Не до хитрецов сейчас;
Они, рассевшись, будут сеть плести
Уловок, а несметные ряды
Воинственных изгнанников Небес
Неужто прозябать обречены
В ярме постыдном, в вечной тьме тюрьмы
Тирана, царствующего затем,
Что мы бездействуем? Нет! Ополчась
Огнями Ада, яростью борьбы,
Неодолимо все проложим путь
К высоким башням Неба; обратим
В оружие грозное снаряды пыток:
Пусть на Его всеильный гром в ответ
Гремит Геенна! Против молний мы
На Ангелов Его извергнем смрад
И чёрный пламень с той же силой; Божий
Престол зальём чудовищным огнём
И серой Пекла — тем, что Он для нас
Назначил. Но, быть может, смелый план
Вам не в подъем и даже мысль страшна
О взлёте на такую крутизну
И штурме неприступных вражьих стен?
Но осознайте, ежели прошло
Оцепененье от снотворных вод,
Испитых вами в озере забвенья,
Что наша суть природная, состав
Эфирный нас влечёт в родную высь.
Паденье Ангельскому естеству

Несвойственно. Когда жестокий Враг
Висел над арьергардом наших войск
Разбитых и, глумясь, в пучину гнал,-
Кто не восчувствовал: как тяжело,
Как трудно опускали нас крыла
В провалы Хаоса; зато взлетим
Свободно. Вы боитесь? Если гнев
Могучего Противника опять
Мы вызовем и Он, ожесточась,
Измыслит средства, гибельней стократ,
Чтоб нас добить, — чего страшиться здесь,
В Геенне огненной? Что может быть
Прискорбней, чем, утратив благодать,
Терпеть мученья, в бездне пресмыкаться,
Где негасимый пламень вечно жжёт
Рабов безжалостного Палача,
Склоняющих угодливо хребты
Под пыткой, под карающим бичом?
А если Он замучит нас вконец,
Мы уничтожимся, исчезнем вовсе.
Чего тогда бояться? Почему
Мы жмёмся и Тирана разъярить
Колеблемся? Свирепо нашу плоть
Эфирную Он обратит в ничто;
Но разве, перестав существовать,
Мы счастливей не будем? Разве впрок
Бессмертье истязуемым рабам?
Но если Ангельское бытие
Пресечь нельзя и наше естество
Божественно воистину, тогда
И в худшем случае для страха нет
Основы. Прежний опыт подтвердил,
Что Небо мы способны сотрясти,
Вторгаясь непрерывно, и Престол,
Хотя и неприступный, и самой
Судьбою предназначенный Царю
Небесному, тревожить. Пусть победа
Немыслима, зато возможна месть!"
Он кончил, сдвинув брови; жгучий взор
Взывал к отплате, к битве, что богам
Одним под силу. Тут, насупротив,
Поднялся Велиал; он кротким был
И человеческим внешне; изо всех
Прекраснейшим, которых Небеса
Утратили, и с виду сотворён
Для высшей славы и достойных дел,
Но лжив и пуст, хоть речь его сладка,
Подобно манне; ловкий словоблудец
За правду выдать мог любую ложь,
Мог исказить любой совет благой,
Столь мысли низменны его. Во зле
Искусный, он ленив и празден был

В деяньях чести, но, умея слух
Пленять, красноречиво молвил так:
"— О Духи! Я стоял бы за войну
Открытую, и ненависть моя
Не меньше вашей— Но призыв к борьбе
Немедленной меня разубедил
Особенно, надежду на успех
Сомнением зловещим омрачив.
Возможно ли? Храбрец из храбрецов,
Испытаннейший в битвах паладин,
Совету собственному и мечу
Не доверяя, мужество своё
Исчезновеньем хочет утвердить,
Небытием, отчаяньем; достичь
Ничтожества, жестоко отомстив!
Но о какой здесь мести речь идёт?
Небесные твердыни — под охраной
Вооружённой стражи; их не взять.
Отряды часто разбивают стан
У края Бездны; с этих рубежей
Дозорные летят на тёмных крыльях
В просторы царства Ночи, не страшась
Возможных стычек с нами. Если мы,
Пробив дорогу силой, за собой
Весь Тартар увлечём, чтоб свет Небес
Затмить, Великий Враг наш сохранит
Престол и впредь незыблемым; эфир
Пречистый омрачить нельзя ничем;
Он без труда развеет пламя Ада.
Недолгим будет наше торжество!
Побеждены повторно, мы впадём
В бессильное отчаянье, — предел
Надежды нашей; вынудим Царя
Победоносного излить сполна
Свой гнев и вовсе уничтожить нас.
И в том спасенье? Скорбное, увы!
Кто согласился бы среди горших мук,
Терпя стократ несноснейшую боль,
Мышление утратить, променять
Сознание, способное постичь,
Измерить вечность, — на небытие;
Не двигаться, не чувствовать, уйти
В несозданную Ночь и сгинуть в ней,
В её безмерном чреве? Если ж лучше
Исчезнуть нам — кто вправе утверждать;
Посильно и желанно ли Врагу
Покончить с нами раз и навсегда?
Сомнительно, чтоб Духов истребить
Он в силах был, но уж наверняка
Того не возжелает! Неужели
Всезрящий стрелы гнева истошит
Мгновенно, по беспечности своей

И слабости, несдержанно вспылив,
На пользу нам поступит невзначай,
И жертвы, предназначенные Им
Для вечной кары, уничтожит сразу?
"Чего мы ждём? — сторонники войны
Взывают. — Мы обречены на казнь
Бессрочную; проступок новый наш
Её не усугубит; пыток нет
Жесточе!" — но спокойно мы сидим
И, при оружьи, держим наш совет;
Но это ль наихудшая беда?
Когда, преследуемые Врагом
Ожесточённым, падали в провал
Стремглав под сокрушительной грозой
Разящих молний, жалостно моля
Спасения у бездны и в Аду
Ища убежища; когда в цепях,
На серном озере, стонали мы,
Не хуже ль было? Если дуновенье,
Что эти горны страшные зажгло,
В семь раз мощней раздует, распалит
Для нас предуготованный огонь,
И притаившееся в вышине
Возмездье длань багровую опять
Вооружит, чтоб пуще нас терзать,
И хляби ярости Господней вновь
Отверзятся, и хлынет пламепад
С Гееннских сводов, — жгучий, жидкий жупел,
Обрушиться готовый каждый миг
На наши головы, — и что тогда?
Пока мы рассуждаем о войне
Победной, нас внезапный ураган
Огнепалящий может разметать
По скалам и к уступам пригвоздить
На поношенья вихрям или вдруг
Закованных, беспомощных швырнуть
На дно клокочущего моря; там
Терзаться будем мы обречены
Без меры, без надежды на пощаду,
На милость, — неисчетные века.
Тогда нам будет злее, чем теперь!
Вот почему противлюсь я равно
Открытой ли войне, иль потайной.
Ни хитростью, ни силой — с Ним ничем
Не совладать. Кто может обмануть
Всевидящее Око? И сейчас
Он, с высоты, провидит нас насквозь,
Над жалкими стремленьями смеясь,
Настолько всемогущий, чтоб разбить
Противников, настолько же премудрый,
Чтоб замыслы развеять хитрецов.
Неужто, Дети Неба, мы навек

Унижены и попраны? Ужель
Мы изгнаны, обречены в Аду
В цепях бессрочно маяться? Увы,
По-моему, разумней нам сносить
Страданья нынешние, чем навлечь
Намного худшие. Неодолим
Нас тяготящий, горестный удел.
Так неизбежный Рок определил
И воля Одержавшего победу.
В страданиях и деяньях нам дана
Одна и та же мера; прав закон,
Сие установивший. Были б мы
Благоразумней, загодя обмыслив
Сомнительный исход борьбы с таким
Противником. Смешон мне удалец,
Пред боем — дерзкий, но, едва лишь меч
Ему изменит в битве роковой,-
Трепещущий последствий. пытки, плен,
Позор, изгнание — все его страшит,
Что Победитель бы ни присудил.
Но это — наша доля; претерпеть
Её повинны мы. Быть может, гнев
Противника высокого пройдёт
Со временем; мы так удалены,
Что ежели Его не раздражить,
Оставит нас в покое, обойдётся
Теперешним возмездьем; жгучий жар,
Не раздуваемый Его дыханьем,
Пожалуй, ослабев; наш состав
Эфирно-чистый переборет смрад
Тлетворный, или, с ним освоюсь, мы
Зловония не будем ощущать.
Мы можем измениться, наконец,
Так приспособиться, что здешний жар
Для нас безвредным станет и легко
Переносимым, без малейших мук.
Минует ужас нынешний, и тьма
Когда-нибудь рассеется! Никто
Не ведаёт: какие судьбы нам,
Какие перемены и надежды
Течение грядущих дней сулит.
Прискорбна участь наша, но ещё
Не самая печальная; почесть
Её счастливой можно, и она
Не станет горше, если на себя
Мы сами злейших бед не навлечём!"
Так, якобы разумно, Велиал
Не мир — трусливый предлагал застой,
Постыдное бездействие. Маммон
За ним взял слово: "— Если мы решим
Начать войну, — позволено спросить:
С каким расчётом? Низложить Царя

Небес иль воротить свои права?
Успех возможен, лишь когда Судьбой
Извечной будет править шаткий Случай,
А Хаос — их великий спор судить.
На низложение — тщетно уповать,
А посему и возвращенье прав
Недостижимо. Так чего же мы
Достигнем в Небесах, не обрета
Победы? Предположим, Царь Небес,
Смягчась, помилованье даровав,
Заставит нас вторично присягнуть
Ему в покорстве, — как же мы стоять
Уничженно будем перед Ним
И прославлять Закон Его и Трон,
Его Божественности петь хвалы,
Притворно аллилуйи, подчинясь
Насилию, завистливо смотреть,
Как властно восседает наш Монарх
На Троне и душистые цветы
С амврозией пред Алтарём Его
Благоухают, — наши подношенья
Хояопские! И в этом — наша часть
На Небе и блаженство: вечный срок
Владыке ненавистному служить.
Нет худшей доли! Так зачем желать
Того, чего вам силой — не достичь,
А как подачку — сами не возьмём?
Зачем позолоченной кабалы
Нам добиваться — даже в Небесах?
В себе поищем блага. Станем жить
По-своему и для самих себя,
Привольно, независимо, — пускай
В глубинах Преисподней. Никому
Отчёта не давая, предпочтём
Свободы бремя — лёгкому ярму
Прикрашенного раболепства. Здесь
Воистину возвысимся, творя
Великое из малого. Мы вред
На пользу обернём; из бед и зод
Составим счастье. Муки отстрадав,
Преодолеем кару, и в Аду,
При помощи терпенья и труда,
К покою, к благоденствию придём.
Страшит вас этот мрачный, мгlistый мир?
Но часто окружает Свой Престол
Всевышний Царь клубами облаков
Густых и сумрачных, не умаляя
Монаршей славы, но величьем тьмы
Её венчая, и тогда гремят
В угрюмых тучах громы, испытуюя
Своё остервененье, Небеса
Геенне уподобив. Разве мы

Не можем перенять небесный свет,
Как Победитель — наш Гееннекий мрак?
Сокровищ вдоволь здешняя юдоль,-
И золота, и дорогих камней,-
Таит в себе; достанет и у нас
Уменья претворить их в чудеса
Великолепия; на большой блеск
И Небо не способно. Между тем
Страдание стихией нашей станет,
А ныне жгущий, нестерпимый зной -
Приятным; обратится наш состав
В его состав; мы, с болью породнись,
Её не будем вовсе ощущать.
Итак, все доводы — за мир, за прочный
Правопорядок. Должно обсудить,
Как нам спастись от настоящих бед,
Но сообразно с тем: кто мы теперь,
И где находимся, оставив мысль
О мести, о войне. Вот мой совет.
По сборищу, едва Маммон умолк,
Пронёсся ропот, словно из пещер
В утёсах вырвался пленённый гул
Порывов шторма, что вздымал всю ночь
Морскую глубь и лишь к зачину дня
Охриплым посвистом навеял сов
Матросам истомлённым, чей баркас
В скалистой бухте после бури стал
На якорь. Так собранье зашумело,
Рукоплеща Маммону. Всем пришлось
По нраву предложенье мир хранить.
Геенны горше демонов страшил
Второй, подобный первому, поход.
Меч Михаила и Небесный гром
Внушали ужас. Духов привлекло
Одно желанье: основать в Аду
Империю, которая с веками,
При мудром управленьи и труде,
Могла бы Небесам противостать.
Постигнув эти мысли, Вельзевул,
Главнейший рангом после Сатаны,
Вознёсся властно, взором зад обвёл;
Казалось, поднялся опорный столп
Державы Адской: на его челе,
О благе общем запечатлены
Заботы; строгие черты лица
Являли мудрость княжескую; он
И падший — был велик. Его плеча
Атланта бремена обширных царств
Могли б снести. Он взглядом повелел
Собранью замолчать и начал речь
Средь полной тишины, ненарушимой,
Как ночь, как воздух в знойный летний день.

"— Престолы, Власти, воинство Небес,
Сыны эфира! Или мы должны
Лишиться наших званий и наречь
Себя Князьями Ада? Видно, так.
Вы все за то, чтобы в Аду осесть
И государство мощное создать,-
В мечтах, конечно, ибо Царь Небес
Узилище нам уготовал в бездне,
А не приют, куда не досягнет
Его рука, где неподвластны мы
Небесному Верховному суду,
Где против Трона горнего ковать
Крамолу сможем вновь; наоборот!
Он в ссылку нас отправил, чтоб в ярме
Томить неотвратимом, в кандалах,
На каторге бессрочной, как рабов.
Поверьте: наверху или внизу,
Он — первый и последний Государь,
Единый Самодержец; наш мятеж
Его владений не приуменьшил,
Напротив — Ад прибавил. Будет впредь
Он здесь железным нас пасти жезлом,
Как прежде пае на Небе — золотым.
О мире и войне — к чему наш спор?
Однажды мы, решившись на войну,
Все потеряли. Мира не просил
Никто, да и никто не предлагал.
Какого мира вправе ждать рабы
Пленённые? Оковы, да тюрьма,
Да кары произвольные. А мы
Что в силах предложить? Одну вражду,
И ненависть, и яростный отпор,
И месть, хоть медленную, но зато
Неутомимо ищущую средств
Убавить Триумфатору плоды
Его побед и радость отравить
От созерцанья наших мук. Найдём
Возможностей немало для борьбы
Помимо новой, гибельной войны
И штурма неприятельских валов,
Которым ни осада не страшна,
Ни приступы, ни адовы набеги.
Нельзя ли что полегче предпринять?
Есть место некое (когда молва,
Издrevле сушая на; Небесах,
Неложно прорицает), мир другой,
Счастливое жилище существа,
Прозваньем — Человек; он должен быть
Примерно в это время сотворён
И сходен с нами, хоть не столь могущ
И совершенен; и превыше всех
Созданий Тем, кто правит в Эмпирее,

Возлюблен. Так Господь провозгласил
В кругу богов, обетом подтвердив
И клятвою, потрясшей Небеса.
Туда направим помыслы; узнаем,
Что это за творенья, из какой
Субстанции и чем одарены,
В чем сила их и слабость, как верней
Их совратить, употребив обман
Иль принужденье. Путь на Небеса
Нам преграждён; Властитель там царит,
Уверенный в могуществе своём
Незыблемом. Быть может, новый мир
Находится на крайнем рубеже
Владений царских и его охрана
Поручена насельникам самим.
Здесь, может быть, удастся учинить
Нам кое-что: огнём пекельным сжечь
Мир новозданный или завладеть
Им нераздельно, жителей изгнав
Бессильных, как с Небес изгнали нас.
А если не изгоним, — привлечём
На нашу сторону; тогда их Бог
Врагом их станет; гневною рукой,
В раскаянье, свои же истребит
Создания. Мы простое превзойдём
Отмщение, блаженство умалив,
Которое испытывает Он
От бедствий ваших и к тому ещё
Возрадуемся от Его смущенья,
Когда увидит Он любимых чад,
Стремглав летящих в Ад, чтоб разделить
Мученья наши, и клянущих день
Рожденья своего, в слезах, в тоске
О кратком счастье, сгинувшим навек"
Подумайте: не стоит ли дерзнуть
Попыткой, нежели коснеть во тьме
И призрачные царства учреждать!"
Так Вельзевул свой дьявольский совет
Отстаивал, предложенный вчерне
В начале совещанья Сатаной.
Но кто ж иной, как зачинатель Зла,
Столь тёмные дела измыслить мог:
В зачатке погубить весь род людской,
Смешать — и Ад и Землю воедино
И славу Вседержителя попать?
Но прославленью вящему Творца
Их заговор коварный послужил.
Собор Гееннский воодушевлён
Отважным предложением; в глазах
Блеснула радость. Голосуют все
За дерзкий этот план, и Вельзевул,
При общем одобреньи, продолжал:

"— Синод богов! Судили мудро вы
И мудро завершили долгий спор,
Под стать величию вашему, приняв
Решение великое; оно,
Судьбе наперекор, подымет нас
Из бездны адской ближе в вышине
Былой, и нам удастся, может быть,
К пределам лучезарным вознесясь,
Ворваться в Небо, с помощью оружия
Союзного, не то — сыскать приют
В благоприятной области иной,
Где свет небес прекрасный озарять
Нас ежедневно станет, где восток
Сияющий рассеет мрачность эту,
И благовонный воздух, как бальзам
Живительный, ожоги исцелит
От едкого огня. Кого же мы
Пошлём разведать новозданный мир?
Кто с этим справится? Какой смельчак
Стопой скитальческой измерит бездну
Неизмеримую, отыщет путь
В пространстве, без начала и конца,
В тьме осязаемой? Кого из нас
Над пропастью вселенской удержать
Возмогут неустанные крыла
И взмах за взмахом, продолжая лет,
В счастливый край гонца перенесут?
Какая опытность, какая мощь
Ему потребны? Как минует он
Густую сеть отрядов и застав
Охраны Ангельской вокруг Небес?
Здесь надо осторожность проявить
Особую; не меньшую — и нам
При выборе посланца; ведь ему
Вверяем нашу общую судьбу
С последнею надеждой заодно".
Он, кончив, сел; пытливый взгляд вперил
В собрание: оспорят смелый план,
Одобрят ли? Отважится ли кто
На дерзкую попытку? Все молчат,
Обдумывая, взвешивают риск,
И с удивленьем каждый на лице
Другого тот же видит страх, что сам
Испытывает. Не нашлось героя,
Средь первых удальцов Небесных битв,
Который вызвался бы этот путь
Ужасный в одиночку одолеть.
Тут Сатана, венчанный в этот миг
Неоспоримой славой выше всех,
В сознание превосходства своего
И с царственным величьем произнёс:
"— Престолы эмпирейские. Сыны

Небес! По праву приутихли мы;
Не страх, но спасенье нас гнетёт
По праву. Долог путь, безмерно тяжек,
От Преисподней к свету. Нерушим
Застенок наш; огнепаляющий свод,
Готовый жадно каждого пожрать,
Девятикратно окружает нас.
Врата из адаманта наверху
Надёжно замкнуты, раскалены,
И всякий выход ими преграждён.
Тому, кто миновал бы их, грозит
Ночь невещественная, пустота
Зияющая; бездна, где смельчак,
Решившийся пучину пересечь,
Исчезнуть вовсе может, без следа.
А если в некий мир он прилетит
Сохранно, в чуждый край, — что ждёт его?
Опасности, которые нельзя
Предвидеть, коих трудно избежать.
Но этого престола, о Князья,
Достоин бы я не был, царский сан,
Что с властью и величьем сопряжён,
Не по заслугам бы стяжал, когда
Преграды и опасности меня
Могли бы от попытки удержать
Исполнить нечто, признанное здесь,
Для блага общего, необходимым.
Приняв престол монарший и права,
Неужто я, от сопричастных им
Опасностей и славы откажусь?
И то и это надлежит равно
Властителю; чем выше он стоит,
Тем больший воздают ему почёт,
Тем чаще испытанья, тем сложней
Задачи, предстоящие Вождю.
Вы, Силы мощные, гроза Небес,
Хоть вы низвергнуты, займитесь домом,
Ведь здесь — ваш дом на время. Вы должны
Умерить злополучье, сделать Ад
Отчасти выносимым, если есть
Такое средство или волшебство,
Способное ослабить, облегчить
Невзгоды Преисподней; за Врагом
Бессонным надо зорко наблюдать.
А я пушусь в полет, за берега
Бесформенного мрака, чтобы всех
Освободить. Попытку предприиму
Один; опасный этот шаг никто
Со мною не разделит!" Кончив речь,
Монарх поднялся, наложив запрет
На возраженья. Мудро он судил,
Что, ободрённые его примером,

Другие полководцы захотят
Участвовать (предусмотрев отказ)
В том, что недавно так страшило их,
И с помощью отваги показной,
Возвысившись в глазах собрания, стать
Его соперниками; без труда
Честь раздобыть, которую ценой
Геройских дел он должен обрести.
Но голос повелительный Вождя
Не меньше предприятия самого
Внушает ужас. Шумно все встают,
Последуя Владыке; словно гром
Раскатисто вдали пророкотал.
Почтительно склонясь пред Сатаной,
В нем Бога величают, приравняв
Царю Небес; благодарят за то,
Что он собою жертвовать готов
Для блага общего. Не до конца
Заглохли добродетели у Духов
Отверженных, к стыду людей дурных,
Кичащихся прекрасными на вид
Поступками, внушёнными гордыней,
И под личиной рвения к добру,-
Тщеславной суетностью. После всех
Сомнений, совещаться перестав,
Провозглашают славу Духи тьмы
Властителю единственному. Так,
Лишь только ветер северный уснёт,
Клубясь, густые тучи с гребней гор
Ползут, замглив приветный небосклон.
Угрюмая стихия сыплет снег
На землю смутную, дожди струит,
Но солнце, ввечеру, лучом прощальным
Сквозь тучи улыбнётся, и поля
Внезапно воскресают; стаи птах
Щебечут; блеют весело гурты,
Холмы и доли оглашая вновь.
О, срам людской! Согласие царит
Меж бесов проклятых, но человек,-
Сознаньем обладающая тварь,-
Чинит раздор с подобными себе;
Хотя на милосердие Небес
Надеяться он вправе и завет
Господний знает: вечный мир хранить,-
Живёт он в ненависти и вражде,
Опустошают Землю племена
Безжалостными войнами, неся
Друг другу истребленье, будто нет
(Что, собственно, сплотить бы всех должно)
У них врагов Гееннских, день и ночь
Готовящих погибель для людей.
Собор Стигийский завершён. В порядке

Расходится блистательная знать
Бесовская; меж ними — Властелин
Их наивысший, излучая мощь,
Надменно шествует; казалось, он
Способен сам противостать Творцу,
Один, как самодержца грозный сан
В Аду ни с кем не делит, окружив,
Из подражанья Богу, выход свой
Великолепьем царским и кольцом
Горящих Серафимов, при оружье
И с множеством хоругвей. Дан приказ
Немедля объявить, под гром фанфар,
О принятом решенье и конце
Совета. Приложив металл к устам,
На все четыре стороны трубят
Четыре Херувима; вторят им
Герольдов голоса, и далеко,
По всем провалам бездны, эта весть
Разносится; несметные войска
Восторженно приветствуют её.
Затем, уже спокойней, ободрясь
Надеждой ложной, Адские полки
Неспешно расстаются; их пути
Различны: каждый следует, куда
Наклонности влекут и грустный выбор,
Где мнит найти покой от хмурых дум
И тягостное время скоротать
До возвращенья Сатаны. Одни
Среди равнин, другие в вышине,
Летают, соревнуясь меж собой,
И в беге спорят, как во времена
Пифийских игр и Олимпийских. Здесь
Увлечены ристаньем колесниц,
Там укрощают огненных коней,
А тут — в шеренги строятся опять.
На небосклоне так порой встают
Видения: две рати в облаках,
Вещая войны гордым городам,
Сражаются. В побоище сперва
Вступают, с копьями наперевес,
Наездники воздушные; потом,
Перемешавшись в рукопашной схватке,
Когорты рубятся; вся твердь в огне
От яркого сверкания клинков.
Иные Духи, как Тифон, взъярясь,
Раскалывают горы, скалы в прах
Крушат и мчатся, вихри оседлав;
И Аду тяжко дикую гоньбу
Снести. Так, победительный Алкид
Эхалию покинул и покров
Отравленный на тело возложил;
Несносную испытывая боль,

Он сосны Фессалийские, в пылу
Неистовства, с корнями вырывал
И в море, в глубину Эвбейских вод,
С вершины Эты, Лихаса швырнул.
Иные, кротче нравом, обрели
Приют в затишном доле; там поют
Распевом Ангельским, под звуки арф,
О подвигах былых, о той беде,
Что их постигла, и клянут судьбу,
Поработившую свободный дух
Случайностью и силою. Хотя
Пристрастны песни эти, но такой
Гармонией пленительной полны
(Но разве может по-другому хор
Бессмертных петь?), что даже Ад умолк
И слушателям не мешал внимать
Восторженным. Другие, в стороне,
Облюбовали для беседы холм
(Умам — витийство, музыка — сердцам
Отрадны), там раздумьям предались,
Высоким помыслам: о Провиденье,
Провиденье, о воле и судьбе -
Судьбе предустановленной и воле
Свободной, наконец, — о безусловном
Провиденье, плутая на путях
К разгадке; обсуждению они
Подвергли всестороннему: добро,
И зло, блаженство счастья и страданье
Конечное, бесстрастие и страсть,
Позор и славу, — праздных дум тщета
И мудрость ложная! — но так могли
Тоску и страх заклясть на краткий час
Волшебным красноречьем, пробудить
Напрасные надежды и сердца
Тройной броней терпения облечь.
Ещё другие, крупными сойдясь
Отрядами, отважились разведать
Зловещий этот мир, дабы найти
Убежище помягче, и летят
Вдоль русел четырех Аидских рек,
Что в озеро пекучее несут
Погибельные струи: Стикс — река
Вражды смертельной; скорбный Ахерон,
Глубокий, чёрный; далее — Коцит,
Наименованный за горький плач,
Не молкнущий у покаянных вод
Его унылых; наконец, поток
Неистово кипящего огня,-
Свирепый Флегетон. Вдали от них
Беззвучно и медлительно скользит
Река забвенья Лета, развернув
Свой влажный лабиринт. Кто изопьёт

Её воды — забудет, кем он был
И кто он есть; забудет скорби все,
Страданья, радости и наслажденья.
За Летой простирается страна
Морозов лютых, — дикий, мгlistый край,
Терзаемый бичами вечных бурь
И вихрей градоносных; этот град,
Не тая, собирается в холмы
Огромные, — подобия руин
Каких-то древних зданий. Толща льда
И снега здесь бездонна, словно топь
Сербонская, меж Касием-горой
И Дамиатой, где уже не раз
Тонули армии, а воздух здесь
Пронизывает стужей до костей
И словно пламя жжёт. В урочный срок
Когтями гарпий Фурии влекут
Приговорённых грешников сюда.
Виновные испытывают боль
Стократ сильней от резких перемен:
Из пламени бросают их на льды,
Чтоб выстудить эфирное тепло;
И долго так лежат они, застыв,
Мучительно-недвижные, пока
Окоченеют; и в огонь опять
Несчастных возвращают. Взад-вперёд
Над Летой перебрасывают их,
Удвоив пытку тщетной маетой,
Стремлением — хоть каплю зачерпнуть
Желанной влаги, что могла бы дать
Забвенью Адских мук. Они к воде
Припасть готовы, но преградой — Рок;
Ужасная Медуза, из Горгон -
Опаснейшая, охраняет брод;
Сама струя от смертных уст бежит,
Как некогда из жадных губ Тантала.
Отважные отряды смущены,
Растерянны; от страха побледнев,
С глазами остеклелыми, бредут
Напропалую, осознав теперь
Впервые безнадёжный свой удел;
Им не нашлось убежища нигде.
Не мало мрачных, вымерших долин
Они прошли, не мало скорбных стран
Угрюмых миновать им довелось,
И огненных и ледовитых гор,
Теснин, утёсов, топей и болот,
Озёр, пещер, ущелий, — и на всем
Тень смерти; целый мир, где только смерть
Владычествует, созданный Творцом
В проклятие, пригодный лишь для Зла;
Где живо мёртвое, мертво живое,

Где чудищ отвратительных родит
Природа искажённая, — одних
Уродов мерзких; даже страх людской
Таких не мог измыслить; в сказках нет
Подобной жуткой нежити: Химер
Убийственных, Горгон и гнусных Гидр.
Тем часом быстрокрылый Сатана,
Враг Бога и людей, отважный план
Осуществляя, направлял к вратам
Геенны одинокий свой полет.
Порою влево он летел, порой -
Направо; то крылами мерил глубь
Провала, то взмывал под самый свод
Палящий. Так, сдаётся, что вдали,
Над морем, в тучах, корабли парят,
Когда их равноденственный муссон
Уносит от Бенгальских берегов
Иль островов Терната и Тидора,
Откуда пряности везут купцы
И, море Эфиопское пройдя,
На Кап кормила держат; Южный Крест
Им правильный указывает путь.
Так выглядел парящий Архивраг
Издалека. Он, под конец, достиг
Предела свода страшного; пред ним
Граница Ада; накрепко её
Хранят девятистворные Врата:
Три ртвора из железа, три из меди,
И три — из адаманта. Впереди,
По обе стороны, — два существа,
Два чудища огромные; одно -
До пояса — прекрасная жена,
От пояса же книзу — как змея,
Чьё жало точит смертоносный яд;
Извивы омерзительных колец,
Громадных, грузных, — в скользкой чешуе.
Вкруг чресел скачет свора адских псов;
Их пасти Церберские широко
Разинуты; невыносимый лай
Терзает слух. Но если псов спугнуть,
Они в утробу чудища ползут
И, в чреве скрывшись, продолжают выть,
И лаять, и пронзительно визжать.
Не столь ужасные терзали Сциллу,
Купающуюся в морских волнах,
Меж Калабрийских берегов и скал
Тринакрии рычащих, и не столь
Свирепа свита, мчащаяся вслед
Ночной колдунье, что, почуя зов
Таинственный, по воздуху летит
На запах крови детской, в хоровод
Лапландских ведьм, принудивших Луну

Усталую померкнуть силой чар.
Второе существо, — когда назвать
Возможно так бесформенное нечто,
Тенеподобный призрак; ни лица,
Ни членов у него не различить;
Он глубочайшей ночи был черней,
Как десять фурий злобен, словно Ад,
Неумолим и мощно потрясал
Огромным, устрашающим копьём;
То, что ему служило головой,
Украшено подобием венца
Монаршего. Навстречу Сатане,
Что той порою ближе подошёл,
Вскочив мгновенно, грозные шаги
Направил призрак с той же быстротой;
Ад содрогается под гнётом стоп
Тяжёлых; но, виденье разгадать
Желая, изумлённый Архивраг
Чудовище бесстрашно созерцал;
Пред Богом он и Сыном лишь склонялся,
Созданий сотворённых не боясь.
На яростного демона взглянув
Презрительно, он первым начал речь:
"— Кто ты, проклятый призрак, и откуда?
Зловещий, тёмный, — как ты смеешь мне
Обличием уродским преграждать
К вратам дорогу? Я сквозь них пройду,
Не спрашивая дозволенья. Прочь!
Иначе ты заплатишь за своё
Безумие, на опыте узнав,
Исчадь Ада, — как вступать в борьбу
С Небесным Духом!" Демон закричал
В ответ: "— Предатель — Ангел! Это ты
На Небе мир и верность преступил,
Досель ненарушимые; увлѣк
Своей гордыней Сил Небесных треть
К восстанью против Бога, и за то
И ты и совиновники навек
Осуждены в Геенне прозябать
В невыносимых муках и тоске.
И, обречённый Аду, ты дерзнул, .
Себя причислив к Ангелам, хулы
В моих владеньях нагло изрыгать
И мне грозить? Узнай, что здесь — я царь,
Твой царь и господин. Ступай туда,
Где ты обязан кару отбывать,
Презренный, беглый лжец, и трепещи,
Чтоб я не приускорил твой полет
Возвратный скорпионовым бичом,
Не причинил неведомую боль
Одним ударом этого копья
И в небывалый ужас не поверг!"

Так молвил жуткий призрак, становясь
Гнусней десятикратно и страшней
По мере возгласения угроз.
Не дрогнув, Сатана пред ним стоял,
Пылая возмущеньем; он был схож
С кометой, озарившей небосвод
Арктический, в созвездье Змееносца,
На землю стряхивающей чуму
И войны со своих зловещих косм.
Соперники стремятся поразить
Друг друга в голову, закончив бой
Одним ударом, и глядят в упор,
Кипя от ярости, подобно двум,
Тяжёлой артиллерией небесной
Вооружённым, тучам, что висят,
Недвижные, над Каспием, пока
К воздушной стычке их не подстрекнет
Сигналом трубным ветер. Таковы
Гиганты мощные. Ад помрачнел
От их бровей нахмуренных. Враги
По силе и неистовству равны.
В единой схватке сходятся бойцы
Подобные, но каждому из них
Ещё однажды схватка предстоит
С таким же всемогущим, но иным
Противником. Вот-вот произойдёт
Событие неслыханное! Ад
Поколебался бы из края в край;
Но полуженщина, полузмея,
Что ключ от врат хранила роковой,
Рванулась между ними, возопив:
" — Зачем, отец, десницу ты занёс
На собственного сына? Что за гнев
Тебя, о сын, безумно побудил
Избрать мишенью голову отца
Для дрота смертоносного? Кому
Покорствуешь? Тому, кто с вышины
Смеётся над готовностью раба,
Под видом правосудья исполнять
Веления свирепости Его,
Которая погубит вас двоих!"
Чума Геенны — Призрак, воплю вняв,
Застыл, а Сатана в ответ сказал:
"— Так странен возглас твой, значенье слов
Столь непонятно, что моя рука,
Не любящая медлить, замерла;
Тебе я мог бы делом доказать
Её могущество, но я хочу
Узнать сначала: что за существо
Ты, двойственное диво? Почему,
Впервые повстречавшаяся мне
В долине Адской, ты меня зовёшь

Отцом, а эту демонскую тень
Мне в сыновья навязываешь? Я
Тебя не знаю. Не видал досель
Уродов, мерзостней обоих вас!"
Привратница Геенны возразила:
"— Ты разве позабыл меня? Кажусь
Я нынче отвратительной тебе?
А ведь прекрасной ты меня считал,
Когда в кругу сообщников твоих, -
Мятежных Серафимов, — взор померк
Внезапно твой, мучительная боль
Тебя пронзила, ты лишился чувств,
И пламенем объятое чело,
Свет излучая, слева широко
Разверзлось, и подобная отцу
Обличьем и сияньем, из главы
Твоей, блистая дивной красотой
Небесною, во всем вооруженье,
Возникла я богиней. Изумясь,
В испуге отвернулась от меня
Спервоначалу Ангельская рать
И нарекла мне имя: Грех, сочтя
Зловещим знаменьем; потом привыкли:
Я им пришлась по нраву и смогла
Прельстить враждебнейших; ты чаще всех
Заглядывался на меня, признав
Своим подобьем верным, и, горя
Желаньем страстным, втайне разделил
Со мною наслаждения любви.
Я зачала и ощутила плод
Растущий в чреве. Между тем война
На Небе вспыхнула, преобразив
Долины благодатные в поля
Побоищ. Победил Всесильный наш
Противник (разве мыслим был исход
Иной?); мы поражение понесли
Во всем пространстве Эмпирея. Вниз,
В пучину тьмы, с Небесной вышины
Низвергли вас; я пала заодно.
Мне этот ключ вручили, приказав
Хранить сии Врата, дабы никто
Не мог отсюда выйти до поры,
Пока я их сама не отомкну.
Но, сидя на пороге, размышлять
Недолго одинокой мне пришлось:
В моей утробе оплодотворённой,
Разросшейся, почувствовала я
Мучительные корчи, боль потуг
Родильных; мерзкий плод, потомок твой,
Стремительно из чрева проложил
Кровавый путь наружу, сквозь нутро,
Меня палящей пыткой исказив

И ужасом — от пояса до пят.
А он, моё отродье, лютый враг,
Едва покинув лоно, вмиг занёс
Убийственный, неотвратимый дрот.
Я прочь бежала, восклицая: Смерть!
При этом слове страшном вздрогнул Ад,
И тяжким вздохом отозвался гул
По всем пещерам и ущельям: Смерть!
Я мчалась; он — вослед (сдаётся мне:
Сильнее любострастьем распалён,
Чем яростью); испуганную мать
Настиг, в объятия мощно заключив,
Познал насильно. Эти псы — плоды
Преступного соития. Гляди!
Страшилища вокруг меня рычат
И лают непрестанно; каждый час
Должна их зачинать я и рождать
Себе на муку вечную; они,
Голодные, в мою утробу вновь
Вползают, завывая, и грызут
Моё нутро, что пищей служит им;
Нажравшись, вырываются из чрева,
Наводят на меня безмерный страх,
Умышленно тревожа каждый миг,
И нет мне отдыха, покоя нет!
Но сын — мой враг, проклятый призрак Смерть -
Сидит напротив, подстрекая псов,
Готовый, за отсутствием другой
Добычи, мать свою — меня пожрать,
Когда б не ведал, что с моим концом
И он погибнет; горькой покажусь
На вкус; ведь стать могу я в срок любой
Убийственной отравой для него:
Так решено Судьбой. Но ты, отец,
Копья губительного берегись
И не надейся тщетно, что броня,
В эфире закалённая, тебя
Убережёт. Губительный удар
Всех сокрушает, кроме Одного -
Кто властвует в Небесной вышине".
Она умолкла. Хитрый Враг, смекнув
Значенье слов её, умерил гнев
И нежно молвил: "— Дорогая дочь,-
Поскольку ты зовёшь меня отцом
И предъявляешь сына моего
Прекрасного — залог взаимных нег,
Которые с тобою в Небесах
Делили мы; печально вспоминать
О них, коль так ужасно мы с тобой
Переменялись. Прибыл к вам, поверь,
Не как противник, но как лучший друг,
Чтоб вызволить из мрачной бездны бед

Обоих вас и всех союзных Духов,
Сражавшихся в защиту наших прав
И вместе с нами сброшенных с высот.
От них я послан. Жертвуя собой
Для блага общего, предпринял сам
Служенье трудное; один как перст,
Я странствую в бездонной глубине,
Чтоб отыскать среди пустых пространств
Неизмеримых — некий новый мир,
Предсказанный давно, и признак есть
Надёжный, что уже он сотворён,
Обширный, круглый, благодостный; преддверье
Небес, вместилище утех, приют
Каких-то новосозданных существ,
Быть может — предназначенных занять
На Небе — место наше; впрочем, Он
Их отдалил, боясь, что возрастёт
Избыток населения и впясть
В Его владеньях разразится бунт.
Разведав: так ли это иль не так,
Не угаён ли замысел иной
Царём Небес? — я тотчас возвращусь,
Тебя и Смерть перенесу туда,
Где вы привольно будете порхать
Невидимые, на немых крылах,
В душистом воздухе, где пища вам
Без меры уготована, где все
Добычей вашей станет!" — Сатана
Умолк. Чудовища восхищены
Его словами. Смерти страшный лик
Ухмылкой злой довольство оказал
Грядущим пиром и благословил
Прожорливое чрево, что теперь
Обильной снедью голод утолит;
А гнусной тени мерзостная мать,
Не менее ликуя, своему
Родителю сказала: "— Я храню
От Преисподней заповедный ключ
По праву и велению Царя
Всемощного. Он приказал вовек
Врат алмазных не отпирать,
А против силы — наготове Смерть
С копьём, которому противостать
Не властно никакое существо.
Но разве я обязана служить
Питающему ненависть ко мне,
Тому, кто в Тартар, в беспросветный мрак
Низверг, чтоб здесь повинность я несла
Подлейшую из подлых? Дочь Небес
И Небожительница, я терпеть-
Обречена страдания и страх
От собственных исчадий, что рычат,

И воют, и нутро моё грызут?
Ты — мой отец, ты — мой родитель, ты -
Жизнеподатель мой. Кому ещё
Повиноваться мне? Кому должна
Последовать? Меня ты унесёшь
В тот лучезарный, в тот счастливый мир,
К богам блаженствующим, где всегда,
С тобою рядом, справа от тебя,
Как дочь и как любимица твоя,
Истомой сладострастной дыша,
Царить я буду!" За молчав, она
Ключ роковой, орудье наших зол
И бед, сняла с бедра, и скользкий хвост
Влача звериный, поползла к Вратам
Мгновенно, и решётчатый заслон
Вверх подняла, который без неё
Стигийским силам вкупе не сместить,
Ключ повернула в скважине замка,
Пружины сложные освободив,
А с ними — все болты и рычаги
Из прочного железа и базальта
Массивного; и створы, скрежеща
На верях и петлями визжа,
Внезапно распахнулись; гром и лязг
До основанья потрясли Эреб.
Она их отомкнула, но замкнуть
Уже не властна. Ныне широко
Врата отворены; могла бы рать
Огромная, свободным, вольным строем,
Знамена боевые развернув,
С растянутыми флангами войти
В проем, — с повозками и лошадьми.
Теперь оттуда, словно из жерла
Плавильни, бил клубами чёрный дым
И пламя рдяное. Глазам троих,
Стоящих на пороге Адских Врат,
Предстали тайны пропасти седой:
Безвидный, необъятный океан
Тьмы самобытной, где пространства нет,
Ни ширины, длины и высоты,
Ни времени; где пращурь Природы,-
Ночь древняя и Хаос, — в шуме битв
Немолчных безначалие блюдут
Исконное, сумятицу, нелад
И существуют лишь благодаря
Отсутствию порядка. Вечный спор
Здесь четверо соперников-борцов
Заядлых: Сухость, Влажность, Холод, Жар,-
О первенстве ведут и гонят в бой
Зачатки-атомы, что под гербы
Различных кланов строятся; легко
Вооружённые и тяжело,

Проворны и медлительны, остры
И гладки, неисчетны, как пески
Бесплодных почв Кирены или Барки,
Вздымаемые стычкой вихревой,
Чтоб ветров невесомые крыла
Отяготить; и верх берет на миг
Та сторона, где атомы в числе
Чуть большем накопятся; а судья
Их распрей — Хаос, как бы ни решал,
Лишь умножает смуту, что ему
Опорой служит; правит рядом с ним
Арбитр верховный — Случай. На краю
Пучины дикой, — зыбки, а быть может -
Могилы Мирозданья, где огня
И воздуха, материков, морей,
В помине даже нет, но все они
В правеществе зачаточно кишат,
Смесившись и воюя меж собой,
Пока. Творец Всевластный не велит
Им новые миры образовать;
У этой бездны осторожный Враг,
С порога Ада созерцая даль,
Обмысливал свой предстоящий путь:
Ведь не пролив же узкий переплыть
Ему придётся! Нестерпимый шум
Губительный ошеломлял его,
Подобный (если малое сравнить
С большим возможно) рыку батарей
Осадных гаубиц, когда Беллона
Обширный город обращает в прах;
И если б даже рухнул небосвод
И элементы вздыбленные шар
Земной сорвали бы с его оси,
Возникший грохот не был бы сильней
Того, что слух Врага теперь терзал.
Вот наконец он, крылья распустив
Подобно корабельным парусам,
От почвы оттолкнулся и взлетел
С клубами чадными, и много лиг
Преодолея отважно, оседлав
Летучий дым; но вскорости клубы
Развеялись под ним и седока .
Оставили в бескрайной пустоте.
Напрасно он размахивал всюю
Громадными крылами; как свинец
Сорвался в пропасть, падая стремглав,
И десять тысяч фатомов успел
Отмерить он, и падал бы сейчас,
Когда бы, на беду, могучий взрыв
Из тучи, пронесившейся вблизи,
Насыщенной селитрой и огнём,
Опять скитальца ввысь на много миль

Не взвил; безумный вихрь затих, и он
Погряз в трясине вязкой — ни вода,
Ни суша. Через топкий этот край
С натугой путник двигался вперёд,
Где летом, где пешком; ему годны
Весло и парус. Так пересекал
Болота, горы и пустыни Гриф,
Преследуя упорно Аримаспов,
Что золото украли у него,
Хоть россыпи он зорко сторожил.
Подобно Грифу, стойкий Сатана
Одoleвал болота и хребты,
Стремясь вперёд сквозь множество стихий -
Разреженных, и плотных, и густых,
И твёрдых; пробивался головой,
Руками, крыльями, ногами; он
Летел, нырял, пускался вплавь и полз.
Вдруг бесконечно-дикий, зычный вопль
Он услышал: нестройных криков гул,
Смешенье смутных звуков, и туда
Бесстрашно повернул, дабы взглянуть:
Какие сонмы Духов или Сил
Здесь, в глубочайшей пропасти, царят
Средь шума этого, и разузнать
Надёжный путь из тьмы к пределам света.
Внезапно перед ним престол возник
Владыки Хаоса; его шатёр
Угрюмый над провалами глубин
Раскинут широко; второй престол
Ночь занимает, с головы до пят
Окутанная тёмной пеленой,-
Наидревнейшая изо всего,
Что существует; рядом с ними Орк,
Аид и Демогоргон, чьё нельзя
Прозванье грозное произносить,
А там — Смятенье, Случай и Молва,
Раздор тысячеустый и Мятеж
Вопят, кричат и спорят вразнобой.
К ним обратился храбро Сатана:
"— Вы, Духи или Силы, Нижней Бездной
Исконно правящие: Хаос, ты,
И ты, несозданная Ночь! Пришёл
Не как лазутчик, тайны распознать
Владений ваших, и не свергнуть вас;
Негаданно в пустынный здешний край
Забрёл я, ибо к свету верный путь
По вашей мрачной области пролёг.
Я в одиночку, без проводника,
Во мгле плутаю; не могу найти
Рубеж, где ваше царство темноты
Граничит с Небом. Там, невдалеке,
Возможно, есть места, не столь давно

Отобранные Деспотом у вас.
Туда стремлюсь я; укажите мне
Дорогу, — вас сторицей награжу,
И если мне Захватчика изгнать
Удастся из отторгнутой страны,
Её верну в первоначальный мрак,
Под вашу руку (в этом цель моя),
И знамя древней Ночи водворю.
Вся прибыль — вам, себе — оставлю месть!"
Анарх — старик с изменчивым лицом,
Забормотал: "— Ты мне знаком, чужак;
Ты — Ангелов могучий верховод,
Восставший на Властителя Небес
И побеждённый. Да, я видел все
И слышал. Многочисленная рать
Подобная беззвучно не могла
Сквозь бездну потрясённую лететь,
Обрушиваясь, падая стремглав,
А мириады яростных полков
Из распахнувшихся Небесных Врат
Победоносно хлынули вослед,
Преследуя повстанцев по пятам.
Здесь, на границе царства моего,
Я восседаю, силясь уберечь
Ту малость, что ещё подвластна мне,
Но распри ваши даже ей грозят.
Держава древней Ночи из-за них
Ущерблена: сперва отторгнут был
Обширный Ад, чтоб вам тюрьму создать.
Теперь Земля и Небо — новый мир,-
Подвешены на золотой цепи,
Над нашими владениями, там,
Где легионы рушились твои.
И знай, коль ты намерился туда:
Опасен путь, хотя и не далёк.
Ступай, спеши! Разруха и разор,
Бесчинство и крушенье — любы мне!"
Не тратя ни мгновенья на ответ
И радуясь тому, что берег моря
Его скитаний близок, Сатана
Со свежей силой взмыл одним рывком,
Как пирамида пламени, в простор
Пустынного пространства, проложив
Дорогу средь враждующих стихии,
Кишевших вокруг него. Не претерпел
Такие беды Арго, между скал
Смыкающихся проходя Босфор;
Не худшим испытаниям Улисс
Подвергся, левым бортом обогнув
Харибду, чтоб кормило повернуть
К соседней водоверти. Но вперёд,
С трудом, упорно Сатана летел,

Одолевал упорно и с трудом
Препятствия; когда их превозмог,
И с помощью его произошло
Паденье Человека, — страшный путь
Преобразился дивно: Грех и Смерть,
Вослед, с произволения Небес,
Над бездною широкою стезю
Немедля проторили. Клокоча,
Пучина терпеливо сносит мост
Длины безмерной: от Гееннских недр
До рубежей вновь созданного мира;
По той тропе шныряют Духи Зла
Вперёд-назад, чтоб соблазнять людей
И их карать нещадно, исключив
Хранимых благосклонностью Творца
И добрых Ангелов от искушенья.
Но вот своё влиянье проявил
Блаженный свет, забрезжив от зубцов
Небесных башен; отблеск заревой
Проник в глубины хмурой Ночи. Здесь
Природа зачинается уже;
Отсюда Хаос, как разбитый враг,
Поспешно отступает; он притих,
И глуше бранный гул его звучит.
Все меньшие усилия Сатане
Потребны для полёта; он теперь,
В мерцанье сумерек, совсем легко
Скользит по успокоенным волнам.
Так радостно заходит в порт корабль,
Рангоут потеряв и такелаж,
В борьбе со штормом. Крылья распластав
Широкие, в разреженной среде,
Почти воздушной, — видит Сатана
Просторы эмпирейские Небес,-
Квадратных или круглых, — не понять,
Столь широки они. Пред ним опал
Высоких башен, блещущий сапфир
Зубчатых стен его былой отчизны,
И рядом — мир повис на золотой
Цепи, подобный крохотной звезде
В сравнении с Луной. Лелея мечь
Неутолимую, проклятый Дух
Торопится туда в проклятый час.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Восседая на Престоле своём, Бог видит Сатану, летящего к новозданному миру, и, указав на него Сыну, сидящему одесную, предрекает успешное совращение рода человеческого Сатаню и разъясняет, что Божественное правосудие и премудрость безупречны, ибо Человек создан свободным и вполне способным противостоять искушению.

Однако Он изъявляет намерение помиловать Человека, падшего не по причине прирождённой злобности, как Сатана, но будучи соблазнённым им. Сын Божий восхваляет Отца за милость к Человеку, но Господь провозглашает, что милость та не может быть дарована без удовлетворения Божественной справедливости; Человек оскорбил величие Божие, посягнув присвоить себе божественность, а посему осуждён со всем потомством на смерть и должен умереть, если не найдётся кто-либо, возжелающий искупить за него эту вину и понести кару. Сын Божий выражает готовность добровольно пожертвовать Собой для искупления Человека; Отец принимает жертву, повелевает Сыну воплотиться и превозносит Его над всеми именами на Небесах и на Земле, повелевает всем Ангелам поклониться Сыну.

Повинуясь, Ангелы, объединённым хором, сопровождаемым арфами, воспевают в гимнах Отца и Сына. Тем часом Сатана опускается на поверхность крайней сферы нашей вселенной. Странствуя здесь, он прежде всего находит некое место, названное позднее Лимбом, Преддверьем Суетности. Следует описание лиц и предметов, возносящихся в эту область. Затем Сатана достигает Небесных Врат; следует описание ступеней, ведущих к ним, и вод, обтекающих Небеса. Далее Сатана направляет полет к шару Солнца, встречает Уриила, правителя этой планеты, преобразуется в младшего Ангела и притворно уверяет Серафима в своём горячем стремлении увидеть новозданный мир и Человека, поселённого на нем Создателем. Он выведывает местонахождение Человека и сперва опускается на гору Нифат.

О, Свет святой! О, первенец Небес!
Хвала тебе! Дерзну ль неосужденно
Лучом совечным Вечному назвать
Тебя, когда Господь есть Свет,
От века сущий в неподступном свете,
А стало быть, о, излучённый блеск
Субстанции несозданной, — в тебе!
Эфира ли ты чистое струенье?
Но кто укажет мне, где твой исток?
Ты прежде Солнца пребывал и Неба
И, повинуясь голосу Творца,
Подобно ризам юный мир облёк,
Возникший из безвидной пустоты
Безмерной, — мир глубоких, чёрных вод.
Стигийскую пучину миновав,
Покинув тьму, где долго я блуждал,
На смелых крыльях возвращаюсь вновь
К тебе. Летя сквозь мрак и полумрак,
Ночь древнюю и Хаос я воспел
Не на Орфеев лад, на лад иной.
Нет! Музою небесной умудрён,
Спускался я в провалы темноты
Отважно и оттуда восходил
Опять к высотам. Труден этот путь
И необычен. Снова я обрёл
Тебя и воскрешающую мощь
Твоей лампы чую, но глаза
Ты никогда мои не посетишь.
Вотще они вращаются, ища
Всепроникающих твоих лучей,

Не находя и промелька зари;
Их погасила тёмная вода,
А может, бельма плотные. Но все ж
Я, возлюбив священные напевы,
Паломничества не прерву в страну,
Где обитают Музы, где ручьи
Прозрачные, тенистые леса
И солнцем напоённые холмы.
Но предпочтительно к тебе, Сион,
К источникам, которые в цветах,
У твоего подножия журчат
Святого, — я ночами уношусь,
Нередко вспоминая двух мужей
Слепых: Тамириса и Меонида,
С которыми сравнился я судьбой;
О, если б равной славы мне достичь! -
И думаю о древних двух волхвах:
Финее и Тересии. Мой дух
Тогда питают мысли и невольно
Рождают гармонический напев.
Так птица в непроглядной тьме поёт
Бессонная и, средь густых теней
Укрытая, свою ночную трель
Выводит. Наступают каждый год
Весна и лето, осень и зима,
Но никогда не возвратится день
Ко мне. Я не увижу никогда
Блаженных смен восходов и закатов,
Ни вешних цветников, ни летних роз,
Ни тучных стад, ни дивных лиц людских.
Подобно туче, беспросветный мрак
Меня окутал; от мирской стези.
Кипучей отстранил навек меня,
И Книга, по которой изучать
Я мог Природы дивные дела,
Померкла, выскоблена и пустых
Страниц полна; закрыты, для слепца,
Одни из врат Премудрости навек.
Тем ярче воссияй, Небесный Свет,
Во мне и, силы духа озарив,
Ему — восставь глаза; рассея туман,
Дабы увидел и поведал я,
То, что узреть не может смертный взор.
С пречистой, эмпирейской высоты,
С Престола наивысшего, Отец
Всемощный, глядя вниз, обозревал
Своё творенье и дела Своих
Созданий. Словно звезды, без числа
Толпясь вокруг Творца, Небесный сонм
Святой, при созерцанье Божества,
Блаженствовал безмерно. Сын Его
Единый одесную восседал,-

Господней славы образ лучезарный.
Творец на Землю взоры преклонил
И наших прародителей чету
Вдали узрел, — единственных людей,
В ту пору населявших райский сад,
Вкушавших там бессмертные плоды
Любви непревзойдённой, несравненной
И непрерывно дрящущихся утех,
В отрадном одиночестве. Затем
На Ад и на пучину Он воззрел
Окружную, заметил Сатану:
Меж башнями Небес и царством Ночи
Парил скиталец в сумрачной среде,
Усталые крыла сложить стремясь,
Дабы нетерпеливою пятой
На почву мира нового ступить,
Нагого, сходного с материком,
Укрытым средь стихий, но небосвода
Лишённым, и нельзя определить:
Воздушный или водный океан
Глухие омывают берега.
И со Своей взирая высоты,
Откуда настоящее Ему,
Грядущее и прошлое ясны,
Провидчески промолвил Сыну Бог:
"— Мой Сын единородный! Убедись
В свирепом рвенье Нашего Врага.
Ни предписанья строгие Мои,
Ни все преграды Ада, ни цепей
Железо, ни бездонная пучина,
Его не удержали; злобный Дух
Отчаянною жаждою влеком
Отмщенья, но обрушится оно
На голову мятежника. Теперь
В пределах света он летит, вблизи
Небес, к недавно созданной Земле,
Он Человека силой погубить
Замыслил, или хуже — соблазнить,
Употребив коварство и обман.
И соблазнит. Беспечно и легко,
Поддавшись лживой лести, Человек
Не соблюдёт единый Мой запрет,
Единый послушания залог,
И со своим потомством совокупно
Изменчивым — падёт. По чьей вине?
Ужели не по собственной? В удел
Я все неблагодарному отвёл,
Чем он владеть способен; Я благим
Его и чистым создал; волю дал
Свободно Зло отвергнуть или пасть.
Таков закон для сотворённых Мною
Эфирных Сил и Духов; как для тех,

Что пали, так для тех, что Мне верны
Остались. Преступить ли, устоять -
От них зависело. Как бы могли,
Не будучи свободными, любовь
Свою ко Мне бесспорно доказать,
И преданность, и верность? Если б долг
Они осуществляли принуждённо,
Не следуя хотенью своему,
А лишь необходимости одной,
В чем их была б заслуга? Разве Мне
Смиренье мило, если воля, разум
(Ведь разум — это тот же вольный выбор)
Бездейственны, бессильны, лишены
Свободы выбора, свободной воли,
Не мне, а неизбежности служа?
Я справедливо создал их. Нельзя
Им на Творца пенять и на судьбу
И виноватить естество своё,
Что, мол, непререкаемый закон
Предназначенья ими управлял,
Начертанный вселенским Провиденьем.
Не Мною — ими был решён мятеж;
И если даже знал Я наперёд -
Предвиденье не предreshало бунта;
И не провиденный, он все равно
Свершился без вмешательства Судьбы.
Без принужденья, без неизбежных
Предначертаний, Духи предались
В суждениях и выборе — греху.
На них вина. Они сотворены
Свободными; такими должно им
Остаться до поры, пока ярмо
Не примут сами рабское; иначе
Пришлось бы их природу исказить,
Ненарушимый, вечный отменив
Закон, что им свободу даровал.
Избрали грех — они; самих себя
Разврату и обману обрекли,
Зачинщиками став. Но Человек
Падёт, прельщённый ими; посему
Его помилую, но Духам Зла
Прощенья нет. Мой справедливый суд
И милосердье славу приумножат
Мою — на Небесах и на Земле,
Но первым и последним будет свет
Ярчайший — милосердия сиять".
Пока Творец глаголил, аромат
Амвросии овеял Небеса,
Сладчайшим счастьем новым упоив
Блаженных Духов избранных; но Сын
Был славой несравненной озарён;
Вся суть Отца отобразилась в Нем.

Святое состраданье лик Его
Являл, неистошимую любовь
И милость беспредельную; излил
Он чувства эти, обратись к Отцу:
"— Отец мой! Завершил Ты приговор
Державный — милосердно: обретёт
Пощаду Человек! Тебе хвалы
Провозгласят и Небо и Земля
В несметных песнопениях священных
И гимнах, вокруг престола Твоего,
Из века в век Творца превознося.
Возможно ли, чтоб Человек погиб,
Юнейшая из тварей, младший сын
Любимый Твой, хотя бы даже он,
Обманом соблазнённый, согрешил
В безумии своём? О, Ты далёк,
Далёк от этой мысли, мой Отец!
Ты всех своих созданий Судия
Непогрешимый, праведный; ужель
Дозволишь Ты Врагу осуществить
Его стремленья, обратить в ничто
Твой Промысел благой, а силы Зла
Победно разнuzдать? Неужто Враг,
Пускай для горшей кары, но гордясь
Отмщеньем, увлекая заодно
Весь род людской, который он растлил,
Вернётся в бездну Адскую? Неужто
Из-за него Ты уничтожишь Сам
Созданье, сотворённое Тобой
Для славы Собственной? Такой исход
Сомненью бы кощунственно подверг
Величие и благодать Божества
И предал бы хуле неотвратимой!"
"— О Сын! — Господь отвечивал. — Души
Моей отрада, отпрыск недр Моих!
Единый Ты — Моя Премудрость, Мощь
Творящая и Слово! Глубину
Моих решений вечных Ты постиг
И выразил: погибнет Человек
Не до конца. Желаящий спастись
Спасение обрящет, но отнюдь
Не волей собственной, но лишь Моим,
Даруемым свободно милосердьем.
Жестоко истощённые в плену
Греха, среди разнuzданных страстей,
Людские силы жалкие опять
Восставлю Я, да, подкреплённый Мной,
Он со смертельным встретится Врагом
На равных основаньях, да поймёт,
Мной подкреплённый, что ослаблен он,
Ослушник падший, что обязан Мне
Спасением — иному никому!

Я милости особой удостою
Избранников немногих; таково
Моё соизволение. Остальных
Не перестану обличать в грехах,
Дабы разгневанное Божество
Просили о прощении, пока
Ещё не поздно, и Господь благой
Их милосердно призывает. Мрак
Людских умов я просветлю, смягчу
Сердца их каменные, побудив
Раскаяться, покорствоваться, молить.
К раскаянью, покорству и мольбам
Чистосердечным Я не буду глух
И слеп. Я в души Совесть им вселю,-
Вождя и Судию. Кто внемлет ей,
От света к свету следуя, стремясь
К заветной цели, тот себя спасёт.
Но презирающий долготерпенье
Создателя и пренебрегший Днём
Прощения — не будет пощаждён.
Пускай ожесточённые сердца
Ожесточатся пуще, слепота
Усугубится, дабы глубже пал
Ослушник, спотыкаясь. Лишь таким
Прощения не будет. Но не все
Сказал Я: Человек, поправ запрет,
Растопчет верность; отвергая власть
Верховную Небес и возжелав
Сравниться с Богом, он последних благ
Лишится. Нечем будет искупить
Ему свою измену, посему
Он обречён распаду. Умереть
Должны и он, и отпрыски его;
И либо Справедливость, либо он
Умрёт, когда не сыщется другой,
Достойный, кто в замену б захотел
Себя охотой в жертву принести
Суровому закону: смерть за смерть.
Ответьте, Силы горние: любовь
Найдётся ли такая? Кто из вас
Решится тленным стать, чтоб смертный грех
Омыть людской? Кто праведный спасёт
Неправедного? Есть ли в Небесах
Столь всеобъемлющее состраданье?"
Он спросил, но Эмпирей молчал.
Небесный хор немотствовал. Никто
За Человека выступить не смел,
Тем более — вину его принять
Смертельную, возмездие навлечь
На собственную голову. И так,
Неискупленным должен род людской,
На Ад и Смерть сурово осуждённый,

Погибнуть, но предстательство Своё
Сын Божий, воплощенье полноты
Любви божественной, — возобновил:
"— Изрёк Ты, Отче: милости лишён
Не будет Человек. Ужель она
Его минует, из Твоих гонцов -
Быстрокрылатейшая и ко всем
Твореньям находящая пути,
Предупреждая просьбы и мольбы?
Сколь счастлив Человек, что ей призыв
Не надобен и что сама собой
Приходит милость! Гибнущий в грехах,
Не в силах, умирая, он снискать
Твою помогу, искупить вину
Молитвами и жертвами. Взгляни
На Сына! Предлагаю жизнь за жизнь.
Взамен его — меня прими. Твой гнев
Пускай меня карает. Человеком
Меня сочти; я, из любви к нему,
Твоё покину лоно; отрешусь
От славы, разделяемой с Тобой,
И за него умру охотно. Пусть
Смерть источит неистовство на мне.
Недолгий срок пребуду я в ярме
Её угрюмой власти. Ты мне дал
Жизнь вечную; в Тебе я вечно жив
И, Смерти подчинившись, ей отдам
Лишь смертное во мне. Когда же долг
Я уплачу, Ты в мерзостном гробу
Меня поживой Смерти не оставишь,
Мой чистый дух истленью не предашь.
Победно я воскресну, покорив
Смерть — покорительницу, отниму
Добычу у неё, которой так
Она гордилась. Раны понеся
Смертельные, посрамлена, лишась
Губительного жала, Смерть во прах
Повергнется, а я пленённый Ад
С триумфом повлеку через простор
Воздушный, силам адским вопреки,
И властелинов мрака предъявлю
Тебе в цепях. Возрадовавшись, Ты
С улыбкой на меня с Небес воззришь.
Я уничтожу всех моих врагов,
Последней — Смерть, и труп её заполнит
Могилу. Окружённый сонмом душ,
Спасённых мной, на Небо я вернусь,
Где долгий срок отсутствовал, и вновь
Увижу, Отче, Твой безгневный лик,
Не помрачённый боле. Гнев навек
Исчезнет; воцарится близ Тебя
Одно лишь совершенное блаженство!"

Он смолкнул, но в молчанье кроткий взор
Безмолвно говорил, дыша любовью
Бессмертной — к смертным людям; превзойти
Сыновье послушанье лишь могло
Любовь такую. В жертву принося
Охотно, радостно Себя, Он ждал
Решения Всевышнего Отца.
Все Небо изумилось, дивный смысл
И цель происходящего постичь
Не в силах, но Господь провозгласил:
"— О, Ты, единый, здесь и на Земле,
Возмездие готовый отвести
От грешников и мир восстановить!
Моя утеха! Ведомо Тебе,
Сколь Мне создання дороги Мои,
Средь них — особо дорог Человек,
Последним сотворённый. Для него
С Тобой расстанусь, от Моей десницы
И от груди на время отрешу
Тебя, дабы спасти погибший род.
Лишь Ты его способен искупить.
Поэтому, Свою соединив
Природу с естеством людским, живи
Среди Людей, как смертный человек.
Чудесно Девой будешь Ты рождён
В урочный срок. Принадлежа к сынам
Адамовым, возглавишь род людской,
Погубленный Адамом, заменив
Ослушника — собой. Ты возродишь,
Как новый корень, тех, кому спастись
Ещё возможно; вне Тебя же — нет
Спасения. Адамовым грехом
Все отпрыски его отягчены;
Твой подвиг только тех освободит,
Кто, от своих отрекшись дел — дурных
И добрых, — возжелает жить в Тебе,
Свет новой жизни от Тебя прияв.
По высшей правде — должен заплатить
За человека — человек; судим
Он будет и умрёт; потом, воскреснув,
Он воскресит братьев, дорогой
Ценою жизни искупленных. Так,
Любовь Небесная свирепый Ад
Повергнет, осудив себя на смерть
И жертвою бесценной искупив
Все, что легко свирепый Ад сгубил
И губит ныне тех, кто благодать
Снискать бы мог, но наотрез отверг.
Принятем плоти естество Своё
Не исказишь и не унизишь Ты.
Мне равный, царствующий наравне
Со Мной в сиянье славы, разделяя

Блаженство Божеское, — этот блеск
Ты покидаешь, дабы мир спасти.
Заслугою превыше, чем рождением,
Ты — Божий Сын, и доброта Твоя
Дороже, чем могущество и власть;
Сияние Твоей любви сильней
Сиянья славы; Ты, уничижась,
К высотам Трона Моего взнесёшь
Свою людскую суть, чтоб во плоти
Державствовать, как Человек и Бог.
Сын Человеческий, Сын Божий, — Ты
Миропомазанник, вселенский Царь.
Возвысись подвигом, вовеки правь!
Тебе — всю власть вручаю. Будь главой
Начал и Сил, Престолов и Господств!
На Небе, на Земле, в подземной тьме
Геенны, да пригнётся пред Тобой
Колено каждое! Когда с Небес
Ты явишься, во славе, в облаках,
И возвестить Архангелам велишь
Твой Страшный Суд, — живые воспешат
Со всех сторон, и встанут мертвецы
Истёкших всех столетий, ото сна
Разбуженные зычным зовом труб;
Дурных людей и Ангелов судить
В кругу святых Ты станешь; виноватых
Твой правый приговор низвергнет в Ад;
Наполнясь, он заикнётся навсегда;
А мир сгорит. Из пепла и золы
Возникнут снова Небо и Земля,-
Обитель праведников, где они
Дни золотые, после долгих мук,
И золотые, славные дела,
Возвеселясь в любви и правде, узрят.
Ты царский сложишь скипетр; в нем нужды
Нет более: Бог будет Все во Всём.
Того же, кто согласен умереть,
Дабы сие свершилось, — возлюбите,
О божества! — и чтите, как Меня".
Едва изрёк Творец, как прогремел
Ликующий, тысячезвучный клич
Средь Ангельского сонма. Стройный хор
Несметных, сладкопевных голосов
Восторженной «осанной» огласил
Весь Эмпирей. Смиренно преклонясь
К подножьям Тронов Сына и Отца,
Слагают Ангелы венки свои,
Где золото и вечный амарант
Сплелись; тот амарант, что цвёл в Раю,
Близ Древа жизни, но когда Адам
Ослушался, — на Небо снова взят,
Прародину свою; теперь цветок

Источник жизни снова осенил,
Где волны амбры средь Небес влечёт
Блаженная река, среди полей
Элизия. Невянущим Цветком
Благие Духи кудри украшают
Лучистые свои; теперь венки
Устлали пол, сверкавший в багреце
Душистой россыпи небесных роз,
Улыбчиво — подобно морю яшм.
Позднее Духи, увенчавшись вновь,
За арфы гармоничные взялись,
Что, золотом горя, висят у них,
Как тулы, сбоку; сладостный аккорд
Симфонии начальной возбудил
Восторг высокий. Дивно зазвучал
Священный гимн; слились все голоса
В едином хоре; не молчит никто.
Так слаженно поют на Небесах.
Сперва Тебя, Отец, воспели, Царь
Всесильный, бесконечный, неизменный,
Бессмертный, вечный, сущего Творец,
Источник света, но незримый Сам,
Когда Ты восседаешь в вышине,
На неприступном Троне, средь лучей
Струящихся. Но если яркий свет
Ослабишь Ты и риз Твоих края
Мелькнут меж туч, облёкших Твой Престол
Ковчегом лучезарным, — этот блеск
Слепит все Небо; взора не прикрыв
Крылами, самый светлый Серафим
Приблизиться к Престолу не дерзнёт.
Затем Тебя воспели, первозданный,
Подобный Богу, Им рождённый Сын.
Нескрытый облаками облик Твой
Являет всемогущество Отца,
Которого воочью увидеть
Не может никакое существо.
Почиет отблеск славы на Тебе
Господней; Божий Дух в Тебя вселён.
Твоей десницей сотворил Господь
И Небеса Небес, и сонмы Сил
Небесных и низверг Твоей десницей
Мятежников смятенных в оный день,
Когда, громов Отцовских не щадя
И колесницы огненной разбег
Не замедляя. Неба вечный свод
Поколебав, Ты мчался по хребтам
Бегущих врассыпную бунтарей.
С победой Ты вернулся, и войска
Небесные прославили Тебя,
Единый Сын Отцовской мощи. Мстишь
Ты беспощадно всем Его врагам,-

Не Человеку, что попрал запрет,
Поддавшись вероломству. О Отец
Всемиловитый! Ты не осудил
Сурово грешника, но сострадал
О нем. Единый Сын любимый Твой,
Едва узрел, что Ты суровый суд
Над слабой тварью умягчить готов
И клонишься к пощаде; утишить
Стремясь Твой гнев и завершить борьбу
Меж справедливостью и милосердьем,
Что отражалась на Твоём челе, -
Он, жертвуя блаженством: быть вторым,
С Тобою рядом, — смерти предаёт
Себя, дабы людскую искупить
Вину. О, беспримерная любовь,
Лишь Божеству доступная! Хвала
Тебе, о Божий Сын, Спаситель наш!
Отныне этих песен родником
Твоё да будет имя. Никогда
Не перестанет арфа прославлять
Моя, — Отца и Сына нераздельно!
При звуках гимнов радостно текли
В надзвёздной сфере, в Небесах, часы
Благие. Той порою Сатана
Ступил на твёрдый, мрачный, полый шар,
Что меньшие, лучистые вмещал
Шары, от Ночи древней оградив
И Хаоса. Издалека округла
Поверхность шара внешнего, вблизи
Предстала плоской сумрачной страной,
Пустынной, дикой ширью, без границ,
Затерянной в ночной, беззвёздной тьме
И окружённой завываньем бурь
Неистового Хаоса; таков
Был негостеприимный материк.
Лишь с краю одного едва сквозил
Далёкий отблеск от Небесных стен,
И вихрь не столь свирепо там ревел.
Здесь Враг шагал привольно, словно гриф
Имауса, чьи снежные хребты
Стоят преградой на стезе татар
Кочующих; от скудных скал родных,
Где нет поживы, хищник прочь летит
На поиски барашков и козлят,
К верховьям Ганга и Гидаспа — рек
Индийских, где пасутся их стада,
В нагорьях, но садится отдохнуть
Среди пути, на степи Сериканы,
Где лёгкий, тростниковый свой возок
Китаец, парусами оснастив,
По ветру мчится. Так скитался Враг
Совсем один, в пустыне, что была,

Как море, ветром вздыблена, ища
Добычи; одиноко он шагал,
Затем что не было ещё в ту пору
Ни мёртвых, ни живых созданий здесь.
Впоследствии, когда насытил грех
Тщеславием деяния людей,
Проникли, как воздушные пары,
Сюда — все воплощенья суеты,
Все временные, бранные свершенья,
А заодно — и те, кто возлагал
На них надежду: славу обрести
Бессмертную и счастье, в бытии
Земном и замогильном, кто хвалу
Снискать людскую тщился, кто сполна
Награду в здешней жизни одержал -
Прискорбных предрассудков порожденья
И рвения слепого; все они
Теперь стяжают подлинную мзду
Пустую, по деяньям их пустым.
То, что Природой не завершено
И создано нескладно: недоноски,
Ублюдки и уродцы, на Земле
Излишние, слетаются сюда
И своего уничтоженья ждут,
Бродя бесцельно здесь, не на Луне,
Как некоторым грезилось порой;
Нет, лунные поля из серебра -
Жилище тварей более достойных,
Верней всего, — убежище святых
И Духов, чей состав переходной
Меж Ангельским составом и людским.
Сначала в этот край перенеслись
От брака сыновей и дочерей
Неравного рождённые сыны -
Гиганты древности, в былых веках
Прославленные за напрасный труд;
Явились те, что в суетной тщете
В долине Сennaарской возвели
Близ Вавилона башню и теперь
Готовы снова башни воздвигать,
Когда бы строить было из чего.
Врозь, чередом являлись: Эмпедокл,
Что в кратер Этны прыгнул, божеством
Желая почитаться; Клеомброт,
В морскую глубь нырнувший, чтоб скорей
В Платоновский Элизиум попасть.
Но долго было б всех перечислять
Зародышей, кретинов, дурачков,
Отшельников, монахов — белых, чёрных
И серых — лицемеров и святош,
Со всею их обманной мишурой;
Паломники забрались в эту даль,

Что мёртвого искали на Голгофе
Христа, живущего на Небесах;
Здесь те, кто в смертный час напялил рясу,
Мечтая в рай попасть наверняка,
В сутане Доминика, в клобуке
Франциска. Вот круги семи планет
Они минуют, круг недвижных звёзд
И свод кристальный, чей противовес
Попятный ход планет определяет,
Своим вращеньем равновесье тверди,
Как судят многие; и наконец,-
Круг переводигателя; мнится им,
Что у калитки Врат Небесных ждёт
Их сам Апостол Пётр с ключом в руке.
Они заносят ногу на ступень
Небесной лестницы, но встречный вихрь
Могущественный их сдувает прочь
В пустынный мрак, на десять тысяч лиг.
Вы наблюдать могли бы, как летят,
Вертясь и разрываясь на клочки,
Сутаны, капюшоны заодно
С владельцами; как чётки, буллы, мощи,
Обрывки индульгенций, лоскуты
Помилований мчатся кувырком,
Уносятся в изнанку мира, в Лимб,
В окраину, которая с тех пор
Зовётся «Рай глупцов»; она пока
Безлюдна и безвестна, но позднее
Немногим незнакома. Враг набрёл
На этот шар угрюмый по пути
И долго странствовал; но слабый луч,
Во мгле блеснув, привлёк его, и он,
В ту сторону усталые стопы
Поспешно устремив, издалека
Роскошное строенье увидал,
Ступенчатое, ведшее к стенам
Небес; венчали верхнюю плиту
Как бы врата монаршего дворца;
Над ними раззолоченный фронто
Алмазами блистал, и был портал
Осыпан самоцветами Востока.
Немыслимо воздвигнуть на Земле
Ни слабого подобья этих врат,
Ни даже кистью их изобразить.
По лестнице такой же, вверх и вниз,
Сновали толпы Ангелов, когда
Иаков от Исава шёл в Харран
И под открытым небом задремал
На поле, возле Луза, и, во сне
Её увидев, молвил, пробудясь:
«— Сие Врата Небесные!» Ступени
Имели, каждая, свой тайный смысл,

А лестница порой скрывалась в Небе.
Под ней — сверкало море цвета яшм
И жидких перлов; праведников сонм,
Покинув здешний мир, переплывал,
Ведомый Ангелами, эту хлябь;
Иных же над поверхностью морской
Несла упряжка огненных коней.
Та лестница опущена теперь,
Чтоб восхождением лёгким раздражить
Врага, иль, может быть, — печаль разжечь
Красою им утраченных навек
Небесных Врат. Проем широкий вёл
От лестницы к Земле, в блаженный край
Эдема; шире много той дороги,
Что на Синай впоследствии вела,
В обетованную страну, Творцом
Возлюбленную; Ангелы не раз
Туда летали, чтоб осведомить
О воле Божьей избранный народ,
А Сам Господь с любовью взирал
На область: от Панеи, где берет
Начало Иордан, до рубежей
Святой Земли, с Аравией, с Египтом,
Вблизи Вирсавии; и тот проем
Тьме полагал предел, как берега
Обузывают бурный океан.
С подножья лестницы, на Небеса
Ведущей, со ступени золотой,
Ошеломлённый Сатана глядел
На необъятный мир, ему внизу
Представший. Так лазутчик, напролёт
Всю ночь рискуя жизнью, среди глухих
И мрачных троп, с рассветом наконец
Восходит на высокий холм, и вдруг
Его глазам просторы предстают
Цветущие неведомой страны
Иль город многобашенный, в лучах
Восхода, золотящего шпили
И купола сверканьем заревым.
Таким же изумленьем поражён
Был Архивраг, хоть в прошлом созерцал
Величие Небес, но красота
И совершенство мира, что ему
Был явлен, породили в Духе Зла
Не столько удивленье, сколько — зависть.
Всю сферу оглядел он (без труда,-
Поскольку высоко был вознесён
Над медленно кружащимся шатром
Длиннейшей тени Ночи), — от Весов,
От их восточной точки, до Овна,
Что Андромеду за рубеж увлёт
Атлантики, за дальний горизонт.

От полюса до полюса обвёл
Он взором ширь. Внезапно прынул вниз,
К светилам ближним. Быстро и легко
Сквозь чистый воздух мраморный скользнул,
Лавируя среди небесных тел
Несметных. Звёздами издалека
Они ему казались, но вблизи
Явились как миры, как острова
Блаженные, подобные садам
Прекрасным Гесперийским, в старину
Прославленным. О рощи и поля
Приветные! Долины сплошь в цветах!
Вы, острова, блаженные трикраты!
Но Сатана не стал раз узнавать,
Что за счастливцы обитают здесь.
Лишь Солнце золотое, из светил
Ярчайшее, влечёт его; к нему
Он мчится, средь вселенской тишины
(От центра или к центру, вверх иль вниз,
Вширь или вдоль, — определить нельзя).
Великого светила он достиг,
Сиянье изливавшего на рой
Обычных звёзд, кружащихся вдали
От взора Властелина. Хоровод
Созвездий отмеряет плавный ритм
Дней, месяцев и лет, вертясь вокруг
Источника живительного света,
Иль, может, Солнце направляет их
Усиьем магнетических лучей,
Дарящих благотворное тепло
Вселенной, проникающих везде,-
В земные недра и морскую глубь
Незримо. Назначенье таково
Чудесное — светлейшей из планет.
Враг на неё спустился; в телескоп
Обозревая Солнце, астроном
Не видывал подобного пятна.
Сияло солнечное вещество
Невыразимо ярко; ни с одним
Металлом или камнем на Земле
Сравнить его нельзя, и хоть оно
Не однородно — светом налилось
Насквозь, как раскалённое железо -
Огнём. То золотом, то серебром
Оно казалось, а местами блеск
Напоминал искрящейся игрой
Карбункул, хризолит, рубин, топаз,-
Все камни драгоценные, в числе
Двенадцати, которыми сверкал
Нагрудник Аарона, и ещё
Тот камень, что существовал в мечтах
Верней, чем наяву; искали зря

Философы столетьями его,
Хоть с помощью всесильного искусства
Летучего Меркурия связать
Сумели; даже древнего смогли
Протея многоликого извлечь
Из вод морских, чтоб в кубе перегонном
Он прежний принял вид. Немудрёно,
Что солнечные доли и поля
Чистейший источают эликсир,
А реки — жидким золотом текут,
Когда одним касаньем мастерским
Великий химик — Солнце, на таком
Огромном расстоянии, в тёмных недрах,
Из разных смесей с влагою земной,
Бессчётно драгоценности творит,
Столь редкой силы и расцветки пышной.
Здесь Дьявол много нового нашёл;
Ничем не ослепляясь, вдаль и вширь
Он смотрит невозбранно: нет препон
Для взора, ни теней, — лишь яркий свет,
Как на экваторе, в полдневный час,
Когда от Солнца падают лучи
Отвесные и лишены теней
Все тёмные тела. Здесь, как нигде,
Прозрачен воздух; острый взор Врага
Благодаря ему так далеко
Проник, что различил на горизонте
Прославленного Ангела, — того,
Которого на Солнце Иоанн
Увидел. Отвернулся он лицом,
Но по сиянью Враг его узнал,
По золотой, из солнечных лучей,
Короне, по сверкающим власам,
Волною ниспадавшим на плеча
Крылатые. Казалось, думал он
О важном порученье или был
Охвачен созерцаньем. Злобный Дух
Возликовал, надеясь обрести
Указывателя, который в Рай,
В обитель безмятежную людей.
Его полет скитальческий направит;
Там кончатся его блужданья, там
Начнутся беды наши; но, стремясь
Опасностей избежать и помех,
Сперва он вздумал облик изменить
И обернулся юным Херувимом,
Не из главнейших. Лик его сиял
Улыбкою небесной; каждый член
Дышал изяществом; так Враг умел
Притворствоваться. Воздушный ореол
Волос, из-под повязки золотой,
Ланиты оведал; его крыла

Сплошь в блёстках золотых, цветным пером
Пестрели. Торопливо подобрал
Подол, с жезлом серебряным в руках,
Он скромно приближался, и, шаги
Его заслышав, обратил к нему
Блестящий Ангел свой лучистый лик,
И тотчас Уриила Враг признал,
Архангела, из тех, в числе семи,
Ближайших к Богу и Его Престолу,
Всегда готовых волю исполнять
Господню; это очи Божества,
Все Небо облетающие вмиг,
Гонцы стремительные, что несут
Посланья Божьи — по материкам
И океанам, суше и воде.
И Сатана сказал: "— Ты, Уриил,
Один из тех семи, что предстоят
Близ Трона Вседержителя, в лучах
Извечной славы; первый из гонцов,
Вещающий Всевышнего посланья
Всем Небесам высоким, где тебя
Сыны Господни в нетерпенье ждут.
По Высочайшей воле службу здесь
Почётную, наверно, ты несёшь:
Следишь, как Божье око, за Его
Твореньем новым! Дивный этот мир
Узреть я жажду и познать. Влечёт
Меня всего сильнее — Человек,
Любимец Божий, баловень Творца,
Создавшего все эти чудеса
Для Человека. Так желанье жгло
Меня, что я пустился в долгий путь,
Один, покинув херувимский хор.
О светозарный Серафим! Скажи,
Какой из этих блещущих шаров
Назначен Человеку? Или он
Обосноваться вправе на любом?
Чтоб явно или тайно созерцать,
Ищу того, кому Господь миры
Дарует, на щедроты не скупясь.
В создание этом новом, как во всем,
Что создано, да возгласим хвалу
Зиждителю Вселенной; Он изгнал
Врагов мятежных правосудно в Ад,
Создав, дабы утрату возместить,
Счастливым род людской. Творец премудр!"
Так молвил вероломный лицемер
Неузнанный. Притворство разгадаю"
Ни ангелам, ни людям не дано;
Из прочих зол единое оно
Блуждает по Земле и, кроме Бога,
По попущенью Господа, никем

Не зримо; Мудрость бодрствует порой,
Но дремлет Подозренье на часах
У врат её, передоверив пост
Наивности; незримое же Зло
Сокрыто от невинной Доброты.
Так был правитель Солнца Уриил
Обманут, хоть считался в Небесах
Из Духов — самым зорким, и теперь
Ответствовал на дерзостную речь
Притворщика правдиво, как всегда:
"— Прекрасный Ангел! То, что жаждешь ты,
Дела Творца узрев, Ему хвалу
Воздать, — не порицаемо, — напротив!
Тем более, что одинокий путь
Предпринял ты, покинув Эмпирей,
Чтоб зреть воочью то, о чем другим
На Небесах достаточно вполне
По описаньям знать. Его дела
Воистину чудесны, и глядеть
На них — услада; радостно о них
С благоговеньем вечно вспоминать.
Но чей возможет сотворённый ум
Исчислить их, безмерную постичь
Премудрость, что их создала, укрыв
В глубокой тьме причины всех вещей?
Я видел, как бесформенная масса
Первоматерии слилась в одно
По слову Господа, и Хаос внял
Его глаголу; дикий бунт притих,
Законам покорясь, и обрела
Пределы — беспредельность. Он изрёк
Вторично — и бежала тьма, и свет
Возник; из беспорядка родился
Порядок; по назначенным местам
Расположились элементы вмиг
Тяжёлые: Земля, Вода, Огонь
И Воздух; квинтэссенция Небес
Эфирная умчалась вверх, скруглясь
Во множество шарообразных форм, —
В скопления неисчислимых звёзд.
Они, как видишь, по своим орбитам
Поныне движутся, и точный ход
У каждой. Остальное вещество
Вселенную обстало как стеной.
На шар взгляни, что яркой обращён
К нам стороной и отражает свет,
Отсюда льющийся; тот шар — Земля,
Обитель Человека. День царит
На светлой гемисфере, дабы ночь
Не завладела ею, как сейчас
Владеет полушарием другим.
Но там на помощь ближняя Луна

(Так противостоящую звезду
Прекрасную зовут) приходит в срок
И ежемесячный свершает круг,
Исчезнув, нарождается опять;
Насытив светом трисоставный диск,
Она свой блеск заёмный отдаёт,
Служа Земле лампадой, ночь теснит
В её владенья бледные. Смотри,
Вон то пятно и есть Адамов Рай,
А эта тень — его шалаш. Теперь
С пути ты не собьёшься, а меня
Мой призывает путь". Промолвив так,
Он отошёл. Глубоко Сатана
Склонился, по обычаям Небес,
Где высшим Духам низшие — почёт
И уваженье воздают всегда,
И ринулся к земному рубежу
С эклиптики. Надеждой на успех
Пришпоренный, он за витком виток
Стремительно описывал, пока
Не приземлился на горе Нифат.

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Завидев Эдем, Сатана приближается к тому месту, где должен решиться осуществить дерзновенное предприятие против Бога и людей, возложенное им лишь на свои собственные плечи. Здесь его одолевают сомнения, волнуют страсти: страх, зависть, отчаянье; но в конце концов он утверждает во зле и направляется к Раю. Следует описание внешнего вида и местоположения Рая. Сатана минует Райскую ограду и в облике морского ворона опускается на макушку Древа познания, — высочайшего в Райском саду. Описание этого сада. Сатана впервые созерцает Адама и Еву, удивляется прекрасной внешности и блаженному состоянию" людей, но не изменяет решения погубить Прародителей. Из подслушанной беседы он узнает, что им, под страхом смерти, запрещено вкушать от плодов Древа познания; на этом запрете он основывает план искушения; он хочет склонить их послушаться. Затем он их на время оставляет, намереваясь иным путём выведать что-либо о положении первой четы. Тем временем Уриил, опустившись на солнечном луче, предупреждает Гавриила, охраняющего Рай, что некий злой Дух бежал из Преисподней и в полдень, в образе доброго Ангела, пролетал через сферу Солнца, направляясь к Раю, но выдал себя, когда опустился на гору, яростными телодвижениями. Гавриил обещался ещё до рассвета разыскать притворщика.

Наступает ночь. Разговор Прародителей на пути к ночлегу; описание их кущи, их вечерней молитвы. Гавриил выступает со своими отрядами в ночной дозор вокруг Рая; он шлёт двух могучих Ангелов к Адамовой куще, опасаясь, что упомянутый злой Дух может причинить вред спящей чете. Ангелы находят Сатану, который, оборотясь жабой, прикорнул над ухом Евы, желая соблазнить её во сне. Они ведут сопротивляющегося к Гавриилу. Допрошенный Архангелом Сатана отвечает ему презрительно и вызывающе, готовится к битве, но небесное знамение останавливает Врага, и он поспешно удаляется из Рая.

Где глас остереженья: "— Горе вам,

Живущим на Земле!" — глас, что гремел
В ушах того, кому средь облаков
Был явлен Апокалипсис, когда
С удвоенной свирепостью Дракон,
Вторично поражённый, на людей
Обрушил месть? О, если б этот глас,
Доколь ещё не поздно, остерёг
Беспечных Прародителей, они
От скрытого Врага и от сетей
Погибельных его могли б спастись.
Ведь распалённый злобой Сатана
Явился в первый раз не обвинить,
Но искусить, дабы на Человеке,
Невинном, слабом, выместить разгром
Восстанья первого и ссылку в Ад.
Но Враг не рад, хотя и цель близка.
Он, от неё вдали, был дерзок, смел,
Но приступает к действиям, не лстясь
Успехом верным, и в его груди
Мятежной страшный замысел, созрев,
Теперь бушует яростно, под стать
Машине адской, что, взорвав заряд,
Назад отпрядывает на себя.
Сомнение и страх язвят Врага
Смятенного; клокочет Ад в душе,
Спим неразлучный; Ад вокруг него
И Ад внутри. Элодею не уйти
От Ада, как нельзя с самим собой
Расстаться. Пробудила Совесть вновь
Бывалое отчаянье в груди
И горькое сознание: кем он был
На Небесах и кем он стал теперь,
Каким, гораздо худшим, станет впредь.
Чем больше злодеянье, тем грозней
Расплата. На пленительный Эдем
Не раз он обращал печальный взор,
На небосвод, на Солнце поглядел
Полдневное, достигшее зенита,
И после долгих дум сказал, вздохнув:
"— В сиянье славы царского венца,
С высот, где ты единый властелин,
Обозревая новозданный мир,
Ты, солнце, блещешь словно некий бог
И пред тобою меркнет звёздный сонм.
Не с дружбою по имени зову
Тебя; о нет! Зову, чтоб изъяснить,
Как ненавижу я твои лучи,
Напоминающие о былом
Величии, когда я высоко
Над солнечною сферою сиял
Во славе. Но, гордыней обуян
И честолюбьем гибельным, дерзнул

Восстать противу Горнего Царя
Всесильного. За что же? Разве Он
Такою благодарность заслужил,
В столь превысоком чине сотворя
Меня блистательном и никогда
Благодаяньями не попрекнув,
Не тяготя повинностями. Петь
Ему хвалы — какая легче дань
Признательности, должной Божеству?
Но все Его добро лишь зло во мне
Взрастило, вероломство разожгло.
Я, вознесённый высоко, отверг
Любое послушанье, возмечтал,
Поднявшись на ещё одну ступень,
Стать выше всех, мгновенно сбросить с плеч
Благодаренья вечного ярмо
Невыносимое. Как тяжело
Бессрочно оставаться должником,
Выплачивая неоплатный долг!
Но я забыл про все дары Творца
Несметные; не разумел, что сердце
Признательное, долг свой осознав,
Его тем самым платит; что, сочтя
Себя обязанным благодарить
Всечасно, в благодарности самой
Свободу обретает от неё.
Ужели это тяжко? О, зачем
Я не был низшим Ангелом? Тогда
Блаженствовал бы вечно и меня
Разнузданным надеждам и гордыне
Вовеки б развратить не удалось!
Но разве нет? Иной могучий Дух,
Подобный мне, всевластья возжелав,
Меня бы так же в заговор вовлёл,
Будь я и в скромном ранге. Но соблазн
Мне равные Архангелы смогли
Отвергнуть, защищённые извне
И изнутри противоискушеньем.
А разве силой ты не обладал
И волею свободной — устоять?
Да, обладал. На что же ропщешь ты?
Винишь кого? Небесную любовь,
Свободно уделаемую всем?
Будь проклята она! Ведь мне сулят,
Равно любовь и ненависть, одно
Лишь вечное страданье. Нет, себя
Кляни! Веленьям Божьим вопреки,
Ты сам, своею волей, то избрал,
В чем правосудно каешься теперь.
Куда, несчастный, скроюсь я, бежав
От ярости безмерной и от мук
Безмерного отчаянья? Везде

В Аду я буду. Ад — я сам. На дне
Сей пропасти — иная ждёт меня,
Зияя глубочайшей глубиной,
Грозя пожрать. Ад, по сравнению с ней,
И все застенки Ада Небесами
Мне кажутся. Смирись же наконец!
Ужели места нет в твоей душе
Раскаянью, а милость невозможна?
Увы! Покорность — вот единый путь,
А этого мне гордость не велит
Произнести и стыд перед лицом
Соратников, оставшихся в Аду,
Которых соблазнил я, обещав
Отнюдь не покориться — покорить
Всемощного. О, горе мне! Они
Не знают, сколь я каюсь в похвальбе
Кичливой, что за пытки я терплю,
На троне Адском княжеский почёт
Приемля! Чем я выше вознесён
Короною и скипетром, — паденье
Моё тем глубже. Я превосхожу
Других, — лишь только мукой без границ.
Вот все утехи честолюбья! Пусть
Я даже покорюсь и обрету
Прощенье и высокий прежний чин;
С величием бы ко мне вернулись вновь
И замыслы великие. От клятв
Смиренья показного очень скоро
Отрёкся б я, присягу объявив
Исторгнутой под пытками. Вовек
Не будет мира истинного там,
Где нанесла смертельная вражда
Раненья столь глубокие. Меня
Вторично бы к разгрому привело
Горчайшему, к паденью в глубину
Страшнейшую. Я дорогой ценой
Купил бы перемирие, уплатив
Двойным страданием за краткий миг.
О том палач мой сводом, посему
Далёк от мысли мир мне даровать,
Настолько же, насколько я далёк
От унижительной мольбы о мире.
Итак, надежды нет. Он, вместо нас,
Низвергнутых, презренных, сотворил
Себе утеху новую — людей
И создал Землю, ради них. Прощай,
Надежда! Заодно прощай, и страх,
Прощай, раскаянье, прощай, Добро!
Отныне, Зло, моим ты благом стань,
С Царём Небес благодаря тебе
Я разделяю власть, а может быть,
Я больше половины захвачу

Его владений! Новозданный мир
И человек узнают это вскоре!"
Лицо Врага, пока он говорил,
Отображая смену бурных чувств,
Бледнело трижды; зависть, ярый гнев,
Отчаянье, — притворные черты
Им принятой личины исказив,
Лжеца разоблачили бы, когда б
Его увидеть мог сторонний глаз:
Небесных Духов чистое чело
Разнузданные страсти не мрачат.
Враг это знал; он обуздал себя,
Спокойным притворившись в тот же миг.
Он самым первым был — Искусник лжи,-
Кто показным святошеством прикрыл
Чреватую отмщеньем ненасытным
Пучину злобы; но ввести в обман
Он Уриила все же не сумел,
Уже предупреждённого, чей взор
Следил за тем, как ниспарил летун
На гору Ассирийскую, и там,
Преобразясь внезапно, принял вид,
Блаженным Духам чуждый; Уриил
Приметил искажённое лицо
И дикие движенья Сатаны,
Который полагал, что здесь никто
Его не видит. Продолжая путь,
Он под конец достигнул рубежа
Эдема, где отрадный Рай венчал
Оградою зеленой, словно валом,
Вершины неприступной плоский срез.
Крутые склоны густо поросли
Кустарником причудливым; подъем
Сквозь дебри эти был неодолим.
Вверху в недостигаемую высь
Вздымались купы кедров, пиний, пихт
И пальм широколистных; пышный зад
Природный, где уступами ряды
Тенистых кроя вставали друг за другом,
Образовав амфитеатр лесной,
Исполненный величия; над ним
Господствовал зелёный Райский вал;
Наш Праотец оттуда, с вышины,
Осматривал окружные края
Обширные, простёртые внизу.
За этим валом высилась гряда
Деревьев дивных, множеством плодов
Унизанных; в одно и то же время
Они плодоносили и цвели,
Пестрея красками и золотясь
Под солнцем, что на них свои лучи
Лило охотней, чем на облачка

Закатные, сверкало веселей,
Чем на дуге, воздвигнутой Творцом,
Поящим Землю. Чудно хороша
Была та местность! Воздух, что ни шаг,
Все чище становился и дышал
Врагу навстречу ликовањем вешним,
Способным все печали исцелить,
За исключением лишь одного
Отчаянья... Игрою нежных крыл
Душистые Зефиры аромат
Струили бальзамический, шепча
О том, где эти запахи они
Похитили. Так, после мыса Доброй
Надежды, миновавши Мозамбик,
В открытом океане моряки
Сабейский обоняют фимиам,
От северо-востока ветерком
Привеянный, с пахучих берегов
Аравии Счастливой, и тогда
На много лиг свой замедляют ход,
Чтоб дольше пряным воздухом дышать,
Которым даже Океан-старик
С улыбкой наслаждается. Точь-в-точь
Такой же запах услаждал Врага,
Явившегося отравить его,
Хоть был он и приятен Сатане,
Не то что Асмодею — рыбный дух,
Из-за которого покинул бес
Товитову невестку и бежал
Из Мидии в Египет, где в цепях
Заслуженную кару он понёс.
В раздумье Сатана, замедлив шаг,
К подъёму на крутую эту гору
Приблизился: дороги дальше, нет,
Деревья и кусты переплелись
Ветвями и корнями меж собой
Столь густо, что ни человек, ни зверь
Пробиться бы сквозь чащу не могли.
Лишь по другую сторону горы
Вели врата единственные в Рай
С востока, но вратами пренебрёг
Архипреступник, и одним прыжком,
С презреньем, все преграды миновал,
Над зарослями горными легко
Перенесясь и над высоким валом,
Средь Рая очутился. Так следит
Гонимый голодом бродячий волк
За пастухами, что свои гурты
В овчарню, ограждённую плетнём
От пастбища, заводят ввечеру
Для безопасности; но хищник, вмиг
Перемахнув плетень, уже внутри

Загона. Так ещё проворный вор,
Задумавший ограбить богача,
Уверенного в прочности замков
Дверей тяжёлых своего жилья,
Способных взлому противостоять, -
В дом проникает сквозь проем окна
Иль — через крышу. Так Первозлодей
В овчарню Божью вторгся; так с тех пор
Вторгаются наймиты в Божий храм.
Теперь на Древо жизни, что росло
Посередине Рая, выше всех
Деревьев, он взлетел и принял вид
Морского ворона; себе вернуть
Не в силах истинное бытие,
Он, сидючи на Древе, помышлял
О способах: живых на смерть обречь.
Жизнеподательное Враг избрал
Растенье лишь затем, чтоб с вышины
Расширить свой обзор; меж тем оно,
При должном применении, залогом
Бессмертья бы служило. Только Бог
Умеет верно, и никто иной,
Судить о благе. Люди, лучший дар,
Им злоупотребляя, извратить
Способны, применив для низких дел.
Он глянул вниз и удивился вновь
Щедротам, сотворённым для людей.
Сокровища Природы на таком
Пространстве малом все размещены;
Казалось — это Небо на Земле.
Ведь Божьим садом был блаженный Рай,
Всевышним на восточной стороне
Эдема насаждённым, а Эдем
Простёрся от Харрана на восток,
До Селевкийских горделивых веж, -
Сооружений греческих владык,
И где сыны Эдема, в оны дни,
До греков населяли Талассар.
В краю прекрасном этом насадил
Господь стократ прекрасный вертоград
И почве плодородной повелел
Деревья дивные произрастить,
Что могут обонянье, зренье, вкус
Особо усладить. Среди них росло
Всех выше — Древо жизни, сплошь в плодах,
Амврозией благоухавших; впрямь -
Растительное золото! А рядом
Сосуществовала с жизнью наша смерть -
Познанья Древо; дорогой ценой
Купили мы познание Добра,
С Добром одновременно Зло познав.
Широкая река текла на юг,

Нигде не изгибаясь; под лесной
Горой она скрывалась в глубине
Скалистых недр. Всевышний водрузил
Ту гору над рекою, чтоб земля
Вбирала жадно влагу, чтоб вода
По жилам почвы подымалась вверх
И, вырвавшись наружу, ключевой
Струёй, дробясь на множество ручьёв,
Обильно орошала Райский сад,
Потом, соединясь в один поток,
С откоса водопадом низвергалась
Реке навстречу, вынырнувшей вновь
Из мрачного подземного жерла.
Здесь на четыре главных рукава
Река делилась; по своим путям
Потоки разбегались; довелось
Им пересечь немало славных стран
И царств, которые перечислять
Не надобно. Я лучше расскажу,-
Достало бы у меня! — как ручьи
Прозрачные, рождённые ключом
Сапфирным, извиваясь и журча,
Стекают по восточным жемчугам
И золотым пескам, в тени ветвей
Нависших, все растения струёй
Нектара омывая, напоив
Достойно украшающие Рай
Цветы, что не Искусством возвращены
На клумбах и причудливых куртинах,
Но по равнинам, долам и холмам
Природой расточительной самой
Разбросаны; и там, где средь полей
Открытых греет Солнце поутру,
И в дебрях, где и полднем на листве
Лежит непроницаемая тень.
Прекрасные, счастливые места,
Различных сельских видов сочетанье!
В душистых рощах пышные стволы
Сочат бальзам пахучий и смолу,
Подобные слезам, а на других
Деревьях всевозможные плоды
Пленяют золотистой кожурой;
И если миф о Гесперидах — былъ,
То это — здесь, и яблоки на вкус
Отменны. Между рощами луга
Виднеются, отлогие пригорки,
Где щиплют нежную траву стада.
Вот холм, поросший пальмами, и дол
Сырой, в тысячекрасочном ковре
Цветов, меж ними — роза без шипов.
А там — тенистых гротов и пещер
Манит прохлада; обвивают их

Курчавых лоз роскошные сплетенья
В пурпурных гроздах; падая со скал
Каскадами, струи гремучих вод
Ветвятся и сливаются опять
В озера, что, подобно зеркалам
Хрустальным, отражают берега,
Увенчанные миртами. Звенит
Пернатый хор, и дух лугов и роц
Разносят ветры вешние, звуча
В листве дрожащей. Сам вселенский Пан,
И Ор и Граций в пляске закружив,
Водительствует вечною весной.
Не так прекрасна Энна, где цветы
Сбирала Прозерпина, что была
Прекраснейшим цветком, который Дит
Похитил мрачный; в поисках за ней
Церера обошла весь белый свет.
Ни рощу Дафны дивную, вблизи
Оронта, ни Кастальский ключ, певцов
Одушевляющий, нельзя никак
С Эдемским Раем истинным сравнить;
Ни остров Ниса на Тритон-реке,
Где древний Хам, — язычники зовут
Его Аммоном и Ливийским Зевсом,-
От Реи злобной Амалфею скрыл
С младенцем Бахусом; ни знойный край,
Где у истоков Нила, на горе
Амаре, абиссинские цари
Своих детей лелеют; строем скал
Блестящих та гора окружена
И до её вершины — день пути.
Иным казалось: настоящий Рай
Здесь, у экватора, но все затмил
Тот Ассирийский сад, где Враг взирал
Без радости на радостную местность,
На разные живые существа,
Столь новые и странные на вид.
Меж ними — два, стоймя держась, как боги,
Превосходили прочих прямизной
И благородством форм; одарены
Величием врождённым, в наготе
Своей державной, воплощали власть
Над окружающим, её приняв
Заслуженно. В их лицах отражён
Божественных преславный лик Творца,
Премудрость, правда, святость, и была
Строга та святость и чиста (строга,
Но исто по-сыновьему свободна);
И людям лишь она даёт права
На уваженье. Схожи не во всем
Созданья эти; видимо, присущ
Им разный пол. Для силы сотворён

И мысли — муж, для нежности — жена
И прелести манящей; создан муж
Для Бога только, и жена для Бога,
В своём супруге. Мужа властный взгляд,
Прекрасное, высокое чело
О первенстве бесспорном говорили
Адама; разделясь на две волны,
Извивы гиацинтовых кудрей
Струились на могучие плеча.
Густых волос рассыпанные пряди
Окутывали ризой золотой
Точёный стан жены; они вились
Подобно усикам лозы, являя
Послушливость, которую супруг
Умильно требует; ему охотно
Жена застенчивая воздаёт
И нежной ласки вожденный миг,
Со скромной гордостью противясь, длит.
Они не прикрывали тайных мест
Своих; бесстыжий стыд, греховный срам,
Чернящая дела Природы честь
Бесчестная, — их не было ещё,
Детей порока, людям столько бед
Принёсших лицемерной суетой
Под видом непорочности и нас
Лишивших величайших в мире благ -
Невинности и чистой простоты.
Чета ходила наго, не таясь
Творца и Ангелов, не мысля в том
Дурного; шли вдвоём, рука в руке.
Такой пригожей пары, с тех времён
До наших дней, — любовь не сочетала.
Был мужественней всех своих сынов,
Родившихся впоследствии, — Адам,
Всех Ева краше дочерей своих.
На травяном ковре, в тени листвы
Лепечущей, у свежего ручья
Они уселись. Лёгкий труд в саду
Супругов лишь настолько утомил,
Чтоб нега отдыха была для них
Приятнее, чтоб слаще был Зефир
Живительный, а пища и питьё
Желаннее. За вечерей плоды
Они вкушали дивные, с ветвей
Услужливо склонённых, возлежа
На пуховой траве среди цветов;
И, зачерпнув корцом из родника,
Хрустальной влагой запивали мякоть
Нектарную. Немало было здесь
Улыбок нежных, ласковых речей
И шалостей, что молодой чете, ,
Соединённой в силу брачных уз

Счастливых, свойственно, когда она
Уединяется. Невдалеке
Резвились тысячи земных зверей,
Позднее одичавших и травимых
Ловцами в глубине дубровных чаш,
В пустынях и пещерах. Лев играл,
Выказывая ловкость, и в когтях
Козлёнка нянчил. Прыгали вокруг
Медведи, барсы, тигры, леопарды,
Супругов теша. Неуклюжий слои
Усиленно старался их развлечь,
Вращая гибким хоботом; змея,
Лукаво пресмыкаясь, к ним ползла
И Гордиевым завязав узлом
Свой хвост, невольно упреждала их
О роковом коварстве. На лугу
Покоились другие и глазели,
Насытись, или, жвачку на ходу
Жуя, плелись к ночлегу. Между тем
Склонялось ниже солнце и уже
К далёким океанским островам
Приблизилось, и звезды в небесах
Затеплились, провозвещающая ночь,
А Сатана, как прежде, все глядел
Ошеломлённый; наконец, едва
Собой владея, скорбно произнёс:
"— О Ад! Что видит мой унылый взор!
Блаженный край иными населён
Созданиями, из праха, может быть,
Рождёнными; не Духами, хотя
Немногим отличаются они
От светлых Духов Неба. Я слежу
За ними с изумленьем и готов
Их полюбить за то, что Божий лик
Сияет в них, и щедро красотой
Создателем они одарены.
Не чаешь ты, прелестная чета,
Грозящей перемены. Отлетят
Утехи ваши; бедственная скорбь
Заступит их, тем горшая, чем слаще
Блаженство нынешнее. Да, теперь
Вы счастливы, но на короткий срок.
В сравненье с Небом слабо защищён
Ваш уголок небесный от Врага,
Сюда проникшего, но от Врага
Невольного. Я мог бы сострадать
Вам, беззащитным, хоть моей беде,
Увы, никто не сострадал. Ищу
Союза с вами, обоюдной дружбы
Нерасторжимой; мы должны вовек
Совместно жить; и если мой приют
Не столь заманчивым, как Райский Сад,

Покажется, вы все равно приять
Его обязаны, каков он есть,
Каким его Создатель создал ваш
И мне вручил. Я с вами поделюсь
Охотно. Широчайшие врата
Для вас Геенна распахнёт; князей
Своих навстречу вышлет. Вдоволь там
Простора, чтоб вольготно разместить
Всех ваших отпрысков; не то что здесь,
В пределах Рая тесных. Если Ад
Не столь хорош — пеняйте на Того,
Кто приневолил выместить на вас,
Невинных, мой позор, в котором Он
Виновен. Пусть растрогала меня
Беспомощная ваша чистота,-
А тронут я взаправду, — но велят
Общественное благо, честь и долг
Правителя расширить рубежи
Империю, осуществляя месть,
И, миром этим новым завладев,
Такое совершить, что и меня,
Хоть проклят я, приводит в содроганье".
Так Сатана старался оправдать
Необходимостью свой адский план,
Подобно всем тиранам; он, затем,
Слетел с макушки Древа, с вышины
Воздушной и, к резвящимся стадам
Четвероногих тварей подступив,
Поочерёдно облики зверей
Стал принимать различные, стремясь
Неузнанным пробраться и вблизи
Поживу разглядеть, узнать вернейше,
Из действий и речей обоих жертв,
О их обычаях. Вот гордым львом,
Сверкая взорами, вокруг четы
Он выступает; вот, припав к земле,
Под видом тигра, что застал в лесу
Двух нежных ланей и решил игру
Затеять с ними, он одним прыжком
Переменяет место и опять
Крадётся, повторяя много раз
Уловку эту, выжидая миг
Удобный, чтоб добычу закогтить.
Но первый из мужей — Адам любовно
Окликнул Еву — первую из жён;
Подслушивая, жадно Враг внимал
Речам, ему неведомым досель.
" — Единая участница утех,
Равно — их драгоценнейшая часть
Единая! Всесильный создал нас
И этот мир для нас; конечно, Он
Безмерно добр и в доброте Своей

Безмерно щедр, из праха нас призвав
К счастливой жизни райской. Мы ничем
Не заслужили счастья и воздать
Ничем Творцу не можем. Он взамен
Так мало требует: блюсти запрет
Единственный и лёгкий: изо всех
Деревьев, что различные плоды
Нам дивные даруют, лишь от Древа
Познания не вкушать; оно растёт
Бок о бок с Древом жизни. Столь близка
От жизни смерть. Но что такое смерть?
Наверно, нечто страшное. Господь
Грозил нам смертью, если мы вкусим
Запретный плод. Вот наш единый долг
Покорности признательной, за власть,
Которую Всевышний нам вручил
Над всеми тварями земли, воды
И воздуха. Он первенство признал
За нами. Не сочтём же тяготой
Приказ Его. Мы в остальном вольны
Любое наслажденье избирать
Неограниченно. Хвалу Творцу
И милостям Творца провозгласим
Отныне и вовеки, предаваясь
Обязанности милой: холить сад,
Оберегать растенья и цветы.
Вдвоём с тобой — мне сладок всякий труд".
Ответствовала Ева: "— От тебя
И для тебя родясь, я плоть от плоти
Твоей. Существованью моему
Нет смысла без тебя. Ты — мой глава,
Мой вождь. Правдиво все, что ты сказал,
И мудро: неустанно восхвалять
Создателя, вседневно вознося
Ему благодаренья, — мы должны;
И особенно я, — ведь не в пример
Я счастлива общением с тобой,
Созданием меня превосходящим;
Но ты себе не сыщешь ровни здесь.
Я вспоминаю часто день, когда
Очнулась я впервые, осознав
Себя покоящейся на цветах,
В тени листвы, дивясь: кто я такая,
Где нахожусь, откуда я взялась?
Вблизи ручей с журчаньем истекал
Из грота, образуя водоём
Недвижный, чистый, словно небосвод.
Я простодушно подошла к нему,
На берег опустила травяной,
Чтоб заглянуть в глубины озерца
Прозрачные, казавшиеся мне
Вторыми небесами; но, к воде

Склонись зеркальной, увидала в ней
Навстречу мне склонённое лицо.
Мы встретились глазами. В страхе я
Отпрянула; виденье в тот же миг
Отпрянуло. Склонилась я опять
Прельщённая, — вернулось и оно,
Мне отвечая взглядами любви
И восхищенья. Долго не могла
Я оторваться от него в тоске
Напрасной, но какой-то глас воззвал:
" — Прекрасное созданье! Этот лик
Лишь ты сама, твой образ; он с тобой
Является и пропадает вновь.
Вперёд ступай, тебя я провожу,
Не тень обнимешь ты, но существо,
Чьё ты подобье. Нераздельно с ним
Блаженствуя, ты множество детей,
Похожих на тебя, ему родишь,
Праматерью людей ты наречешься!"
Что было делать? За вождём незримым
Последовав, тебя я обрела,
Пригожего и статного, в тени
Платана; мне сдалось, ты уступал
Манящей негой, кроткой красотой
Виденью милому, что в глуби вод
Предстало мне. Я повернула прочь;
Ты, кинувшись вдогон, кричал: " — Вернись,
Прекраснейшая Ева! От кого
Бежишь? Ты от меня сотворена,
От плоти плоть, кость от костей моих.
Для твоего существованья, часть
От самого себя, от бытия
Телесного, ближайшее, у сердца,
Ребро я отдал, чтоб вовек при мне
Утехой неразлучной ты была.
Тебя ищу как часть моей души,
Мою другую половину!" Ты
Коснулся в этот миг моей руки.
Я предалась тебе и с той поры
Узнала, что мужской, высокий ум,
Достоинство мужское — красоту
Намного превосходят; поняла,
Что истинно прекрасны -лишь они!"
Так молвила Праматерь, томный взор
С невинною, супружеской любовью
И ласковостью мягкой возведя
На Праотца, его полуобняв,
К нему прильнув. Под золотом волос
Рассыпанных её нагая грудь,
Вздываясь, прилегла к его груди.
Покорством нежным Евы упоён
И прелестью, он улыбнулся ей

С любовью величайшей; точно так
Юпитер, облака плодотворя,
Дабы цветы на Землю сыпал Май,
Юноне улыбался. На устах
Супруги милой чистый поцелуй
Адам запечатлел, а Сатана
Завистно отвернулся, но потом
С ревнивой злобой искоса взглянул
На них опять и в мыслях возроптал:
"— Мучительный и ненавистный вид!
В объятьях друг у друга, эти двое
Пьют райское блаженство, обретя
Все радости Эдема. Почему
Им — счастья полнота, мне — вечный Ад,
Где ни любви, ни радости, одно
Желанье жгучее, — из ваших мук
Не самое последнее, — томит
Без утоленья. Должен я, однако,
Не позабыть подслушанное мной.
Им, кажется, не все принадлежит
В Раю. Здесь роковое где-то есть
Познания Древо; от него вкушать
Нельзя. Познание им запрещено?
Нелепый, подозрительный запрет!
Зачем ревниво запретил Господь
Познание людям? Разве может быть
Познание преступленьем или смерть
В себе таить? Неужто жизнь людей
Зависит от неведения? Ужель
Неведение — единственный залог
Покорности и веры и на нем
Блаженство их основано? Какой
Отличный способ им наверняка
Погибель уготовать! Разожгу
В них жажду знания. Научу презреть
Завистливый закон, который Бог
Предначертал для униженья тех,
Кого познание бы могло сравнять
С богами. К чести этой устремясь,
Вкусив, они умрут. Иной исход
Возможен разве? Надо лишь сперва
Повсюду исходить весь Райский сад,
Заглядывая в каждый уголок.
Авось какой-нибудь Небесный Дух
В тени прохладной или у ручья
Случайно попадётся, и тогда
Я постараюсь кое-что ещё
Разведать у него. А ты живи
До времени, блаженная чета,
И кратким счастьем пользуйся, пока
Я не вернусь; последует затем
Твоих страданий долгая пора!"

Так, с наглостью помыслив, отошёл
Он горделиво и пустился в путь;
Ловча и соблюдая осторожность,
Леса, поля, долины и холмы
Украдкой исшагал. Уже к черте,
Где небосвод на море и земле
Покоится, неспешно Солнце вниз
Катилось, и пологие лучи
Его закатные струили свет
Вечеровой на Райские Врата
Восточные — утёсистый хребет
Из алавастра; он издалека
Приметен был, вздымаясь к облакам
На гребень лишь одна тропа вела
Петлистая; со всех других сторон
Нависшие, зазубренные скалы
К вершине алавастровой горы
Дорогу преграждали. Там сидел
Среди столпов скалистых Гавриил,
Начальник стражи Ангельской, и ждал
Прихода ночи. Юные бойцы
Пред старшим героические игры
Затеяли, оружие сложив
Небесное: шеломы, и щиты
И дротики, блиставшие во мгле
Алмазами и золотом. Но вдруг
Сам Уриил на солнечном луче
Примчался к ним. Так падает звезда,
Осенней ночью небо прочертив,
Сквозь воздух, полный огненных паров,
И мореходам указывает румб,
Откуда угрожает ураган.
Архангел, торопясь, проговорил:
"— О, Гавриил! Блаженный этот край
Ты неусыпно должен охранять,
По жребию, — от всяческого зла.
Но в сфере, мне подвластной, некий Дух
Явился нынче полднем и заверил,
Что жаждет он создания Творца
Новейшие увидеть, — предо всем,
Последний образ Божий — Человека.
Я указал дорогу, но следил
За ним. Когда он завершил полет
На севере Эдема, на горе,
Подметить я успел, что Небу чужд
Его страстями омрачённый взор.
Я из виду его не упустил,
Но скрылся он в тени. Меня страшит:
Не из орды ли он бунтовщиков
Низвергнутых, покинувший Геенну,
Чтоб смуту здесь посеять? Разыщи
Во что бы то ни стало чужака!"

Крылатый воин молвил: "— Не дивлюсь
Нимало, Уриил, что в силах ты,-
Пресветлый сферы Солнца властелин,-
Непогрешимым зреньем пронизать
Безмерное пространство вширь и вглубь.
Но бдительная стража этих врат
Сюда не даст прохода никому,
Впуская лишь насельников Небес,
Ей хорошо известных. До сих пор
Не появлялся ни один из них
С полудня. Если ж Дух иной проник
С дурными целями, преодолев
Земные ограждения, — знаешь сам,
Что бестелесных трудно удержать
При помощи вещественных препон.
А если тот, о ком ты говоришь,
Здесь прячется, — его разоблачу
К рассвету, под личиною любой!"
Он так заверил. Тотчас Уриил
Вернулся вновь на пост, и тот же луч
Сверкающий, полого наклонясь,
Отнёс его на Солнце, что теперь
За острова Азорские зашло,-
Поскольку Солнце с дивной быстротой
Неслыханной дневной свершило круг,
Иль менее проворная Земля,
Спеша путём кратчайшим на восток,
Оставила светило позади,
Где отражает золото оно
И пурпур, украшая облака
У своего закатного престола.
Вот безмятежный вечер наступил,
И серый сумрак все и вся облёк
Одеждой тёмной; он сопровожждён
Молчаньем, ибо птицы и зверьё
Уже расположились на ночлег;
Кто на траве заснул, а кто в гнезде.
Лишь соловей не спит; ночь напролёт
Поёт влюблённо; тишина ему
Восторженно внимает. Просиял
Сапфирами живыми небосклон,
А самым ярким в хороводе звёзд
Был Геспер, их глава, пока Луна
Не вышла величаво из-за туч
И разлила свой несравненный свет,-
Царица ночи! — и на тёмный мир
Набросила серебряный покров.
И Еве так сказал Адам: "— Подруга
Прекрасная! И ночь, и мирный сон
Природы призывают нас вкусить
Отдохновенье. Присудил Господь,
Чтоб труд и отдых, словно день и ночь,

Сменялись. Вот урочная роса
Дремоты сладким бременем легла
На наши веки. Для других существ,
Бродящих праздно, длительный покой
Не столь потребен. Должен Человек,
Духовно иль телесно, — каждый день
Трудиться; в этом истинный залог
Его достоинства и знак вниманья
Небесного ко всем его путям.
Животным же Создатель разрешил
Бездейственно слоняться и Творцу
Отчёта не давать; но завтра мы,
Опережая свежую зарю
Румяную, что наступленье дня
С востока возвещает, — мы опять
Работу радостно возобновим,
Цветущие деревья станем холить,
Зеленые аллеи, где в тени
Полуденный переживаем зной;
Там ветви разрослись, как бы смеясь
Над нашей маломощью; больше рук
Здесь надо, чтоб смирить их буйный рост.
Увядавшие цветы и сгустки смол,
Устлавшие тропинки, подлежат
Уборке, а пока, блюдя закон
Природы, нас на отдых ночь зовёт".
Блистая совершённой красотой,
Сказала Ева: "— Мой жизнеподатель,
Владыка мой! Безропотно тебе
Я повинуюсь; так велел Господь.
Он — для тебя закон, ты — для меня;
Вот все, что женщине потребно знать,
И для неё превыше в мире нет
Ни мудрости, ни славы. Близ тебя
Не замечаю времени; равно
Все перемены суток, все часы
Мне сладостны: и утра первый вздох,
И первый свет, и ранний щебет птах,
И Солнце, что на чудный этот край,
На травы, деревья, цветы, плоды
В росистых искрах, — первые лучи
С востока проливает; и земля
Пахучая в тучная, дождём
Напитанная тёплым; и приход
Затишных, сонных сумерек; и ночь
Немая; и торжественный певец
Ночной; и эта дивная Луна
Со звёздной свитой — перлами небес,
Все любо мне. Но ведай: ни дыханье
Рассвета свежее, ни ранний хор
Пичуг, ни Солнце, что с востока льёт
Лучи на край прекрасный, ни роса

Сверкающая на плодах, цветах
И травах, ни пахучая земля,
Омытая дождём, ни тихий вечер,
Ни ночь безмолвная с её певцом
Торжественным, с гуляньем при Луне
Под звёздным роем трепетным, — ничто
Меня не тешит без тебя, Адам!
Чему же служит блеск светил ночных,
Когда смежает сон глаза существ?"
"— О Ева! Дочь прекраснейшая Бога
И Человека! — общий предок наш
Ответствовал. — Они вокруг Земли
Бегут за сутки от страны к стране.
Их назначенье: по ночам светить
Народам, что ещё не родились,
Всходить и заходить, чтоб темнота
Кромешная не обрела опять
В течение ночи древние права
Свои, не истребила жизни всей
В Природе. Эти мягкие огни
Не только свет, но и тепло дарят,
Влияют разно, греют, умеряют,
Питают, холят, силу придают
Растеньям звёздную, готова их
К приятые мощных солнечных лучей
И к полному расцвету. Нет, не зря
Глубокой ночью тысячи светил,
Никем не созерцаемые, льют
Сиянье дружное. Не полагай,
Что если б вовсе не было людей,
Никто бы не дивился небесам,
Не восхвалял бы Господа. Равно -
Мы спим ли, бодрствуем, — во всем, везде
Созданий бестелесных мириады
Незримые для нас; они дела
Господни созерцают и Ему
И днём и ночью воздают хвалы.
Нередко эхо из глубин дубрав,
С холмов отзывчивых, доносит к нам
Торжественные звуки голосов
Небесных, воспевающих Творца,-
Отдельных или слитых в дивный хор,
И оглашающих поочерёдно
Полночный воздух! Часто патрули
Дозорные играют по ночам
На звучных инструментах неземных,
И гимны чудные, и струнный звон
Возносят нас духовно к Небесам!"
Беседуя, они рука в руке
Шли опочить в своей счастливой куще.
Садовник высочайший сам избрал
Ей место, создавая Райский сад

На благо Человеку. Лавр и мирт,
С высокими растениями сплетясь,
Образовали кровлю шалаша
Душистую и плотную листвою.
Акант и благовонные кусты
Стеной служили; множество цветов
Прелестных: пёстрый ирис, и жасмин,
И розы, — меж ветвями проскользнув,
Заглядывали изо всех щелей,
В мозаику слагаясь. На земле
Фиалки, крокусы и гиацинты
Узорчатым раскинулись ковром,
Намного ярче красочных прикрас
Из дорогих камней. Любая тварь,-
Зверь, птица, насекомое и червь,-
Благоговевя пред людьми, сюда
Проникнуть не дерзали. Нет, в тени
Такой, в столь безмятежном и святом
Уединенье, ни Сильван и Пан -
Измышленные божества, — ни фавны
И нимфы не вкушали сна вовек!
Здесь Ева ложе брачное своё
Впервые в плетеницы убрала,
Устлала ворохом душистых трав,
Когда с Небес венчальный гимн звучал,
И Ангел брачный за руку привёл
Её к супругу, в дивной наготе
Прекраснее Пандоры, что была
Богами изобильем всех даров
Осыпана, подобно Еве став
Причиною неисчислимых бед;
И к сыну безрассудному Япета,
Гермесом приведённая, людей
Прельщением очей очаровать
Смогла и похитителю огня
Зевесова жестоко отомстить.
Достигнув кущи, взоры возвели
Жена и муж к открытым небесам,
Молясь Тому, кто Землю сотворил,
Бодрящий воздух, голубую твердь,
Лучистый лунный шар и звёздный свод:
"— Сверхитель всемогущий! Создал Ты
И ночь, и нами прожитый в трудах,
Назначенных Тобой, — минувший день,
Счастливые взаимною помощью,
Любовью обоюдную, — венцом
Блаженства нашего, — по Твоему
Велению. Чудесный этот Рай
Для нас велик, нам не с кем разделить
Твои дары, что падают, созрев,
Без всякой пользы; но Ты дал зарок,
Что племя многолюдное от нас

Произойдёт, и Землю населит,
И благость безграничную Твою
Совместно с нами будет прославлять,
Восстав от сна и призывая сон,-
Твой дар, — как призываем нынче мы!"
Чета согласно вознесла мольбу;
Иных обрядов не было у них,-
Лишь преклоненье истое одно
Пред Богом, наиболее Творцу
Угодное; потом, рука в руке,
Вступили в сень; присущих нам одежд
Стеснительных совлечь им не пришлось;
И совокупно возлегли. Адам,
Я полагаю, от подруги милой
Не отвернулся, так же и жена
Отказом не ответила, блюдя
Обычай сокровенный и святой
Любви супружеской. Пускай ханжи
Сурово о невинности твердят
И чистоте, позоря и клеймя
Нечистым то, что чистым объявил
Господь, и некоторым — повелел,
А прочим — разрешил. Его завет:
Плодиться, а поборник воздержанья -
Губитель наш, враг Бога и людей.
Хвала тебе, о брачная любовь,
Людского рода истинный исток,
Закон, покрытый тайной! Ты в Раю,
Где все совместно обладают всем,-
Единственная собственность. Тобой
От похоти, присущей лишь скотам
Бессмысленным, избавлен Человек.
Ты, опершись на разум, утвердила
Священную законность кровных уз,
И чистоту, и праведность родства,
И ты впервые приобщила нас
К понятиям: отец, и сын, и брат.
Тебя я даже в мыслях не сочту
Греховой и срамной, в священный Сад
Проникнуть недостойной! О, родник
Неиссякаемых услад семейных!
Твоё нескверно ложе от веков
И будет впредь нескверным; посему
Угодники покоились на нем
И патриархи. Здесь любовь острит
Златые стрелы, возжигает здесь
Лампаду неизменную свою
И веет взмахами пурпурных крыл.
Здесь торжествует и царит она,
А вовсе не в улыбках покупных
Блудницы, не в безлюбой, безотрадной
Усладе мимолётной, не в пустом,

Случайном волокитстве на пиру
Ночном, на маскированных балах,
Средь плясок суетных и серенад,
Которые продрогший кавалер
Спесивице поёт, а лучше б он
С презрением распутную отверг.
Супруги спят в обнимку; соловьи
Их убаюкали; цветочный кров
Ронял на обнажённые тела
Охапки роз, что поутру опять
Возобновляются. Блаженно спи,
Чета счастливая! Была бы ты
Стократ счастливей, счастья не ища
Полнейшего и не стремясь предел
Дозволенного знания преступить!
Уже коническая Ночи тень,
Обширный свод подлунный обходя,
Измерила к Зениту полпути.
Из врат слоновой кости в должный час
Выходят Херувимы в боевом
Порядке, при оружьи, на дозор.
Тогда Архангел Гавриил воззвал
К военачальнику, что был за ним
По званью следующим: "— Узиил,
Ты с частью воинов ступай на юг,
Следя за всем; я остальных бойцов
На север поведу. Мы круг замкнём,
Сойдясь на западе". Как пламена,
Отряды разделились; одному -
Щитом Архангел указывает путь,
Копьём — другому, а затем, избрав
Двух мудрых, мощных Духов приближённых,
Изрёк: "— Итуриил, и ты, Зефон,
На быстрых крыльях облетите Сад,
Проверьте тщательно, ни уголка
Не пропустив, особенно следя
За кущей, где прекрасная чета,
Быть может, мирно спит, не чая зла.
Ко мне явился вестник ввечеру,
От Солнца заходящего, сказав,
Что некий Дух из Пекла ускользнул
(Кто б мог помыслить!) и пробрался в Рай,
Наверняка с недоброй целью. Вы
Доставьте, отыскав его, сюда!"
Промолвив так, повёл он свой отряд,
Сверканьем затмевавший блеск Луны,
А два его посланца к шалашу
Направились и здесь нашли Врага.
У Евиного уха прикорнул
Он в жабьем виде, дьявольски стремясь
К сокрытому проникнуть средоточью
Воображенья Евы, чтоб мечты

Обманные предательски разжечь,
Соблазны лживых снов и льстивых грёз,
И вднутой отравой загрязнить
Флюиды жизненные, что восходят
От крови чистой, как восходит пар
Легчайший от дыхания ручья
Прозрачного, и растравить в душе
Праматери брожение смутных дум,
Досаду, недовольство, непокой -
Источник целей тщетных и надежд,-
И страсти необузданные — плод
Надменных помыслов, что порождают
Безумье гордости. Итуриил
Чуть прикоснулся дротом к Сатане:
Касание субстанции небесной
Невмочь снести притворству, не приняв
Свой настоящий облик; Враг вскочил,
Ошеломлённый тем, что обличён.
Так искра производит взрыв, упав
На груды пороха, что про запас
Накоплена в хранилище, ввиду
Угрозы приближения войны;
Мгновенно вздувшись, чёрное зерно
Воспламеняет воздух. Так в своём
Обличье истинном воспрянул Враг.
Два Ангела прекрасных, от Царя
Ужасного неволью отступив,
Бесстрашно вновь приблизились к нему
И молвили: "— Какой мятежный Дух,
Из тех, в Геенну ввергнутых, посмел
Тюрьму покинуть и прийти сюда?
Зачем, подобно недругу в засаде,
Ты спящих стережешь, преобразясь?"
"— Не узнаете? — Сатана вскричал
Презрительно. — Не знаете меня?
Однако, знали встарь, когда я был
Вам не чета; настолько высоко
Я восседал, что вознестись туда
И не мечтали вы. Меня не знать
Лишь может сам безвестный, из числа
Ничтожнейших; но если узнан я,-
К чему пустым вопросом начинать
Осуществленье вашего заданья,
Которое закончится ничем?"
Презреньем на презренье возразил
Зефон Врагу: "— Не думай, бунтовщик,
Что ты остался прежним, утерев
Сиянье святости и чистоты,
Венчавшее тебя на Небесах.
Твой блеск померк, едва ты изменил
Добру. Ты ныне страшен, как твой грех,
Как Пекло мрачное, куда тебя

Низвергли. Но ступай; ты дашь отчёт
Тому, кто нас послал, кто этот край
И этих спящих от беды хранит!"
Речь Херувима, строго прозвучав,
Была неотразимою в устах
Сияющего юной красотой
Воителя, и посрамлённый Дьявол
Почувствовал могущество Добра.
Он добродетели прекрасный лик
Узрел и об утраченном навек
Печалился, но более всего
Скорбел о том, что Ангелами он
Неузнан был, настолько тусклым стал
Его бывалый блеск; но Сатана
Бестрепетен казался: "— Если мне
Сражаться надо, — с главным поборюсь,
А не с посланцами; не то на бой
Вас вызову одновременно всех;
Я либо славу вящую снищу
Иль меньшему подвергнусь посрамленью!"
Зефон ответил доблестно: "— Твой страх
Свидетельствует, что из нас любой,
Слабейший, может грешного тебя,
А стало быть — бессильного, — сразить!"
Враг промолчал, от злобы онемев;
Подобно горделивому коню,
Грызущему стальные удила,
Он двинулся вперёд, сочтя побег,
Равно как битву, — тщетными. Испуг,
Внушённый свыше, сердце оковал,
Не знающее страха ни пред кем,
За исключением Неба одного.
Они от западной недалеко
Черты, где, полукружные пройдя
Пути, сошлись дозоры и в ряды
Построились, дабы приказу внять
Очередному. Вождь их, Гавриил,
Вскричал: "— Друзья! Мне слышатся шаги
Проворные, спешащие сюда.
Итуриила и Зефона вижу
Святящихся в тени, а с ними — царь
Осанкою; хоть блеск его погас,
Но поступь и свирепость выдают
Владыку Ада. Вряд ли без борьбы
Отступит. Будьте стойки. Дерзкий взор
Пришельца вызывает нас на бой!"
Лишь только он промолвил, два гонца
Приблизились и кратко доложили:
Кто приведённый, где его нашли,
Что делал и в каком обличье был.
Сурово глядя, Гавриил сказал:
"— Зачем предел, назначенный тебе,

Ты преступил и стал помехой нам,
Отвергшим твой пример? Облечены
Мы властью и законом допросить
Тебя: как ты посмел пробраться в Рай,
Наверно, с целью возмутить покой
И сон четы, которую Творец
В обители блаженства поселил?"
Глумясь, ответил Враг: "— На Небесах
Ты, Гавриил, считался мудрецом;
Я был согласен с этим, но теперь
Внушает мне сомнение твой вопрос.
Ну кто же собственным страданьям рад?
Кому застеночек люб? Кто б не бежал
Из Преисподней, свергнутый в огонь,
Когда б возмог возвратный путь найти?
Ты на побег отважился бы сам,
Как можно дальше от Гееннских мук,
В места, где есть надежда заменить
Терзанья — безмятежностью, а скорбь -
Отрадой. Вот чего ищущу я здесь.
Ты не поймёшь, ты горя не знавал,
Ты только благо ведал. Мне в укор
Твердишь о повелении Того,
Кто держит нас в тюрьме. Но почему
Он крепче не замкнул Свои врата
Железные, коль нас хотел навек
В темницу заключить? Вот мой ответ
На твой вопрос. Все остальное — верно;
Твои посланцы там нашли меня,
Где сказано. Однако в этом нет
Ни наглости, ни умышленья зла!"
Так издевался нагло Архивраг.
Воинственный Архангел возразил
С презрительной усмешкой: "— Небеса
Какого ж потеряли судию
Премудрого, с тех пор как Сатана,
Охваченный безумьем, сброшен в Ад.
Вторично обезумев, он тюрьму
Покинул ныне и в сомнение впал
Глубокое: считать ли мудрецом
Того, кто задаёт ему вопрос -
Какою дерзостью он приведён
Сюда? Как самовольно ускользнуть
Посмел из Ада? Бегство от расплаты
Заслуженной, от справедливых мук
Он полагает мудрым! Думай так,
Бахвал, пока не грянет Божья месть,
Которую побегом ты навлёк,
Семижды наказуя беглеца,
И мудрость, не постигшую досель,
Что никакими пытками нельзя
Безмерный гнев Господень утолить,

Столь безрассудно вызванный тобой,-
Бог ввергнет вновь ослушника в Геенну!
Но почему же ты один? Зачем
Весь Ад не вырвался? Неужто им
Страдать легко и незачем бежать?
Быть может, боль ты менее других
Терпеть способен? О геройский вождь,
Удравший первым! Если б ты открыл
Покинутым товарищам причину
Побега, был бы ты не одинок".
Насупясь, Враг ответил: "— Никому,
Ехидный Ангел, я не уступлю
В отваге и терзаний не страшусь.
Сам знаешь, как я стоек был в бою,
Пока разряды залпов громовых
Не подоспели с помощью к тебе
Нас разметать; без них твоё копьё
Мне страха не внушает. Речь твоя,
Вопимая тобою наобум,
Лишь подтверждает вновь, как ты незрел
В делах военных, если невдомёк
Тебе, что, неудачу претерпев
И проиграв сраженье, верный долгу
Начальник не рискнёт свои войска
Опасностям безвестного пути
Подвергнуть, не исследовав его
Собственнолично. Оттого лететь
Решил я сам — один и пересёк
Пустыню бездны, чтоб разведать мир
Новорождённый, о котором слух
Достигнул Преисподней. Здесь хочу
Прибежище для сокрушённых войск
Найти и разместить их на Земле
Иль посреди воздушного пространства,
Хотя б для этой цели снова нам
С тобою переведаться пришлось
И с пышным воинством твоим; у них
Обязанность легчайшая — служить
Владыке своему на Небесах
И, пресмыкаясь, распевать псалмы,
На должном расстоянье окружив
Его Престол — отнюдь не воевать!"
Небесный ратник тотчас отвечал:
"— Ты сам себя оспорил, заявив
Сперва, что бегство от Гееннских мук
Считаешь мудростью; потом признался
В шпионстве. Ты разоблачённый лгун,
Отнюдь не вождь! Как, Сатана, посмел
Ты верностью хвалиться? Осквернить
Святое слово: верность? И кому
Ты верен? Скопищу бунтовщиков,
Орде злодейской, своему главе

Под стать? Неужто вашу честь и верность
Присяге воинской вы соблюли,
В повиновенье Власти отказав
Верховной, признанной во всей Вселенной?
О лицемер коварный! Ты сейчас
Борца за вольность корчишь; но скажи:
Кто в пресмыканье пред Царём Небес,
В униженном холопстве превзошёл
Тебя? Но ты хребет покорно гнул,
В надежде, свергнув Бога, самому
Господствовать. Тебе совет я дам:
Прочь убирайся! Поспеси в тюрьму,
Откуда ты сбежал, и если здесь,
В священной этой области, опять
Возникнешь, я, преступника сковав,
Вновь заключу в Геенну и тебя
Так запечатаю, что до конца
Времени ты издеваться не дерзнёшь
Над слабостью затворов Адских Врат!"
Так он грозил, но, не затрепетав
И пуще разъярившись, Враг вскричал:
"— Сначала одолей, потом толкуй
Про цепи, ты, надменный Херувим,
Граничный стражник! Прежде потрудись
Узнать, что мощь руки моей тебе
Не одолеть, хоть на своих крылах
Катаешь ты Творца и наравне
С такими же, привыкшими к ярму
Рабами, колесницу Божества
Победную среди Небес влечёшь
По вымощенной звёздами стезе!"
На этот вызов Ангельский отряд
Лучистый алым пламенем зардел,
Фалангой серповидною тесня
Врага, направив копы на него;
Точь-в-точь — созревшая для жатвы нива
Церерина, густой, остистый лес
Колосьев наклоняет до земли,
Куда их ветер гнёт; глядит на них
Крестьянин озабоченный, страшась,
Чтоб урожай желанный не принёс
Ему одну мякину. Сатана
В тревоге, силы все свои напряг
И словно Атлас или Тенериф,
Во весь гигантский выпрямившись рост,
Неколебимо противостоял
Опасности. Он головой в зенит
Упёрся; шлем его увенчан был
Пернатым ужасом; сжимал кулак
Оружие, подобное копыю
И вместе с тем служившее щитом!
Вот-вот свершатся страшные дела!

Не только Рай, но звёздный небосвод,
Стихии все могли быть сметены,
Размолоты, развеяны как пыль
В свирепой этой стычке, но Господь
Весы на небе поднял золотые;
Меж Скорпионом и Астреей мы
И ныне видим их. На тех весах
Он созданное взвесила первый раз,
С воздушной оболочкой уравнил
Парящий шар земной; до наших дней
Событья взвешивает, судьбы царств,
Исход военных действий; и теперь
Два жребия Всевышний положил
На чаши: отступленье — на одну,
Сраженье — на другую. Взмыла вмиг
Она до коромысла. Знак такой
Увидев, Гавриил сказал Врагу:
"— Мою ты знаешь силу, я — твою.
Не наши обе, нам лишь вручены.
Безумие — оружием бряцать,
Когда твоим ты властен совершить
Не более того, что Бог попустит,
Равно как я — моим; хоть я вдвойне
Сильней и в прах могу тебя втоптать.
Взгляни наверх, прочти твою судьбу
В небесном знаменье, где взвешен ты.
Узнай, насколько лёгок ты и слаб
В противоборстве!" Враг возвёл глаза,
Свою увидел чашу, что взвилась
Высоко, и с роптаньем отступил,
И все ночные тени вместе с ним.

КНИГА ПЯТАЯ

Утро приближается. Ева рассказывает Адаму свой тревожный сон; огорчённый Адам утешает её. Они приступают к повседневным трудам. Утренний гимн у входа в кущу. Бог, предупреждая возможные в будущем попытки оправдания со стороны Человека, посылает Архангела Рафаила, дабы утвердить Адама в повиновении, поведать ему о свободе воли и уведомить о близости Врага, рассказать, кто он, каковы его цели, а также о прочих предметах, о которых следует знать Адаму. Рафаил нисходит в Рай; его прибытие, замеченное Адамом, сидящим у кущи. Адам встречает Рафаила, приглашает его в своё жильё, угощает лучшими райскими плодами, собранными Евой. Беседа за трапезой. Рафаил, исполняя поручение, напоминает Адаму о его блаженстве в Раю и о злобе Врага. По просьбе Адама объясняя ему, кто таков его Враг, он начинает рассказ от Первого мятежа на Небесах, о том, как Сатана увлёк свои легионы на Север, там возмутил их и обольстил всех, кроме Серафима Абдиила. Последний пытается убедить Сатану отречься от своих замыслов, но, не преуспев в этом, покидает стан мятежников.

Уже скользя на розовых стопах,

С востока утро близилось, на дол
Заморские роня жемчуга,
Когда Адам восстал в обычный срок
От сна воздушно-лёгкого; вкушал
Он пищу только чистую, и в нем
Кровь чистая текла, а потому
И сон его от лепета листвы
И плеска ручейков, от песни птах
Рассветной, меж ветвей, от опахала
Аврорина, — развеивался вмиг.
С тем большим изумленьем он узрел,
Что, кудри в беспорядке разметав,
В тревожном сне, с пылающим лицом,
Не пробудилась Ева. К ней склонясь,
Полупривстав, на локоть опершись,
Наш Праотец любовно созерцал
Очаровательную красоту
Жены прельстительной равно во сне
И наяву; он, Евиной руки
Едва коснувшись, ласково шепнул,
Умильного дыхания нежней,
Которым Флору обдаёт Зефир:
"— Прекраснейшая, лучшая моя,
Найденная! Последний, лучший дар
Небес! Неиссякаемый родник
Все новых нег! Проснись! Уже рассвет
В сверканье; освежённые поля
Зовут. Мы тратим дивный час, когда
Могли б следить, как нежные взошли
Растения, как роща расцвела
Лимонная, как мирра и тростник
Целительный сочатся, как Природа
Пестреет вновь, как, прилепясь к цветку,
Пчела сосёт пахучий, сладкий сок!"
Так он шептал; она же обняла
Его, промолвив с ужасом в глазах:
"— Единственно в тебе заключены
Стремленья все мои; единый ты
Моё блаженство, слава и покой.
Отраднo видеть вновь твоё лицо
И возвращенье утра! Нынче ночью
(Подобной не знавала я досель),
В виденье сонном, — если это сон,-
Ни ты мне не явился, ни труды
Вчерашние, ни замыслы работ
Сегодняшних. Обида и тоска,
Которых я до этой ночи злой
Не ведала, тревожили меня;
И мнилось: кто-то ласково шептал
Мне на ухо; я думала сперва,
Что это голос твой. Он говорил:
"— Зачем ты, Ева, спишь? Царит пора

Волшебная прохлады и молчанья,
Лишь сладостные трели певуна
Бессонного, ночного, в тишине,
Любовью вдохновлённые, звучат.
Владычит полнолуние; мягкий свет
Обличье призрачное придаёт
Всему, но тщетно: этого никто
Не видит. Недреманные глаза
Небес отверсты; чем же любоваться,
Как не одной тобой, они хотят,
Природы утешеньем? Целый мир,
Обворожённый прелестью твоей,
Глядит не наглядится на тебя!"
Восстала я на этот зов, но ты
Отсутствовал; на поиски решаешь,
Одна я долго разными брела
Тропинками и очутилась вдруг
У Древа запрещённого познания.
Оно прекраснее, чем наяву,
Казалось. Я смотрела на него,
Дивясь, и вижу: рядом с ним стоит
Крылатый некто, жителям Небес
Подобный, нам являвшимся не раз;
Амврозия сочилась, как роса,
С его кудрей; на Древо он глядел
И говорил: "— О дивное растение,
Плодами отягчённое! Ужель
Никем не будешь ты облегчено
И не вкусят ни Бог, ни Человек
От сладости твоей? Ужель познание
Столь гнусно? Кто усладу запретить
Способен? Только Зависть. Налагай
Запрет — кто хочет; я не отступлюсь
От благ твоих; иначе бы зачем
Ты здесь росло!" — Сказав, он плод сорвал
Бесстрашно и вкусил. От наглых слов
И наглого поступка обмерла
В испуге я, но он вскричал: "— О плод
Волшебный, сладостный сам по себе,
Но сорванный, запрету вопреки,
Вдвойне сладчайший! Возбранённый здесь,
Ты, верно, предназначен для богов,
Но мог бы и людей обожествить.
А почему богами им не стать?
Чем благо уделяется щедрей,
Тем больше множится. Не бедняком
Дающий будет, но себе хвалу
Стягает вящую. Так подойди,
Сияющее ангельской красотой
Блаженное созданье! Причастись
И ты со мной! Счастливая теперь,
Ты можешь быть счастливей во сто крат,

Хоть не прибавишь новых совершенств,
Вкуси! В кругу богов — богиней стань,
Землёй не скованная, воспари,
Нам уподобясь, взвейся в Небеса,
Которых ты достойна, и взгляни
На жизнь божеств, — ты так же заживёшь!"
Сказав, он подступил и часть плода
К моим устам приблизил. Аромат
Такое вожделение разжёт
Во мне, что я бороться не могла
И соблазнилась. Тотчас к облакам
Взлетели мы; простёрлась подо мной
Поверхность необъятная Земли, -
Являя величавый ряд картин
Разнообразных. Диву я далась,
Витая на подобной высоте.
Вдруг спутник мой пропал, и я, стремглав
Сорвавшись, погрузилась в забытьё.
Как рада я очнуться и сознать,
Что это было только сном!.." В ответ
На повесть Евы о минувшей ночи
Промолвил опечаленный Адам:
"— О половина лучшая моя,
Подобье лучшее! С тобой делю
Смятение. Боюсь, что странный сон
От злой причины. Но откуда зло?
Ты непорочной создана; в тебе
Его не может быть. Но знай, у нас
Гнездится в душах много низших сил,
Подвластных Разуму; за ним, в ряду,
Воображенье следует; оно,
Приемля впечатления о внешних
Предметах, от пяти бессонных чувств,
Из восприятий образы творит
Воздушные; связует Разум их
И разделяет. Все, что мы вольны
Отвергнуть в мыслях или утвердить,
Что знаньем и суждёньем мы зовём,-
Отсюда возникает. Но когда
Природа спит и Разум на покой
В укромный удаляется тайник,
Воображенье бодрствует, стремясь,
Пока он отлучился, подражать
Ему; однако, образы связав
Без толку, представленья создаёт
Нелепые, тем паче, — в сновиденьях,
И путает события и слова
Давно минувших и недавних дней.
Сдаётся мне, что на вчерашний наш
Вечерний разговор твой сон похож,
Но с прибавленьем странным. Не грусти!
Порой в сознанье Бога и людей

Зло проникает, но уходит прочь,
Отвергнутое, не чиня вреда,
Не запятнав, и это подаёт
Надежду мне, что страшного проступка,
Так испугавшего тебя во сне,
Ты наяву вовек не повторишь.
Не огорчайся же, не омрачай
Свой взор, что безмятежнее всегда
И радостней, чем утренней зари
Улыбка первая! Пойдём к трудам
Приятным нашим, — в рощах, у ручьёв
Среди цветов, струящих аромат
Из чашечек открытых, где всю ночь
Они его копили для тебя!"
Адам утешил милую супругу,
Но две слезинки на её глазах
В молчанье проступили, и она
Отёрлась волосами; капли две
Другие, драгоценные, вот-вот
Прольются из хрустальных родников,
Но поцелуем осушил Адам
Раскаянья прелестные следы
И полусознанной, благочестивой
Боязни пред грехом, грозившим ей.
Все прояснилось, и пора в поля
Супругам; но сперва, покинув сень,
Наружу выйдя, на дневной простор,
Где Солнце выкатилось в этот миг
Над краем океана и, лучи
Росистые полого протянув,
С Востока озарило весь Эдем
И Рай счастливый, — здесь они, склонясь
Благоговейно, с искренней любовью,
Молитву утреннюю вознесли,
Творимую усердно, день за днём,
Всегда на разный лад. Неистошмы
Высказыванья их высоких чувств,
Святой восторг внушает им слова
Все новые, достойные хвалу
Создателю и в песнях и в речах
Воздать, без подготовки; их уста
Вещали складно прозу и стихи
Столь сладкогласные, что звуки арф
И лютен не могли бы им придать
Гармонии. Они молились так:
"— Вот славные творения Твои,
Отец Добра всемогущий, мирозданье
Воздвигший дивно. Так насколько ж Сам
Неизречённый дивен, чей Престол
Над всеми Небесами вознесён!
Невидимый, Ты слабо различим
В созданиях малейших, но и в них

Твоя неограниченная власть
И благость явлены. Нет, лучше вы,
О Дети Света, — Ангелы, о Нем
Поведайте! Творца дано вам зреть
Воочию и хором прославлять
В симфониях и гимнах, окружив,
Ликуя, Божий Трон, в течение дня
Бескрайнего! Все твари на Земле
И в Небесах да восхвалят Его!
Он первый, Он последний, Он срединный
И бесконечный. Ты, из роя звёзд
Прекраснейшая! Хоровод ночной
Ты замыкаешь; над тобой права
Теряет мрак, и ты, залогом став
Надёжным дня, улыбчивый рассвет
Сверканием венчаешь! Славь Творца
В своей небесной сфере, в сладкий час
Рожденья первых утренних лучей!
Ты — око мирозданья и душа,
О Солнце! Чти Владыку в Нем; хвалу,
Вращаясь вечно, Богу возглашай -
Когда восходишь, и когда стоишь
В зените, и когда заходишь вновь!
Луна! Порой ты Солнце на заре
Встречаешь и порою прочь с толпой
Звёзд неподвижных, что утверждены
В подвижной сфере, от него бежишь;
Вы, пять блуждающих небесных тел,
В таинственном кружащиеся танце,
Под звуки тихие, — воздайте все
Хвалу Тому, кто свет из тьмы исторг!
Ты — воздух! Вы — стихии! Дети недр
Старейшие Природы! Вчетвером,
Безостановочно по кругу мчась,
Все вещи смешивая и питая,
В несметных превращениях, — вы должны
Все новые хваленья воздавать
Тому, кто мирозданье сотворил!
Пары, туманы, от холмов и вод
Плывущие угрюмой, серой мглой,
Покуда Солнце не позолотит
Кайму шерстистую, — вздымайтесь в честь
Творца Вселенной! Тучами застлав
Пустынный небосвод, обильный дождь
Ниспосылая жаждущей земле,
В подъёме и падении, всегда
Провозглашайте славу Божеству!
О ветры! Вея с четырех сторон,
Прославьте Устроителя миров
Дыханьем вашим — тихим или бурным!
Вы, сосны и другие деревья!
Пригните кроны, кланяясь Ему!

Воспойте, благозвучные ручьи,
Творца, певучим ропотом своим!
Пускай объединятся голоса
Всего живого! Птицы! Вы к вратам
Небесным устремляете полет;
Вам .каждой песней, каждым взмахом крыл
Царя Небес пристало величать!
Вы, плавающие в воде, и вы,
Ступающие гордо по земле,
Вы, пресмыкающиеся по ней
Униженно, — свидетельствуйте все:
Храню ли я молчанье поутру
И ввечеру, долины и холмы,
Ручьи и рощи песней поучая
Всевышнего ответно воспевать!
Хвала тебе, Вселенной Властелин!
Будь милостивым к нам и подавай
Одно лишь благо! Если ночь таит
Иль порождает зло, — его рассей,
Как темноту рассеивает свет!"
Невинные, они молились так;
И прочное спокойствие и мир
Их души обрели. Они спешат
К работам утренним, и по росе
Прекрасной, по цветам туда идут,
Где слишком буйно ветви разрослись
Дерев плодовых, где потребны руки,
Дабы прервать излишних сучьев рост,
А праздные, — заставить вновь родить.
Им также надо с вязом сочетать
Плеть виноградную; и вот лоза
К супругу льнёт, как вено принося
Тугие грозды, чтоб его листву
Бесплодную украсить. Царь Небес
На их старанья с жалостью глядел
И Ра файла подозвал к себе;
Дух доброхотный этот, снизойдя,
В дороге Товия сопровождал
И в браке с девой, что обручена
Была семижды, — спас его от смерти.
"— Ты слышал, Рафаил, — сказал Господь,-
Какую смуту учинил в Раю
Из Ада ускользнувший Сатана,
Успешно бездну тьмы преодолев;
Как он супругов ночью возмущал,
Чтоб их и заодно весь род людской
Сгубить. Поговори, как с другом друг,
Полдня с Адамом; ты его найдёшь
Под сенью кущи иль в тени древес,
Где пищу он, пережидая зной,
Вкушает, повседневный труд прервав
Для отдыха. В беседе растолкуй,

Сколь он безмерно счастлив, и внуши,
Что вправе счастьем он располагать
По воле собственной, что эта воля
Свободна, но переменчива, и пусть
Сие запомнит; преподай совет
Быть осторожным, чтоб на ложный путь
В беспечности излишней не вступить;
Ему открой грозящую опасность
Со стороны коварного Врага,
С Небес низверженного и теперь
Замыслившего и других склонить
К паденью, чтоб лишились и они
Блаженства. Применив насилье? Нет!
Насилье было бы отражено;
Враг пустит в ход предательство и ложь.
Открой Адаму все, дабы не мог
Оправдываться, если он падёт
По воле собственной; что, мол, врасплох
Застигнут был и что его никто
Не вразумил и не предостерёг!"
Так, правосудно, Вечный наш Отец
Изрёк. Не медля, получив приказ,
Гонец летучий взвился, отделись
От сонма Духов, среди которых он
Стоял, прикрывшись пышными крылами,
И Ангельские хоры перед ним
Повсюду расступались на пути,
Пока он Эмпирей пересекал
В полёте и достиг Небесных Врат,
Что сами распахнулись широко
На петлях золотых; Державный Зодчий
Столь дивное устройство смастерил.
С порога Врат ни туча, ни звезда,
Ничто ему не преграждало взор;
Хотя от прочих блещущих шаров
Земля не отличалась и была
Невелика, он разглядел её
И на господствующей высоте,
Средь окруженья кедров, — Божий Сад.
Так видел ночью, с помощью стекла,
Материки и страны на Луне
Воображаемые — Галилей,
Но с меньшей чёткостью; так мореход
Среди Циклад плывущий, острова
Самое и Делос видит вдалеке,
Подобно клочьям пара. Дух к Земле,
Сквозь ширь эфирную свой быстрый лет
Направил, среди бесчисленных миров.
То на крылах надёжных он парил
В полярных ветрах; то, за взмахом взмах,
Покорный воздух мощно рассекал.
До уровня парения орлов

Он снизился. Пернатый мир почёл
Его за Феникса, и все, дивясь,
В нем ту единственную птицу видят,
Спешащую к стенам стовратных Фив
Египетских, дабы сложить свой прах
В блестящем храме Солнца. Вот в Раю
Он плавно опустился на утёс
Восточный, Серафима вид приняв
Правдивый свой; шестью крылами стан
Его божественный был осенён;
Два первые — ниспав с широких плеч,
Как мантия, достойная царей,
Окутывали грудь; иные два -
Как звёздный пояс облегли чресла,
Скрывая бедра пухом золотым,
Пестревшим всеми красками Небес;
А третьи — словно панцирь перяной,
Одели ноги, от колен до пят,
Лазурью ослепительною; так,
Подобно сыну Майи, он стоял,
Крылами потрясая, и вокруг
Благоуханье дивное лилось.
Сторожевыми Ангелами он
Немедля признан. Все пред ним встают,
Высокий почитая ранг посла
И важное задание, что ему
Поручено бесспорно. Миновав
Охраны Райской пышные шатры
И рощи мирры, где бальзам, и нард,
И кассия струили аромат
Цветочный — благовонье глухомани,
Пришёл он в дол благословенный; здесь
Природа, в юной щедрости своей,
Воображенью девственному дав
Свободу, прихотливо создала
Обилье роскоши, превосходя
Великолепьем диким чудеса,
Что созданы по правилам искусства.
Расположась у входа шалаша
Прохладного, Адам гонца узрел,
В благоуханной роще, меж стволов,
Грядущего навстречу. Той порой
Уже к зениту Солнце поднялось,
Меча на Землю жгучие лучи,
И, чтоб глубины тёмных недр согреть,
Давало много больше ей тепла,
Чем нужно Праотцу. В тенистой куще
Рачительная Ева, как всегда,
Обед из сочных, наливных плодов
Готовила, способных насыщать
Проголодавшихся; питьём служил
Нектар из разных ягод, винных грозд

И молока. Адам воззвал к жене:
"— Спеши, о Ева! Посмотри на нечто,
Достойное вниманья твоего:
С востока, из-за рощи, к нам идёт
Созданье дивное. Как будто вновь
Денница в полдень вспыхнула! Посол,
Возможно, с вестью важной от Небес
Явился, и возможно, гостем он
Сегодня будет нашим. Торопись,
В избытке все припасы принеси,
Чтоб странника небесного принять
С почётом. Воздадим же, не скупясь,
Дарителю — дарами; от щедрот,
Нам уделённых, — щедро уделим.
Чем больше многоплодная дарит
Природа, тем становится она
Производительней и учит нас
Не скряжничать!" В ответ сказала Ева:
"— Адам, священный образ, прах земной,
Одушевлённый Богом! Невелик
Запас потребный. Каждая пора
Растит его для нас, и круглый год
На ветках зреет множество плодов.
Храню лишь те, которых сок, сгустясь
От времени, питательность и вкус
Им придаёт особый. Но сейчас
Немедля я с деревьев и кустов,
Со всех растений, лучшие сорву
Плоды, чтоб гостя потчевать. Пускай
Увидит он, что в равной мере Бог
Благотворит и Небу и Земле!"
Сказав, она поспешно отошла,
Взирая хлопотливо, и полна
Забот радушных: что из лучших яств
Избрать, в каком порядке подавать,
Сообразуя вкусы их, дабы
Не спорили между собой, — напротив,
Друг друга возвышали чередой.
Все лучшее она брала с ветвей,
Что только всеродящая Земля
Дарит в обеих Индиях, равно
На взморьях Понта и на берегах
Пунических, и там, где Алкиной
Владычил: плотнокожие плоды
И нежнокожие; одни в пушке
Ворсистом, а другие в скорлупе,
И таровато ставила на стол.
Затем она безгрешное питьё
Из гроздий выжала и сладкий сок
Из ягод разных; лакомые сливки
Из косточек душистых извлекла,-
Сосуды чистые у ней в достатке,-

И под конец пахучею листвою
Устлала пол и ворохами роз.
Тем часом устремился Прародитель
Навстречу гостю дивному; иной
Он свитой, кроме полных совершенств
Своих, не обладал и составлял
Свой штат придворный — сам. Он шёл один,
Величественней скучных и помпезных
Кортежей княжеских, где на шитье
Галунной челяди, что в поводу
Ведёт роскошно убранных коней,
На золото ливрей и чепраков
Глазеет ослеплённая толпа.
Приблизившись, Адам возговорил
Без страха, но с почтением склонись,
Как должно перед высшим существом:
"— О житель Неба! — ибо только там
Столь царственный возникнуть облик мог;
Покинув трон заоблачный, края
Блаженные, ты низошел сюда,
В обширную страну, лишь нам двоим
Дарованную Богом. Удостои
В тенистой куще этой отдохнуть,
Отборное вкушая из того,
Что здесь растёт. Побудь, пока дневной
Не схлынет зной и Солнце на закат
Не повернёт, смягчив свои лучи!"
Умильно Ангел доблестный в ответ
Сказал: "— Затем я и пришёл сюда.
Ты сотворён таким и твой таков
Приют земной, что даже Духов Неба
Прельщает к посещенью. Отведи
Меня в твоё жильё. Свободен я
От полдня и до вечера!" Они
Направились к лесному шалашу
Улыбчивому, словно сень дерев
Помоны, и цветочный аромат
Струившему; а Ева, лишь собой
Украшена, прелестней и милей
Дубравной нимфы или самой дивной
Из трех, на Иде споривших, нагих
Богинь, — ждала, чтоб гостю угождать
Небесному. Покровы не нужны
Для чистой духом: никакая мысль
Нескромная румянца на щеках
Вовек не порожидала. Рафаил
С приветом обратился к ней святым;
Впоследствии Пречистую Марию -
Вторую Еву — Ангел точно так
Приветствовал: "— Возрадуйся, о Мать
Людского рода! Населишь весь мир
Ты детищами чрева твоего,

И будут многочисленной они
Плодов, что отягчают этот стол!"
Сиденьями из моха окружённый,
Бугор дерновый им столом служил;
От края и до края, на большом
Его квадратном срезе, все дары
Осенние ласкали взор, но здесь
Всегда с Весной плясала заодно
В обнимку Осень. Вёлся разговор
Неспешно, без опаски, что еда
Простынет, и Адам уста отверз:
"— Вкуси, Небесный гость, от разных яств,
Которые Земле Кормилец наш,
Податель щедрый совершённых благ,
Для пропитанья нашего велел
И услаждения производить!
Такая пища, может, не вкусна
Бесплотным Духам, но еды другой
Не ведаю, — лишь эту нам даёт
Отец Всевышний!" Ангел отвечал:
"— Все то, что Человеку, — существу
Отчасти и духовному, — Господь
(Хвала Ему вовеки!) дал во снедь,
Не может неприятным быть на вкус
Чистейшим Духам; будучи сполна
Духовными, нуждаются они,
Подобно вам, разумным тварям, в пище,
Поскольку чувства низшие равно
Имеются у тех и у других:
Вкус, обонянье, осязанье, слух
И зрение. Вкушая пищу, мы
Её усваиваем, претворив
Телесное — в бесплотное. Узнай:
Всему, что Господом сотворено,
Потребна пища; лёгким элементам
Дают питание — грубые; Земля
Питает море; суша и вода
Питают воздух; воздух же — рои
Светил эфирных; первоочередно -
Луну, ближайшую из них;
А пятна, испещряющие диск
Луны, — не что иное, как пары
Нечистые, не ставшие ещё
Её субстанцией. Луна другим
Планетам высшим от своей сырой
Поверхности питание струит,
А Солнце, освещая все миры,
Их влажным истечением взамен
Питается и пищу ввечеру
Вкушает, погружаясь в океан.
Хоть в Небесах амврозией полны
Плоды Деревьев жизни, а лоза

Дарит нектар; хоть мы с ветвей росу
Медвяную собираем по утрам;
Хоть почва устлана жемчужной манной,
Но доброта Творца и на Земле
Рассыпала обилье новых благ,
С небесными сравнимых. Посему
Не мни, что хлебосольством я твоим
Пренебрегу!" — Итак, пришла пора
Для трапезы; вкушал и Ангел; нет,
Не для отвода глаз, как богословы
Иные судят! Он со вкусом ел,
Являя голод истинный и жар
Пищеваренья; Духи без труда
Все лишнее способны испарять.
Не диво! Ведь при помощи огня
Коптящих углей может превратить
Алхимик, или думает, что может,
Металл, рождённый шлаковой рудой,
В отменнейшее золото. Меж тем
Праматерь в чаши сладкое питьё
Струила, услужая за столом
Нагая. О, достойная Эдема
Невинность! Если Божьи Сыновья
Влюблялись некогда, то только здесь
Простительной была бы эта страсть;
Но возделенье чуждо их сердцам
И ревность — ад обманутой любви.
Когда питьём и лакомой едой
Они насытились, не отягчась,
Адаму вздумалось не упустить
Благоприятный случай и узнать
В беседе этой важной о ином,
Нездешнем мире и о существах
Небесных, столь его превосходящих
Во всем, чьи лики излучают свет
Божественный, чья затмевает мощь
Людские силы. Так сообразив,
Он спросил посланника Небес:
"— О приближённый Божий! Сознаю,
Как Человека ты почтил, сойдя
Под этот скромный кров и от земных
Вкусив плодов, которые отнюдь
Не пища Ангелов; ты их вкушал
С такой охотой, будто на пирах
Небесных не вкушал от лучших яств;
Их разве можно с нашими сравнить?"
Крылатый Иерарх сказал: "— Адам!
Един Господь; все только от Него
Исходит и к Нему приходит вновь,
Поскольку от добра не отреклось.
Все из единого правешества,
В обличиях различных, безупречно

Сотворено; различных степеней
Субстанция уделена вещам,
Так, на различных уровнях дана
И жизнь — живым созданиям; они
Тем чище, утонченней и духовней,
Чем пребывают ближе к Божеству,
Чем истовей, на поприщах своих,
К Нему стремятся; всяческая плоть
По мере сил способна духом стать.
Так с лёгкостью восходит от корней
Зелёный стебель и растит листву
Воздушнейшую, а за ней — цветок —
Верх совершенства, издающий дух
Пахучий; так цветок и плод его -
Усвоенная Человеком еда,-
В нем совершенствуются, обратясь
Духовностью живительной, равно
Животной и разумной; жизнь творят,
Сознание, смысл, воображение, чувство,
От коих разум черпает душа
Двойкий: первый — в логике силён,
Другой асе — в созерцании. У людей
Преобладает первый, нам присущ
Второй; у них одна и та же суть,
Различна только мера. Не дивись,
Что блага, вам вручённые Творцом,
Не отвергаю, но, переварив,
Преображаю в собственный состав.
В свой срок, возможно, люди перейдут
На пищу Ангельскую, не сочтя
Её чрезмерно лёгкой. При таком
Питании, верно, станут их тела
Со временем субстанцией духовной
И нам в подобье, окрылясь, взлетят
В эфир; и по желанью — обитать
В Раю небесном будут или здесь.
Все это исполнимо, если вы
Покорство соблюдёте и любовь
Незыблемую к вашему Творцу.
Пока же наслаждайтесь полнотой
Блаженства, вам доступного; вместить
Иное, высшее, — вам не в подъем".
Людского рода Патриарх сказал:
"— Ты дивно обозначил правый путь,
Последуя которому пройти
Всю лестницу Природы разум наш
От центра до окружности способен;
И в лицезрении Господних дел
Мы, шаг за шагом, можем вознестись
К Создателю. Но молви — что твоё
Остережение значит: "Если вы
Покорство соблюдёте?" Как возможно

Ослушаться и разлюбить Творца,
Из праха нас воздвигшего, в Раю
Устроившего, средь безмерных благ,
Превысивших все то, что Человек
Способен пожелать и воспринять!"
"— Знай, сын Земли и Неба! — молвил Гость,-
По милости Господней ты блажен,
Продленье же блаженства от тебя
Зависит, — от покорности твоей.
Вот суть остереженья: твёрдым будь!
Ты создан совершенным, но превратным,
Ты создан праведным, но сохранить
В себе добро — ты властен только сам,
Зане свободной волей одарён,
Судьбе не подчинённой или строгой
Необходимости. Желает Бог
Покорства добровольного, отнюдь
Не приказного; никогда Господь
Его не примет. Да и как принять?
Как в сердце несвободном различить -
С охотою иль подъяремно служит,
Лишь поневоле, ибо так велит
Судьба и выбора иного нет?
Я сам и Ангелы, что предстоят
Престолу Божию, блаженство длим
Подобно вам, поскольку мы верны
Покорству: нет у нас других порук.
Свободно служим Богу из любви
Свободной. Мы вольны Его любить
Иль не любить, сберечься или пасть.
Ведь пали некие благодаря
Ослушеству; их в глубочайший Ад
С Небес низверг Всевышний. О, паденье
С высот блаженства в бездну адских мук!"
Наш Предок молвил так: "— Твои слова,
Наставник дивный, выслушаны мной
С вниманьем глубочайшим; эта речь
Мне слаще херувимских голосов,
Поющих гимны горние в ночи
С холмов окрестных. Ведаю равно,
Что в действиях, в желаньях сотворён
Свободным; но уверен, что любовь
К Творцу и праведный Его завет
Покорства — не забуду никогда.
Так мыслил прежде, мыслю и теперь.
Но то, что в Небе, по твоим словам,
Произошло, — сомнение родит
Во мне, но пуще — жажду услышать,
Коль ты изволишь, полный пересказ.
Он, верно, будет странен, и ему
Внимать в благоговейной тишине
Пристало. Долог день. Лишь полпути

Свершило солнце, на другую часть
Стези небесной только что вступив!"
Так он просил, и Рафаил, чуть-чуть
Помедлив, начал так повествовать:
"— О необъятном, Первочеловек,
Ты просишь. Горестный и тяжкий труд
Поднять я должен. Как я передам
Уму людскому о незримых битвах
Бесплотных Духов? Как я, не скорбя,
Поведать о гибели могу
Столь многих, прежде славных и благих,
До их паденья? Как я, наконец,
Иного мира тайны обнажу,
Закона не нарушив? Но сие
Дозволено для твоего добра.
А то, что Человеку не постичь,
Я разъясню, духовное сравнив
С телесным; ведь возможно, что Земля
Лишь тень Небес, и то, что там и здесь
Вершится, больше сходства меж собой
Оказывает, чем сдаётся вам.
Вселенной этой не было ещё,
И правил дикий Хаос, где теперь
Кружатся небеса и на своём
Основан центре шар земной; итак,
В один из дней (ведь Время, приложась
К движенью, даже в Вечности самой
Все вещи измеряет настоящим,
Прошедшим и грядущим), в некий день,
Из коих состоит великий год
Небесный, эмпирейские войска,
Со всех концов, на высочайший зов
К Престолу Всемогущего сошлись.
Блистали Иерархи во главе;
Тьмы тем значков, хоругвей и знамён
Вились над ними в воздухе, чины
И саны означая, и несли
На тканях вышитые драгоценных
Изображенья памятные дел
Прославленных и подвигов любви
И ревности святой. Когда полки
В пространстве необъятном Божий Трон
Кругами обступили, к ним изрёк
Отец Предвечный с пламенной горы,
Чей гребень так сиял, что был незрим.
В блаженстве одесную восседал
Сын Божий, — и Господь промолвил так:
"— Вы, чада света, Ангелы, Князья,
Престолы, Силы, Власти и Господства?
Вот Мой неукоснительный завет:
Сегодня Мною Тот произведён,
Кого единым Сыном Я назвал,

Помазал на священной сей горе
И рядом, одесную поместил.
Он — ваш Глава. Я клятву дал Себе,
Что все на Небесах пред ним склонят
Колена, повелителем признав.
Вы под Его водительством должны
Для счастья вечного единой стать
Душой неразделимой. Кто Ему
Не подчинён, тот непокорен Мне.
Союза нарушитель отпадёт
От Бога, лицемерия лишась
Блаженного, и, вверженный во тьму
Кромешную Геенны, пребывать
В ней будет, без прощенья, без конца!"
Всех, мнилось, восхитила речь Царя,
Однако же не всех. Вокруг священной
Горы, как всякий праздник, этот день
Мы в песнопеньях, в плясках провели
Таинственных, что сходственны весьма
С причудливым движением планет,
С вращеньем сферы неподвижных звёзд;
Сплетаются светила и петляют
Тем правильней, чем выглядит бессвязней
Их мнимо беспорядочный пробег,
И гармоничный этот хоровод
Божественный сопровождён такой
Волшебной музыкой, что сам Господь
С восторгом ей внимает. Наступил
Вечерний час (хоть нет прямой нужды,
Но для разнообразья вечера
И утра — чередуются у нас),
И после пляски подошла пора
Сладчайшей трапезы. Везде столы
Возникли, там, где строим круговым
Стояли сонмы; ангельская снедь
Явилась вмиг; рубиновый нектар
Плескался в тяжких чашах золотых,
Алмазных и жемчужных, — дивный сок
Бесценных гроздий эмпирейских лоз.
В венцах цветочных, лёжа на цветах,
Бессмертьем радостно упоены,
Вкушали Духи яства и питьё
В согласье чудном. Не грозила им
Опасность пресыщенья, ибо там
От крайностей — избыток бережёт;
Так услаждались Жители Небес
Пред расточавшим щедрые дары
Владыкой всеблагим, что разделял
Их счастье. Вот уже слетела ночь
Амврозийная с облачных высот
Горы Господней, где рождаются тень
И свет, и небосвод сменил свой лик

Лучистый на приятный полумрак.
(Ведь ночи в том краю покровом тьмы
Не облакаются.) На всех роса
Ниспала розовая, наклонив
Ко сну. Лишь недреманное вовек
Не спит Господне Око. На бескрайной
Равнине, превзошедшей шар земной
И вширь и вдаль, когда б развернут был
Он в плоскость (неоглядно велики
Владенья Божьи!), Ангельская рать
Свой стан разбила подле рек живых,
В тени Деревьев жизни. В краткий миг
Восстали неисчетные шатры
И скинии, где, свежим ветерком
Овеянные, безмятежный сон
Вкушали Ангелы, помимо тех,
Кто вокруг Престола Бога, в свой черёд,
Повинны были гимны возглашать
Хвалебные, до самого утра.
Не спал и Сатана. Отныне так
Врага зови; на Небе не слышать
Его былого имени теперь.
Один из первых, первый, может быть,
Архангел — по могуществу и славе,
Всевышним взысканный превыше всех,
Он завистью внезапной воспылал,
Затем, что Сына Бог-Отец почтил,
Столь возвеличив, и Царём нарёк,
Помазанным Мессией. Гордый Дух
Снести не мог соперничества, счёл
Себя униженным; досада в нем
И злоба угнездились глубоко;
Когда полночный, сумеречный час
Ко сну призвал умильно, к тишине,
Свои полки он увести решил,
С презрением покинуть вышний Трон,
Которому в покорстве присягал,
И разбудив того, кто был вторым
По рангу, прошептал ему тайком:
"— Спишь, дорогой собрат? Как сон возмог
Сомкнуть глаза тебе? Ужели ты
Забыл веление, что изошло
Вчера из уст Всемощного? Привык
Ты помыслы делить со мной; равно
Тебе я открывался. Были мы
Едины, бодрствуя; неужто нас
Твой сон разрознит? Новый возглашён
Завет Монарший; повод он даёт
Подвластным для соображений новых.
Возможные последствия должны
Мы обсудить; но этот разговор
Опасен здесь. Немедля собери

Всех полководцев наших, передав,
Что отдан нам приказ: покуда ночь
Ещё свою не удалила тень,
Да поспешат с войсками, чьи знамёна
Под властью развеваются моей,
Домой, на Север, в наш исконный край,
Чтоб лучше подготовить мы могли
Приём, достойный нового Царя,
Великого Мессии; заодно
Его указы новые узнать.
Он иерархии намерен все
В ближайший срок с триумфом обозреть,
Свои законы возглашая нам".
Так лжец-Архангел молвил, и собрат
Его нестойкий, злему подчинясь
Влиянию, начальников созвал
Нижестоящих; каждому из них
Пересказал полученный приказ
Главнокомандующего: пока
Завесу мрака Ночь не совлекла
С Небес, мы, стяг великий распустив
Иерархический, должны начать
Отход всеобщий; тут же он привёл
Причину вымышленную отхода,
Коварные намёки между тем
Бросая, подстрекал и разъярял,
Чтоб верность полководцев испытать
Иль совратить лукавством, но они
Велению великого Вождя
Верховного привычно, как всегда,
Повиновались, ибо он и впрямь
На Небе был прославлен больше всех
И в чине наивысшем состоял;
Подобный ликом Утренней звезде,
Рои светил ведущей, он увлёл
Обманом третью часть Небесных войск.
Но Оком, от которого не скрыть
Подспудных мыслей, потаённых дум,
Предвечный, с высоты горы священной,
Где ночью золотые перед Ним
Светильники пылали, увидал,
В них не нуждаясь, как возжётся бунт
Меж сыновьями утра, кто мятеж
Затеял, кто к восстанию примкнул
И сколько сил, присяге изменив,
Державную оспаривают власть;
И Сыну Он сказал с улыбкой так:
"— Сын, в коем вижу славу всю Мою
Отображённой, Трона Моего
Наследник! Знать, пора пришла расчесть,
Как Наше всемогущество сберечь,
Каким оружием Нам защитить

То, что Божественностью искони
И властью царской Мы зовём. Восстал
Заклятый враг на Нас, дабы в краю
Полночном, вровень с Нашим, свой престол
Воздвигнуть; мало этого — права
И силы Наши в битве испытать
Он алчет. Станем же держать совет
На случай сей; оставшееся войско
Мы соберём; все к делу применим,
Чтоб Наш престол, святилище и сан
Высокий не утратить невзначай!"
В ответ, подняв спокойный, чистый взор
И несказанный излучая свет,
Сын возгласил: "— Всевластный Мой Отец!
Противников Ты вправе осмеять
И в полной безопасности следить
С улыбкою за праздной суетой
И рвением напрасным бунтарей;
Не чая, вящей славою меня
Они покروют; ненавистью их
Я возвеличусь. Царственную мощь,
Мне данную, чтоб укротить врагов,
Да узрят гордецы и да поймут,
Превозмогу ли бунт иль окажусь
Последним из последних в Небесах".
Так Сын сказал. Но Сатана успел
В полёте быстром далеко уйти
С полками, словно россыпь звёзд ночных,
Бесчисленными, или россыпь звёзд
Рассветных — капель утренней росы,
Когда их Солнце в жемчуг превратит,
Сверкающий на листьях и цветах.
Войска минули три тройных страны -
Престолов, Серафимов и Господств,
Три царства, пред которыми, Адам,
Твои владенья — словно Райский Сад
Пред всей Землёй и Морем, коль поверхность
Земного шара развернуть в длину.
Пройдя все эти области, они
Достигли Полночи, а Сатана -
Своей твердыни, вдалеке, с горы,
Сиявшей на огромной вышине.
Вздымались башни, грани пирамид
Из глыб алмазных, золотых кубов;
Сие звалось чертогом Люцифера
Великого на языке людей.
С Творцом тягаясь, Враг, по образцу
Горы, с которой был провозглашён
Мессия, высоту свою нарёк
Горой Собрания, ибо он сюда
Когорты подначальные стянул,
Как бы для обсужденья торжества

Прибытия Мессии; но, укрыв
Коварным красноречьем клевету,
Он, якобы правдиво, речь повёл:
"— Престолы, Силы, Власти и Господства!
Коль ваши званья пышные пустым
Не стали звуком с некоторых пор,
Когда приказ Другому власть вручил
Над нами, наименовав Царём
Помазанным, всех выше вознеся;
Затем и этот спешный марш ночной,
И этот срочный сход: какой почёт
Неслыханный измыслим для Того,
Кто раболепства требует от нас
Доселе небывалого? Платить
Подобострастья дань и падать ниц
Перед Одним — безмерно тяжело;
Но разве не двукратно тяжелей
Двойное пресмыканье — пред Всемошным
И Тем, кого Он образом Своим
Провозгласил? Быть может, призовет
Вас благородный помысел — совлечь
Покорности позорное ярмо,
Иль вам сгибать хребты и преклонять
Колена раболепные милей?
Нет, не милей, — поскольку знаю вас,
Поскольку сознаёте вы себя
Сынами Неба, коими досель
Никто не обладал! Мы не равны,
Зато равно свободны. Званья, ранги
Свободе не помеха и вполне
С ней совместимы. Но какой указ,
Какое рассуждение дают
Кому-то право нас поработить
Самодержавно, если мы Ему
Равны, пусть не могуществом, не блеском,
Но вольностью исконной? Для существ
Безгрешных заповеди не нужны,
А менее всего — такой закон,
Который навязал бы нам Царя,
Принудил обожать Его, поправ
Достоинство имперских наших рангов,
Свидетельствующих, что нам дано
Не пресмыкаться, но повелевать!"
Без возражений дерзостным словам
Внимали все; один лишь Серафим
Воспрянул — Абдиил. Пред Божеством
Благоговей и Царю Небес
Покорный несравненно, воспылав
Непримиримой ревностью, он так
Неистовству Врага противостоял:
"— О, лживый, чванный, богохульный зов!
О, речь, которой Небо никогда

Не ждало, особливо от тебя,
Неблагодарный, вознесённый столь
Над равными Князьями! Как ты смел
Святую волю Господа хулой
Кощунственной чернить и осуждать
Скреплённый клятвой праведный завет,
Что пред Его Единосущным Сыном,
Кому Господь вручил монарший скиптр,
Повинны мы колена преклонить,
Миропомазанника в Нем почтив!
Несправедливым полагаешь ты,
Неслыханно напрасным — дать закон
Свободным Духам, равному царить
Над равными и править Одному
Самодержавно и бессменно, власть
Присвоив необъятную. Никак,
Закон ты хочешь Богу предписать,
Никак, ты о свободе хочешь в спор
С Творцом вступить, который сотворил
Тебя, каков ты есть, и заодно
Все воинство Небесное, предел
Определив любого бытия?
Мы испытали, сколь Всевышний добр,
Сколь нашим благом озабочен Он
И честью, сколь от помыслов далёк
Унизить нас; напротив. Он готов
Нас, под Главой одним объединя,
Возвысить счастье наше. Но пускай
Ты прав и равными повелевать
Негоже равному, но разве ты
Себя, — преславный, превеликий, — мнишь,
И совокупно весь Небесный сонм, -
Сравнимыми с Единородным Сыном,
Творящим Словом, коим Бог-Отец
Все мирозданье создал, в том числе
Тебя и Духов Неба, увенчав
Сияньем славы ангельских чинов,
Нарёк прославленные имена
Престолов, Сил, Властей, Начал, Господств.
Он, царствуя, не омрачит их блеск,
Но возвеличит, если наш Глава
К нам снизойдёт и станет с нами в ряд.
Закон Господень — это наш закон.
Монарху воздаваемый почёт
На нас же обращается. Уйми
Неистовство преступное! Других
Не совращай! Спеши умерить гнев
Отца и Сына! Милость обрести
Ты можешь лишь немедленной мольбой!"
Так молвил пылкий Ангел, но никем
Поддержан не был. Речь его нашли
Не к месту опрометчивой, чудной,

Что привело Отступника в восторг,
И он ещё надменной возразил:
"— Ты утверждаешь: мы сотворены,
Притом, второстепенною рукой;
Отец, мол, Сыну это поручил.
Какое странное соображенье
И новое! Кто мог тебе внушить
Шальную мысль? Кто это видеть мог?
Иль помнишь ты своё возникновенье,
Когда ты создан, если бытие
Тебе твоё даровано Творцом?
Мы времени не ведаем, когда
Нас не было таких, какими есть;
Не знаем никого, кто был до нас.
Мы саморождены, самовозникли
Благодаря присущей нам самим
Жизнетворящей силе; бег судеб
Свой круг замкнул и предопределил
Явление на этих Небесах
Эфирных сыновей. Вся наша мощь
Лишь нам принадлежит. Рукой своей
Мы подвиги великие свершим,
Чтоб испытать могущество Того,
Кто равен нам. Тогда-то узришь ты,
С покорством ли к Престолу подойдем
Всесильному, хотим ли убедить
Иль победить Небесного Царя.
Ступай! Ты волен мой ответ снести
Помазаннику. Торопись в полет,
Пока с тобою не стряслась беда!"
Он смолк, и, словно гул глубоких вод,
Глухой пронёсся гомон по войскам
Бессчётным, отзываясь на слова
Вождя сочувствием. Но Серафим
Пылающий, один среди врагов,
Ответствовал отважно Сатане:
"— Дух проклятый, отверженный Творцом,
Все доброе отринувший! Провижу
Паденье неминуемое твоё
И жалких орд, которых ты вовлёл
В предательский обман и заразил
Злодейством; казнь твою им суждено
За общую измену разделить.
Забудь о помысле: как свергнуть власть
Мессии. Недостоин больше ты
Его законов кротких. Приговор
Иной, неотвратимый, утверждён
Изменнику. Ты скипетр золотой
Презрел; теперь прими железный жезл,
Который поразит и сокрушит
Твою строптивость. Ты благой мне дал
Совет. Я удаляюсь, но отнюдь

Не по твоей указке, не ввиду
Угроз твоих; нет, я хочу быстрее
Покинуть нечестивые шатры
Преступные, пока грозящий гнев
Внезапным пламенем не охватил
Всех, без разбору. Вероломный, жди,
Гром скоро поразит твою главу
И огонь всепожирающий! Поймёшь
Тогда, в стенаньях, Кем ты сотворён
И Кто тебя способен истребить!"
Так Абдиил, единый Серафим,
Соблюдший верность средь неверных Духов,
Промолвил. Он, единый средь лжецов
Несметных, обольщенью не подпал;
Отважный, непреклонный, он сберёт
Любовь, присягу, рвеньё. Ни пример,
Ни численность повстанцев не могли
Поколебать его и отлучить
От истины, хоть противостоял
Он, одинокий, — всем. Сквозь их ряды,
Под улюлюканье враждебных толп,
Он долго шёл, насилья не страшась,
Достоинно измывательства терпел,
К надменным башням, обречённым рухнуть,
С презрением оборотив хребет.

КНИГА ШЕСТАЯ

Рафаил продолжает повествование о том, как Михаил и Гавриил были посланы биться противу Сатаны и Ангелов его. Описание первого сражения. Сатана и его Силы отступают к ночи; он созывает Совет, придумывает дьявольские машины, с помощью которых, во второй день битвы, приводит Михаила и его Ангелов в замешательство; но последние отрывают от оснований горы и подавляют ими войска и машины Сатаны; однако из-за продолжающегося мятежа Бог на третий день посылает Мессию, Сына Своего, коему предоставляет славу победы. Облеченный всемогуществом Отца, является Сын на поле боя и повелевает Своим легионам пребывать в бездействии по его сторону, а Сам, с колесницей и громами, вторгается в середину вражеских Сил, уже неспособных к сопротивлению, гонит их к ограждению Небес; стена разверзается, и враги в смятении и ужасе падают стремглав в уготованную для них бездну — место их казни. Мессия с торжеством возвращается к Отцу.

Всю ночь отважный Ангел был в пути
И, непреследуемый, пересёк
Равнину беспредельную Небес,
Пока Заре, вращеньем часовым
Разбуженной, не довелось открыть
Ворота света розовой рукой.
Близ Трона Господа, в Святой Горе,
Пещера есть, где обитают свет
И мрак попеременно и в черёд

Выходят из неё, производя
Приятность различенья в Небесах,
Напоминающую день и ночь.
Едва лишь свет выходит за порог,-
Проскальзывает мрак в другой проем,
Чтоб выйти из пещеры в должный срок
И твердь собой облечь; однако тьма
Небесная могла б сойти легко
За полумрак вечерний на Земле;
Теперь же, в вышнем Небе, воссиял
Всем эмпирейским золотом рассвет;
Восточными лучами пронзена,
Ночь от него бежала. Абдиил
Увидел, что равнина перед ним
Необозримая, покрыта вся
Блистающими ратями; не счесть
Сверкающих доспехов, колесниц
И пламенных коней; тысячекратно
Блеск отражался блеском. Он узрел
Войну вполне созревшую, войну
Во всеоружье, и постиг, что весть,
С которой торопился в Божий стан,
Здесь ведома уже. К рядам собратьев
Примкнул он радостно и встречен был
Восторгом и хвалой: зане один
Из мириад отпавших, не отпал
И, Небом не утрачен, воротился.
Рукоплеща, его к Святой Горе,
К Державному Престолу привели;
И некий Голос кроткий с вышины
Из золотого облака воззвал:
"— Слуга Господень! Ты благу часть
Избрал, сразился доблестно в борьбе
Прекраснейшей! Противу буйных орд
Мятежных одиноко постоял
За правду; оказалась речь твоя
Сильней, чем их оружие. Ты стерпел,
Свидетельствуя правду бунтарям,
Всеобщее глумленье, что снести
Труднее, чем насилье, но, скрепясь,
Ты был одной заботой поглощён,
Пред Ликом Бога праведно предстать,
Хотя б за это целые миры
Сочли тебя преступным. Одержи
Теперь победу лёгкую; в строю
Собратьев по оружию вернись
К врагам, покрытый славой, много большей,
Чем та хула, которой заклеимён
Ты был, покинув стан бунтовщиков,
И силой нечестивцев обуздай,
Отвергших здравый разум и закон
Разумный, не желающих признать

Царём Мессию, что воспринял власть
Ввиду своих достоинств и заслуг
Особенных. Ступай же, Михаил,
Князь воинства Небесного, и ты,
Бесстрашный и по доблести второй,
Воитель Гавриил! Сынов Моих
Ведите в бой, к победе: тьмы и тьмы
Вооружённых, рвущихся на брань,
Моих Святых; они числом равны
Безбожной, возмутившейся орде!
Оружием разите и огнём
Безжалостным, гоните за рубеж
Небес, от Бога и блаженства прочь,
Туда, где ждёт их казнь, в бездонный Тартар,
Что бездною пылающей готов
Бунтовщиков низвергнутых пожрать!"
Державный глас умолк; и в тот же миг
Густые тучи мглой заволокли
Святую Гору; чёрный повалил
Клубами дым, исторгнув пламена,
О гневе пробуждённом возвестив.
Эфирная, с вершины, из-за туч,
Ещё ужасней грянула труба,
И по сигналу этому войска
Всевышнего, произведя манёвр,
Сомкнулись в четырехсторонний строй,
Неодолимую образовав
Гигантскую фалангу. Легионы
В блистанье, молча, двинулись вперёд
Под музыку, вселявшую в сердца
Геройский пыл — за Бога постоять
И за Мессию; возглавляли рать
Вожди богоподобные. Ничто
Походного порядка не могло
Расстроить: ни скалистые хребты,
Ни узкие ущелья, ни леса,
Ни реки, ибо стойкие полки
Над почвой проносились высоко;
Опорою стремительным стопам
Служил послушный воздух. Точно так,
Адам, к тебе летел через Эдем
На крыльях, вереницей, птичий род,
Дабы ты имена им всем нарёк.
Так легионы Ангелов неслись
В просторах Неба, много областей
Минув обширных; каждая из них
Десятикратно больше всей Земли.
Внезапно, пламенея вдалеке,
Огнистая явилась полоса,
Полночный опоясав небосклон
Из края в край, как некий ратный стан.
Приближась, можно было различить

Лучистый оцетинившийся лес
Бессчётных дров и сплошную стену
Сплочённых шлемов, множество щитов
С кичливыми гербами; то войска
Соединённые бунтовщиков,
Как буря, под началом Сатаны
Спешили, помышляя в тот же день
Святую Гору захватить врасплох
Иль в битве покорить и на Престол
Господень самозванца возвести,
Завистника, что нагло притязал
На Царство Божье. Но на полпути
Пустою оказалась их мечта,
Хоть странным представлялось нам сперва
Сраженье Ангелов между собой,
Неистовая, дикая вражда
Тех самых Ангелов, что так нередко,
На празднествах блаженства и любви,
Согласным хором пели гимны в честь
Великого Монарха, как сыны
Единого, Небесного Отца.
Но вот раздался боевой призыв,
И приступа многоголосый вопль
Все мирные раздумья заглушил.
На колеснице солнечной, как бог,
Отступник, превышая всех своих,
Величье идольское воплощал,
Отрядом Херувимов окружён
Горящих и оградой золотых
Щитов; но вот он с пышного сошёл
Престола; оба воинства теперь
Лишь малой полосой разделены
(Ужасный промежуток!), и ряды
Враждебных армий, противостоя
Одни другим, образовали фронт
Свирепый, устрашающей длины.
Пред сумрачным полком передовым,
Пока побоище не началось,
Широким, гордым шагом, в золотых
Доспехах и алмазных, Сатана
Прошёл, гигантской уподобясь башне.
Нет! Зрелища такого Абдиил
Не мог снести. Среди храбрейших он
Воителей стоял и был готов
К деяниям геройским. Поверял
Своё он сердце доблестное так:
"— О Небо! Сколь похож на божество
Презревший верность и забывший долг.
Зачем не изменяют сила, власть
Предателю, что изменил добру,
И дерзкий не становится всегда
Слабейшим, хоть на вид неодолим?

Но с помощью Всесильного хочу
Я ныне силу испытать Врага,
Как прежде в словопренье испытал
Его порочный, лицемерный ум.
Не должно ли, чтоб одержавший верх,
В словесной битве правду отстаив,
Вдобавок и оружием победил,
И в двух сраженьях одержал победу?
Хотя постыдна и дика борьба
Меж разумом и силой, тем верней,
Тем справедливей разума успех!"
Размыслясь, Абдиил покинул ряд
Соратников и выступил вперёд;
Он встретился на полпути с Врагом
Отважным, разъярившимся вдвойне,
Поскольку осознал, что упреждён
Противником; но стойкий Серафим
На бой бесстрашно вызвал Сатану:
"— Гордец! Не ты ли встречен? Возмечтал
Ты, без препон, желанным овладеть,
Застать неохранным Божий Трон,
Покинутым из страха пред твоим
Оружием иль могуществом речей
Твоих. Как не помыслил ты, глупец,
Сколь безрассудно угрожать мечом
Всесильному, который может вмиг,
Создав неисчислимые войска
Из крох наимельчайших, одолеть
Твоё безумье или мановеньем
Десницы вседостижной, без нужды
В помощи, самолично, в бездну тьмы
Тебя, с твоими ордами, швырнуть!
Но путь измены выбрали не все;
Нашлись такие, что любовь к Творцу
И верность предпочли; не ведал ты
О них, вообразив, что я один
Среди твоих сторонников — неправ.
Сочти, сколь многие со мной делить
Неправоту готовы, и пойми,
Хоть поздно, что немногие порой
Глаголят правду; тысячи, напротив,
Способны в заблуждениях погрязть!"
Презрительно скосясь, Великий Враг
Ответствовал: "— Ты на свою беду
Вернулся из побега в жданный час
Отмщенья моего. Тебя искал,
О Дух крамольный, прежде всех; прими
Заслуженную плату, испытай
Ты первым силу мышц моей руки,
Тобою раздражённой. Твой язык
Дерзнул, противоречьем вдохновлён,
Оспорить на собранье треть богов,

Отстаивающих права свои
Божественные: ведь пока жива
Их божеская суть, они признать
Не могут Всемогущим никого.
Но ты сообщников опередил,
Тщеславясь вырвать перья у меня
И о моем разгроме объявить
Деяньем этим. Малость погожу
Для возраженья (чтоб не хвастал ты,
Что я тебе ответить не сумел).
Для Ангелов, — я полагал, — свобода
И Небо — нераздельны; но теперь
Я вижу, что довольное число,
Воспитанных на песнях и пирах
Угодников, — холопство предпочли.
Вот этих-то небесных певунов
Подобострастных ты вооружил;
Свободу хочешь рабством сокрушить.
Что ж! День текущий их дела сравнит!"
В ответ сурово молвил Абдиил:
"— Отступник, заблуждаешься ты вновь
И станешь заблуждаться без конца,
Утратив правый путь. Ты зря клеймишь
Холопством услужение Тому,
Кто Богом и Природой утверждён,
Как наш Глава. Природа и Господь
Один закон гласят: повелевать
Достоин Тот, кто подданных превысил
Достоинством. Но истинное рабство
Служить безумцу или бунтарю,
Который на Владыку восстаёт,
Его превосходящего во всем,
Как служат соучастники тебе.
Ты раб, ты сам себе порабощён
И смеешь службу нашу поносить!
Владыч в Аду, там княжество твоё,
А мне Творцу на Небе дай служить
Преславному, блюсти Его. завет
Божественный, достойный послушанья.
Тебя не трон — оковы ждут в Аду.
Пока от беглеца, как ты сказал,
Вернувшегося получай привет
На твой нечестьем осквернённый шлем!"
Промолвив, замахнулся, и удар
Прекрасный не замедлил и как шквал
Обрушился на гордый шлем Врага
С таким проворством, что ни взгляд, ни мысль
Мгновенностью его б не превзошли,
Ни щит не отразил бы. Сатана
На десять ужасающих шагов
Отпрянул; на десятом— у него
Колено подломилось; он припал,

Но удержался, опершись на дрот
Огромный. Так, подземная вода
И ветер, сквозь глубинные пласты
Порой себе прокладывая путь,
Сдвигают с места гору, и она
Со всеми елями и сосняком
Полупроваливается. Престолы
Мятежные, завидев, что сражён
Из них сильнейший, в бешенство пришли
И в изумленье. Наши в торжестве
Издали клич победный, возвестив
Желанье скорой битвы. Михаил
Архангельской фанfare повелел
Трубить; все Небо этот звук объял;
Тогда вскричали верные войска:
«Всевышнему осанна!»; вражья рать,
Не медля, столь же грозная, пошла
В атаку; битва завязалась вмиг,
Подобно буре бешеной, и вопль,
Неслыханный доселе, огласил
Все Небо; ударяя о броню,
Оружье издавало звон и лязг,
Нестройный, оглушающий раскат;
Скрипели оси медных колесниц
Неистово, и в трепет приводил
Побоища невыносимый гул.
Пронзительно свистя над головой,
Летели тучи раскалённых стрел,
Над полем битвы свод образовав
Горящий, и под куполом огня,
С напором разрушительным, войска
Сражались, друг на друга устремясь,
Неистошимою злобою кипя.
От грома содрогались Небеса;
Была б Земля уже сотворена,
Она б до центра сотряслась! Не диво! -
Сшибались миллионные когорты
Свирепых Ангелов, из коих мог
Слабейший все стихии подчинить
И обратить в оружие своё;
Насколько ж совокупная грозней
Неисчислимых сонмов этих мощь,
Способная, стократ раздув пожар
Войны губительной, хоть не совсем
Разрушить Небо — их блаженный край
Родной, но разорить его вконец.
Однако Вечный Всемогущий Царь
Вселенной, властвующий с вышины,
Им силы поубавил. Все ж число
Сражающихся было таково,
Что армии равнялся легион,
А легиону — воин. Каждый вождь

Был воином, а воин был вождём,
И каждый знал — когда идти вперёд,
Когда остановиться и когда
Сомкнуть или разомкнуть подвижный строй
По ходу битвы яростной. Никто
Не помышлял бежать или отступить;
Не обличало страха ни одно
Деянье; полагался на себя
Любой, как будто лишь в его руках
Ключи победы. Славные навечно
Свершались подвиги — им счета нет,
Столь широко разбушевался бой
Многообразный: то на твёрдой почве
Рубились пешими; то на крылах
Взвивались мощных, воздух расплескав,
И весь уподоблялся он огням
Сражающимся. Битва долгий срок
Без перевеса длилась, до тех пор,
Пока, невиданное оказав
Геройство и подобного по силам
Соперника не встретив, Сатана
Пробился сквозь побоище, как вихрь,
Меж Серафимов, что свои ряды
Смешали в лютой сече, и узрел,
Как Михаил разит мечом огромным,
Единым взмахом целые полки,
И смертоносный, обоюдоострый,
Двумя руками поднятый клинок
Обрушивается и все вокруг
Опустошает. Сатана, спеша
Погибель отворотить, подставил щит -
Неразрушимый, исполинский диск,
Покрытый адамантовой броней
Десятислойной. Ратный труд прервал
Архангел, заметивший Врага;
Он радостно надеялся войну
Междоусобную Сынов Небес
Немедленно покончить, одолев
Зачинщика, и протащить в цепях
Пленённого. С пылающим лицом,
Сурово брови сдвинув, он вскричал:
"— Виновник Зла, безвестного досель
На Небе и до бунта твоего
Неведомого даже по названью,
А ныне избыльного! Взгляни
На беды ненавистной всем борьбы,
Которые по праву на тебя
И на твоих сообщников падут
Безмерно тяжело! Как ты возмог
Нарушить благодатный мир Небес,
Злосчастье в Природу привнести,
Не бытовавшее до мятежа

Преступного! Как заразить дерзнул
Своею злобой тысячи других,
Когда-то верных, чистых, а теперь
Запятнанных изменой! Не мечтай
Расстроить бунтом наш святой покой.
Тебя изгонят Небеса; приют
Блаженный не потерпит мрачных дел
Насилья и войны. Изыди в Ад,
И да изыдет заодно с тобой,
В обитель Зла, твоё исчадьё — Зло,
И вся твоя бесчестная орда!
Там смуту сей, покуда этот меч
Карающий твою не начал казнь
Иль месть, которой дал Господь крыла,
Внезапная, иная ниспадет,
Тебя низвергнув, для горчайших мук!"
Так молвил Князь Небесных сил; ему
Противник прекословил: "— Ты не тщись
Угроз воздушных ветром испугать
Того, кому деяния твои
Не страшны: разве в бегство обратил
Ты из моих бойцов хоть одного,
Слабейшего? И разве тот, кто пал,
Непобеждённым не вставал опять?
Неужли проще справиться со мной,
Властолюбивый, с помощью угроз
И повелений? Зря не уповай!
Не этим завершится ратный спор,
Который бедоносным ты честишь,
А мы считаем славным. Наша цель
Достичь победы, или Небо в Ад,
Измышленный тобой, мы превратим;
Коль нам не царствовать, мы будем здесь,
По крайней мере, вольными. Напружь
Всю мощь, и на помощь призови
Всесильного, — как ты Его зовёшь.
Не отступлю; тебя-то я искал
Повсюду — издалека и вблизи!"
Умолкли, несказанный бой начать
Готовясь; даже ангельский язык
Слов не найдёт, чтоб рассказать о нем;
С каким земным событием сыскать
Сопоставленье, чтоб на высоту
Богopodobной мощи вознести
Понятие людское? Два врага,
В покое ли, в движении, равны,-
Оружьем, видом, поступью, — богам,
Достойным предопределять судьбу
Небесного владычества. Мечи
Взмахнулись пламенные, описав
Ужасные окружности; щиты,
Друг против друга, блещут и слепят,

Как два огромных солнца. Ожиданье
Застыло в страхе. Обе стороны
Ожесточённых Духов, только что
Сражавшихся несметною толпой,
Освободили, спешно отступив,
Обширную равнину, ибо вихрь
Единоборства этого для них
Небезопасен. Поединок был, -
Насколько при посредстве малых дел
Великое возможно описать, -
Как если бы гармония Природы
Расстроилась и вспыхнула война
Созвездий, и под гнётом грозных сил,
Навстречу обоюдно устремясь,
Две злобные планеты, средь Небес,
Сразились, в битве яростной смесив
Материю своих враждебных сфер.
Противники десницы вознесли,
Мощнейшие на Небе, после рук
Всемощного, и каждый помышлял
Одним ударом завершить борьбу,
Не повторив убийственный замах.
Ни силой, ни искусством боевым
Они не различались, но двуручный.
Меч Михаила, выданный ему
Из Божьей оружейной, обладал
Таким закалом, что клинки любые,
Любые латы рассекал легко.
Стремительно упав, он меч Врага
Перерубил и, быстро обратись,
Вонзился и рассёк весь правый бок
Отступника. Впервые Сатана
Изведал боль; от нестерпимых мук
Он изогнулся в корчах, уязвлён
Отверстой раной, что ему нанёс
Разящий меч, но тут же ткань срослась
Эфирная; разъятой не дано
Ей оставаться долго; из рубца
Нектарной влаги хлынула струя
Пурпурная, — Небесных Духов кровь, -
Блестящие доспехи запятнав.
Примчалось много Ангелов к нему, -
Клевретов сильных, чтобы заслонить
Владыку; а другие — на щиты
Поспешно взгромоздили Сатану
И к царской колеснице отнесли,
Стоявшей от сраженья вдалеке,
И на неё сложили. Он стонал
От скорби, озлобленья и стыда
И скрежетал зубами, осознав,
Что несравненным дольше полагать
Себя не вправе, что былая спесь

Его, соперничавшего с Творцом,
Унижена; однако исцелел
Он вскоре, ибо Ангельский состав
Во всех частях единой наделён
Живучестью, в отличие от людей,-
У коих печень, лёгкие, нутро,
Равно как сердце, почки, голова,
Ранимы насмерть. Духов же убить
Нельзя, не уничтожив целиком;
Смертельным уязвлениям их тела
Текучие не более чем воздух
Подвержены; их жизненная суть
Вся — голова, вся — сердце, вся — глаза,
Вся — уши, вся — сознание, вся — ум;
Они любые члены для себя
Создать способны и любой размер,
Обличие любое, всякий цвет,
И плотный и разреженный состав
По изволенью могут принимать.
Меж тем свершались и в иных местах
Преславные деянья: Гавриил
Со всей своею ратью вторгся в строй
Когорт Молоха; этот ярый царь
Его на поединок вызывал,
За колесницей поволочь грозясь
Привязанного, и гласил худу,
Не пощадив кощунным языком
Единобо, кто свят на Небесах;
Но вдруг, преполовиненный мечом
До пояса и яростно рыча
От боли, не испытанной досель,
Пустился в бег в расколотовой броне.
На флангах Уриил и Рафаил,
Сразившись каждый со своим врагом,
Сломили Асмодея, вкуче с ним -
Адрамелеха; эти два Престола
Могучие отвергли даже мысль
Считаться рангом ниже Божества,
Но панцири из адамантных скал
И сила исполинская спасти
Безумцев от разгрома не могли,
Кольчугам и щитам не удалось
Увечья тяжкие предотвратить;
Изнемогая от ужасных ран,
Смиренью научились беглецы.
Не мешкал Абдиил, громя орду
Безбожную; двойным его ударом
Был Ариил сражён и Ариох,
Он Рамиила буйство укротил,
Обжёл и, поражённого, поверг.
Я мог бы тысячи других имён
Бессмертно возвеличить на Земле,

Но Ангелам-избранникам хвалы
Людской не надо; тешатся они
Небесной славой. Хоть бойцы Врага,
Могущество и мужество явив
Отменные, желали бы достичь
Не меньшей ратной славы, но навек
Божественный изгладил приговор
Их прозвища из памяти священной,
Да безымянные живут во тьме
Забвенья; ибо сила, изменив
Законности и правде, лишь стыда
Достойна и укора; не снискать
Ей лавров, как ни алчет обрести
Бесчестьем — славу, низостью — хвалу.
Пусть же их прозванья навсегда
Безмолвье нерушимое пожрёт.
Вот сломлены сильнейшие из них;
Отходит войско, разъединено
На множество частей; его объял
Постыдный беспорядок, смутный страх
Разгрома. Вся усеяна равнина
Обломками оружия и брони,
И опрокинутые колесницы
С возничими, с упряжками коней
Огнистых друг на друге, как пришлось,
Лежали грудами; а те, кто мог
В разбитых легионах Сатаны
Ещё держаться, — обратили тыл,
Едва сопротивляясь. Бледный страх
Врагов объял; он в первый раз настиг
Строптивых, что почувствовали боль
Впервые и бесславно, в первый раз
Бежали. Эти беды навлекла
Ослушливость греховная на тех,
Кто страха не знавал до сей поры,
Ни бегства, ни страданий. Рать святых,
Напротив, неприступною сплетясь
Квадратною фалангой, шла вперёд,
Неуязвима под прикрытьем лат
Несокрушимых. Этот перевес
Послушная безгрешность им дала,
Дозволила в бою не изнемочь
И боли не испытывать, хотя
Противник временами их теснил.
Вот Ночь вступила на свою стезю,
Объяла темнотою небосвод,
Сраженье милосердно прекратив.
Зловещий гул побоища затих,
И победителей укрыла мгла,
Равно как побеждённых. Михаил
И Ангельская рать разбили стан
Средь поля, взвихрённые пламена

Расставив Херувимские охраной
Вокруг шатров. Со стороны другой,
С мятежным войском, Сатана ушёл
В далёкий мрак... Покоя нет Врагу!
Средь ночи созывает он Совет
Своих Князей, отважно молвив так:
"— Испытанные пламенем войны
Собратья, доказавшие вполне
Своей неодолимостью, что вы
Не только лишь свободу обрести
Достойны, — это малость, — но и честь,
Главенство, прославление и почёт,
Все то, чего мы алчем. Целый день
Держались вы в сомнительной борьбе,
А если день возможно устоять,
То почему не вечно? Царь Небес
С Престола горнего, противу нас
Послав сильнейших, меру эту счёл
Достаточной, чтоб нас поработить.
Но так не стало. Кажется, Господь
В предвиденье не столь непогрешим,
Хотя Всеведущим Его досель
Считали. Мы оружием послабей,
А посему потери понесли
Известные, почувствовали боль
Впервые, но страданьем пренебречь
Немедля научились, и сейчас
Мы знаем, что эфирный наш состав
Не может быть смертельно уязвлён;
Раненья, нанесённые ему,
Он исцеляет вмиг благодаря
Врождённым силам. От ничтожных бед
Лекарство подходящее найти
Не трудно. Может, новую броню,
Прочнее прежней, новое оружие,
Мощнее прежнего, мы создадим,
На пользу нам, противнику — на зло;
Боеспособность нашу укрепив,
Сравняем силы, на худой конец;
Ведь естество у нас и у врагов
Одно и то же. Если ж по иным,
Безвестным основаниям, у них
Над нами перевес, то мы должны,
Пока рассудок нам не изменил,
Открыть причины эти сообща
И наше здравомыслие напрячь!"
Умолк; и первым слово взял Нисрох,
Глава Начал, — он вырвался едва
Из тяжкой битвы; мрачен, изнурён,
В разбитых, непригодных ни к чему
Доспехах, с мрачным видом возразил:
"— Ты нас от новоявленных владык

Избавил, ты свободу нам вернул
Блаженствовать в сознание наших прав
Божественных; но даже божествам,
Оружием неравным, против сил
Превосходящих, — трудно воевать,
От боли изводясь, когда страданий
Не ощущают недруги ничуть
И не ранимы. Это приведёт
Нас к верной гибели. Какой же прок
От мужества, отваги, силы мышц,
Хотя и несравненных, если боль
Их побеждает, подчинив себе,
И понуждает руки опустить
Могучие? Мы можем обойтись
Без наслаждений, можем просто жить
И не роптать, довольствуясь такой
Спокойной жизнью, — лучшей доли нет!
Но из несчастий — боль превыше всех,
Зло совершённое и, становясь
Чрезмерной, переходит за предел
Долготерпенья всякого; и тот,
Кто средство изобрёл бы уязвлять
Противников, доселе невредимых,
И сделать нечувствительными нас,
Не меньшей бы достоин был хвалы,
Чем тот, кто нам свободу даровал!"
Ответствовал спокойно Сатана:
"— Искомый способ, что послужит нам,
По здравому суждению твоему,
Для одоления — мной уже открыт.
Когда мы на опору наших стоп
Эфирную, цветистую глядим,
На безграничный материк Небес,
Весь в самоцветах, в золоте, в цветах
Амврозийных, в деревьях плодоносных, -
Кто созерцал бы эту красоту
Поверхностно и сразу б не смекнул,
Что в недрах зарождается она
Глубинных, из частичек вещества,
Из чёрных, грубых зёрен и семян,
В духообразной пене огневой
Возникших? Но едва небесный луч
Коснётся их, смягчив и оживив,
Они, пробившись вверх, во всей красе
Волшебнo расцветают на свету.
Вот эти-то частицы, что огнём
Насыщены подспудным, нам достать
Потребно из глубоких, мрачных недр,
Забить потуже в длинные стволы,
Округлые и полные, поджечь
С отверстия другого, и тогда,
От малой искры, вещество частиц,

Мгновенно вспыхнув и загрохотав,
Расширится и, развивая мощь
Огромную, метнёт издалека
Снаряды, полные такого зла,
Что, все сметая на своём пути,
Повергнут недругов и разорвут
На клочья. Померещится врагам
Испуганным, что нами грозный гром
Похищен у Того, Кто им владел
Единственно. Недолгим будет труд
И пред рассветом завершён сполна.
Итак, мужайтесь, поборите страх.
Способен все препоны одолеть
Союз ума и силы. Нет причин,
Соратники, в отчаянье впадать!"
Он смолк. Приободрила эта речь
Отвагу ослабелую и вновь
Надежды угасавшие зажгла.
Дивился каждый помыслу Вождя,
Равно тому, что не придумал сам
Подобный способ; многим бы казался
Он прежде невозможным, но теперь
Сочтён разумным. Может быть, Адам,
Из твоего потомства, кто-нибудь,
Когда в грядущем злоба возрастет,
По наущенью Дьявола создаст
Такое же орудье, на беду
И муку человеческим сынам
Греховным, жаждущим кровавых войн
И обоюдного братоубийства.
Покинув сходку, все к труду спешат,
Никто не медлит, рук не сосчитать,
Готовых действовать. В единый миг
Разрыта почва Неба до глубин
Безмерных; там увидели они
Незрелые зачатки правеществ
Природных; пену серную нашли,
Селитрянную пену, и, смешав,
Хитро сгустили, высушили смесь,
И, в чёрное преобразив зерно,
Нагромоздили целые холмы.
Другие вскрыли залежи руды
(Здесь, на Земле, такие точно есть)
И жилы минералов и камней,
Чтоб громовержущие отковать
Машины и отлить запасы ядер
Губительных; а третьи — тростники
Горючие срезают — страшный знак,
От искры вспыхивающий мгновенно.
Так, в тайне величайшей, до зари
Работа завершилась. Только Ночь
Была свидетельницей. В тишине

Они опять порядок навели,
Ни в чем не заподозрены никем.
Вот озарён с востока небосвод;
Проснулись победители; труба
Зовёт к оружию. Быстро собрались
Воители в доспехах золотых,
Построясь в лучезарные ряды;
Другие с рассветающих холмов
Окрестность озирают, а другие,
Легко вооружённые, спешат
В разведку, разойдясь во все концы,
Чтоб выследить бежавшего врага
И точно вызнать: где его привал,
Стоит ли враг иль будет наступать?
Но вскоре углядели впереди
Войска противника; когорты шли
Не быстро, но решительно, сомкнув
Шеренги и знамёна распустив.
Летит назад крылатый Зофиил,
Наибыстрейший Херувим, крича:
"— В бой, ратоборцы, в бой! Враг у ворот,
И не бежал, как полагали мы;
Напротив, от нелёгкого труда
Искать его он увольняет нас.
Не бойтесь! Отступать его полки
Не думают, но движутся сюда,
Подобно туче, лица их бойцов
Отважны и уверенны. Скорей!
Проверьте скрепы алмазных лат,
Плотней надвиньте шлемы и, подняв
Над головой округлые щиты
Иль опустив до уровня груди,
Держите их надёжно! Мыслью я -
Не дождик моросящий окропит
Сегодня нас, но хлынет грозовой
Разящий ливень огнестрельный!"
Так он соратников остерегал,
Что сами не плошали; соблюдая
Спокойствие, обозы позади
Оставив, легионы подтянулись
И тронулись в порядке боевом.
Навстречу им, ступая тяжело,
Сплочённым полчищем неисчислимым
Идут противники, образовав
Квадратный строй, коварно волоча
Машины дьявольские посреди
Полков пехотных и со всех сторон
Рядами всадников загородив.
Друг против друга армии сперва
Остановились. Мигом Сатана
Явился перед воинством своим
И громозвучно-внятно возгласил:

"— Направо и налево, первый ряд,
Раздайся! Ненавидящие нас
Да узрят, как мы с ними заключить
Стремимся мир, как мы хотим, прийти
К согласию, как рады их принять
С открытой грудью, если наш призыв
Не отклонят, спиной оборотясь!
Но сомневаюсь. Пусть же Небеса
Свидетельствуют! Небеса беру
Порукою, сколь искренне сердца
Мы облегчаем. Слушайте приказ,
Воители, назначенные мной.
Настало время действовать! Чуть-чуть
Коснитесь ваших мирных предложений,
Да так, чтоб вас могли услышать все!"
Глумливую, двусмысленную речь
Едва он кончил, — на две стороны
Фронт расступился, к флангам отошёл,
Невиданное зрелище открыв
И странное: пред нами, в три ряда,
Поставленные на колёсный ход,
Лежали исполинские столпы,
По виду — из железа или меди
И камня. Это более всего
Напоминало три ряда стволов
Сосны и дуба, срубленных в горах,
Очищенных от сучьев и ветвей
И выдолбленных, — если б не жерло
Отверстое, разинувшее пасть
Из каждого ствола — зловещий знак
Пустого перемирия. Стоял
За каждым — Серафим, держа в руке
Горящую тростину. Изумясь,
Гадали мы; увы, недолго. Вдруг
Они тростины протянули разом
И прикоснулись к маленьким щелям,
Пробитым в комлях дьявольских махин.
Мгновенно Небо заревом зажглось
И тотчас потемнело от клубов
Густого дыма из глубоких жерл,
Что диким рёвом воздух сотрясли,
Его раздрали недра и, гремя,
Рыгнули адским пламенем и градом
Железных ядер и цепями молний;
И необорно, точный взяв прицел
На противостоящие войска,
Сразили победителей с таким
Неистовством, что ни один герой,
Державшийся доселе как скала,
Не в силах был остаться на ногах.
Десятки тысяч падали вповал,-
Архангелы и Ангелы; напасть

Усугублялась от тяжёлых лат;
Когда бы не доспехи, каждый Дух
Избегнул бы ударов, уклонясь
Иль сократись в размере; но теперь
Они — в смятенье. Надо отступать,
Бежать позорно. Свой стеснённый строй
Бойцы напрасно тщились разомкнуть.
Что делать? Устремиться напролом?
Но с поношением их отбросят вновь,
Повергнут и глумливо осмеют.
Уже во вражьем стане новый ряд
Стоит, готовый дать очередной
Залп громовой. Но обратиться вспять,
Бесславно поражение претерпев,-
Вот что страшило более всего!
Разгром врагов предвидя. Сатана
С насмешкою воззвал к своим войскам:
"— Друзья! Что ж победитель к нам нейдёт
Надменный? Он так чванно выступал;
Когда же мы, открыв чело и грудь,-
Возможно ль было большее свершить? -
Условьями осыпали врагов
Миролюбивыми, — они бегут
Невесть куда, кривляются вприпрыжку,
Как будто вознамерились плясать,
Хоть странные и дикие скачки
Для пляски непристойны. Может быть,
Их миролюбье наше веселит?
Придётся предложенье повторить;
Авось придут к согласию быстрей!"
Ответил столь же колко Велиал:
"— О Вождь! Целенаправленны, твёрды,
Весомы предложенья паши. Знать,
Пришлись они по вкусу, а иных
И поразили. Кто же прямо в лоб
Заполучил их, тот уразумел
Всем существом, от головы до пят.
А если и не поняты дары,
По крайности, хоть показали нам
Врагов, хромяющих на четвереньках!"
Так изгалялись оба меж собой,
Куражились, победу возомнив
Заведомой, надеясь без труда,
Посредством хитрой выдумки своей,
Сравняться с Вечной Силой. Гордецы
Презрели Божий гром и Божью рать,
Пока она стояла, смущена,-
Недолго, впрочем; ей прибавил гнев
Решимости, оружие открыл,
Способное бороться с адским злом;
Заметь, какую мощь ей придал Бог
И превосходство! Ангелы спешат

Быстрее молний; мчатся, побросав
Доспехи, к окружающим горам
(Чередование долин и гор
Приятное Земля переняла
У Неба) и, в основах расшатав,
Срывают, за косматые схватясь
Вершины, поднимают заодно
С громадою всего, что есть на них,-
С утёсами, лесами и ручьями,-
И на врагов несут. Вообрази
Мятежных Духов изумленье, страх,
Узревших горы, что на них летят
Вверх основаньями и, грохоча,
Обрушиваются на три ряда
Стволов проклятых! Этот страшный груз
Все упования их похоронил;
Затем настал черёд бунтовщиков;
Холмы и горы, скальные кряжи
На них свалились, воздух затемнив,
И целые когорты погребли.
Доспехи только множили беду,
Вонзаясь в плоть, терзая и тесня,
Невыносимую чинили боль.
Страдальцы вопияли и, стремясь
Отбросить гнёт, метались, извивались,
Чтоб выбраться на волю из тюрьмы.
Мятежники хотя и Духи света
Чистейшего, но вследствие греха
Их естество померкло, огрубев.
Подобно нам, другие применили
Такое же оружие, оторвав
От оснований ближние хребты;
Швыряемые яро с двух сторон,
Сшибались горы в воздухе; внизу,
Под страшной сенью гор, как под землёй,
Во мраке длилась битва. Адский шум!
В сравненье с этой битвою война
Забавой показалась бы. Одно
Ужасное крушенье на другое
Нагромождалось; Небеса вот-вот
Обрушатся, в руины обратись,
Когда б не всемогущий Бог-Отец,
В незыблемом святилище своём,
Исчислив и обмыслив ход вещей,
Задолго не прозрел бы этот бой
И попустил его, осуществив
Решение великое; почтить
Помазанного Сына и облечь
Своею мощью, поручив Ему
Отмщенье бунтарям. Всевышний Царь
К Мессии сопредстольному воззвал:
"— Сиянье славы Божеской Моей,

Возлюбленный Мой Сын! Ты зримый лик
Незримого Творца; Твоя рука
Вершит Мои определенья; Ты
Второе всемогущество! Два дня
По счёту дней небесных протекли,
Как Михаил и верные войска
Предприняли карательный поход
Противу непокорных. Был свиреп
Двухдневный бой, — не диво, коль сошлись
Такие недруги: самим себе
Я предоставил их; сотворены
Они друг другу равными вполне,
Различье — лишь в греховности; оно
До срока не проявлено, пока
Мой приговор отложен. Эта брань
Способна длиться до конца веков,
Но — попусту, вотще. Все, что могла,
Свершила утомлённая война,
Неукротимой ярости бразды
Ослабила, горами ополчась
Взамен оружия. Дикие дела
Свершаются на Небе и грозят
Вселенской гибелью. Два дня прошли,
Но третий — Твой! Тебе определил
Я этот день, терпел до сей поры,
Чтоб слава окончания борьбы
Твоя была; побоищу предел
Единый Ты можешь положить:
Такую благость и такую мощь
Я влил в Тебя, что Небеса и Ад
Признают несравненное Твоё
Могущество. Я этот гнусный бунт
Направил так, чтоб Ты Себя явил
Наследником достойным и Царём
Помазанным, по праву и заслугам.
Гряди, всесильный силою Отца,
Воссядь на колесницу и направь
Колёса быстрые, чтоб содроглись
Опоры Неба! Все Мои возьми
Доспехи: стрелы молний, грозный гром -
Оружие победы; препояшь
Мечом бедро могучее! Гони
Исчадья тьмы за рубежи Небес,
Низвергни в глубочайшую из бездн,
Да ведают, коль сами так желали,
Как Бога отвергать и как Царя
Законного — Мессию презирать!"
Он рек, впрямую Сына озарил
Всей лучезарностью; всецело Сын
Отца сиянье ликом восприял
Невыразимо, и Отцу в ответ
Сыновнее сказало Божество:

"— Отец! Главенствующий в Небесах
Престол! Святейший, Вышний, Лучший, Первый!
Ты жаждешь Сына вечно прославлять,
А Я — Тебя, как подобает Мне
Воистину. Мои блаженство, честь
И торжество Я полагаю в том,
Что, благосклонный к Сыну, поручил
Твоё веленье Мне осуществить;
Творя Господню волю, счастлив Я
Превыше меры. Царский сан и власть,-
Дары Твои, — приемлю, но отдам
Ещё охотнее, когда в конце
Ты будешь Все во Всем, а Я — в Тебе,
Во Мне же — все, кого Ты возлюбил.
Но ненавижу ненавистных Богу!
Я — образ Твой и гневом облекусь
Твоим, равно как милостью Твоей,
Могуществом Твоим вооружась,
Очищу Небо от бунтовщиков,
Низвергну в уготованное им
Угрюмое жильё, где цепи тьмы
Их изнурят, где станет их точить
Бессмертный червь за то, что отреклись
От послушанья, должного Тебе,
В котором счастье высшее. Тогда,
От нечестивых орд ограждены,
Все праведные, вокруг Святой Горы
Собравшись, непритворно воспоют:
«Осанна, аллилуйя», — во главе
Со Мной, провозгласив Тебе хвалу!"
Так, опершись на скипетр, молвил Сын,
С Престола высочайшего сойдя,
Где одесную Славы восседал.
Священный — третий — заалел рассвет,
И Колесница Божества Отца
В густом огне, как буря, понеслась,
Не силою колёс, одно в другом
Вмещавшихся, но движимая Духом;
Её сопровождая, по углам
Четыре следовали Херувима
Четвероликих; словно роем звёзд,
Усеяны их крылья и тела
Очами, и берилловых колёс
Ободья, — сплошь в очах, — метали огонь.
Над Херувимами хрустальный свод,
Подобный Небу, высился; на нем
Престол сапфирный, амброй испещрён
И всей расцветкой радуги дождливой.
Мессия на престоле восседал
Во всеоружье горнем и в броне
Лучистого Урима — мастерства
Божественного. Справа от Него

Орлиные расправила крыла
Победа; у бедра — могучий лук
Соседствовал с колчаном, полным стрел
Трехзубых молний; клочкотал окрест
Разящий пламень, и клубился дым,
И разлетались тучи жгучих искр.
Десятки тысяч тысячей Святых
Сопровождали Сына; яркий блеск
О шествии далеко возвещал,
И двадцать тысяч (о таком числе
Мне ведомо) Господних колесниц,
По десять тысяч с каждой стороны,
Катились рядом с Ним. Так Сын летел,
Крылами Херувимскими влеком,
Воссев на Свой сапфировый престол,
Поправ стопами свод из хрусталя,
Сиянье излучая вдаль и вширь.
Его узрела первой наша рать,
И радости нечаянной восторг
Объял сердца, когда великий стяг
Мессии разблистался в вышине,
Его прибытья знак на Небесах,
Несомый Ангелами. Все войска
Под знамя это Михаил отвёл
С обоих флангов, их соединил
И передал Державному Вождю.
Божественная расчищала мощь
Дорогу Сыну. Он велел горам
Отторгнутым вернуться на места -
Повиновались горы; прежний вид
Восстановило Небо, вновь цветы
На долах улыбаются и холмах.
Свершилось это чудо на глазах
Врагов злосчастных, но они, коснетъ
В упорстве продолжая, собрались
Объединённой ратью, чтобы вновь
Мятежный бой — безумные! — начать,
В отчаянье надежду почерпнув.
Возможно ли настолько исказиться
Небесным Духам? Знаменьем каким
Гордец надменный был бы убеждён?
Какое чудо в силах умягчить
В упрямстве очерствелые сердца?
Все то, что безрассудных остеречь
Должно — ожесточило их вдвойне,
И, славу Сына Божия узрев,
Ужаленные завистью, враги
Ярятся пуще; алча высоты
Достичь такой же, с гордостью стоят,
Готовясь к новой битве и в мечтах
Решив Отца и Сына одолеть
Не силой, так лукавством, если ж нет, -

Погибнуть поголовно в мировом,
Всеобщем, окончательном крушенье.
Так, отвергая бегство и отход
Постыдный, двинулись бунтовщики
Вперёд в последний бой; тогда воззвал
Сын Божий к флангам подчинённых войск:
"— Святые! Сохраняйте строй блестящий!
Вы, Ангелы, от битвы опочив,
Останьтесь при оружьи на местах!
Угоден был Творцу ваш ратный труд;
За правое, доверенное вам
Господне дело бились до конца,
С победоносной доблестью. Но длань
Иная наказанье довершит
Проклятых орд. Единый мститель — Бог
Иль Тот, кому отмщенье поручил.
Не множеством великим, не числом
Сегодня будет осуществлена
Их казнь. В покое стойте и глядите,
Как чрез Меня прольётся Божий гнев
На нечестивцев. Нет, не вас — Меня
Возненавидев, завистью кипят
Они ко Мне, за то, что Мой Отец,
Которому вовек на Небесах
Присущи царство, слава, сила, власть,
Меня изволил милостью почтить
И предоставил Сыну приговор
Исполнить Свой. Да сбудется судьба
По их желанью: силами в бою
Помериться и вызнать — кто сильней:
Они ли совокупно или Сын
Противу всех. Мерилом — только силу
Они избрали, прочих не ища
Достоинств, и Тому, кто их затмил
Достоинством, в почтенье отказав.
Пускай же сила наш решает спор;
Не удостою их ничем иным!"
Так молвил Сын и лик переменил
Столь страшно и сурово, что стерпеть
Невыносимо взору; на врагов
Он обратился, преисполнясь гнева
Карающего. Звёздные крыла
Четыре Херувима распустили,
Бросая тень зловещую вокруг.
Колёса колесницы боевой
Внезапно завертелись, грохоча;
Казалось, это гул бегучих вод
Иль топот ног неисчислимых войск.
На нечестивцев, мрачный, словно ночь,
Он мчался; от пылающих колёс
Шатнулся Эмпирей, лишь Божий Трон
Не дрогнул. Бурей вторгся Он в ряды

Противников и десять тысяч молний
Десницею метал перед Собой,
Язвя их души. Изумленье, страх
Врагов объяли; мужество они
Утратили и, прекратив отпор,
Ненужное оружие уронили.
Сын попирал шелома, и щиты,
И головы Престолов, павших ниц,
И Серафимов мощных, в этот час
Мечтавших, чтоб на них низверглись вновь
Громады гор, от гнева оградив
Мессии; но густые тучи стрел
Неумолимо жалили и жгли,
От Херувимов четырех летя
Четвероликих, крылья и тела
Которых изобилием очей
Усеяны, и от колёс живых,
Что тоже — сплошь в очах. Единый Дух
Руководил очами; каждый зрак
На супостатов молнии метал
И опалял губительным огнём
Проклятых, отнимал остаток сил,
Мертвил их мужество, лишал надежд
И покидал простёртых, бездыханных.
А Сын и половины не напряг
Могущества. Он молнии свои
Придерживал, поскольку не желал
Злосчастных истребить, но лишь изгнать
Из рубежей Небесных навсегда.
Подняв простёртых. Он перед Собой,
Подобно козлицам, объятых страхом,
Теснящихся друг к другу, их травил,
Стрекая молниями и страха
Безмерной яростью, пригнал к стене
Хрустальной Неба; широко она
Посередине, свёртываясь внутрь,
Отверзлась и открыла мрачный зев,
Чудовищный, зияющий провал.
При виде жуткой пропасти враги,
Охваченные ужасом, хотят
Бежать, спастись, но позади грозит
Погибель худшая; тогда стремглав
В пучину кинулись они с краёв
Отвора, а за ними мчался вслед -
В бездонной хляби — жгучий, вечный гнев.
Ад грохот этот слышал, видел Ад
Небес паденье с высоты Небес
И, трепеща, бежал бы, но судьба
Расположила слишком глубоко
Его опоры мрачные и к ним
Навеки слишком крепко пригвоздила.
Враги свергались девять дней; ревел

Смятенный Хаос, и его разор
И дикое бесправье возросли
Десятикратно; падающий сонм
Был столь огромен, что всему грозил
Крушеньем полным. Ад, в конце концов,
Их уловил в разинутую пасть
И, поглотив, замкнулся. Вот жильё,
Заслуженное грешниками: Ад,
Пылающий негаснущим огнём,
Обитель горя и Гееннских мук!
Освободившись от бунтовщиков,
Возрадовалось Небо, и стена
Хрустальная, соединясь опять,
Закрыла вмиг зияющий отвор.
Единый Победитель, разгромив
Противников, Мессия повернул
С триумфом колесницу. Рать Святых,
Безмолвных очевидцев славных дел
Воителя великого, ликуя
И осенённая ветвями пальм,
Обратно двинулась, и стройный хор
Неисчислимых Ангельских чинов
Гласил победоносному Царю,
Наследнику и Господу — хвалу,
Ему, достойнейшему изо всех,
Державствовать. Вдоль Неба Он летел
В превозношение общем, в торжестве,
К Святилищу на высоте высот,
К Престолу Всемогущего Отца,
Где Сын в сиянье славы принят был,
Воссев опять Блаженства одесную.
Так, воплотив Небесные дела
В земные образы, исполнил я
Твоё желание, чтоб остеречь
Примером прошлого, и рассказал
О том, чего вовеки род людской
Не ведал бы: о битве в Небесах
Великой, о раздоре, о войне
Междоусобной Ангельских Князей,
О грозном низверженье гордецов,
Что занеслись не в меру высоко
И возмутились, купно с Сатаной,
Который алчет гибели твоей
От зависти и хочет отвратить
От послушания, чтоб рядом с ним
Блаженства ты лишился и делил
Возмездие — безмерность вечных мук.
Отраду он обрёл бы, оскорбив
Творца, когда б успешно приобщил
Тебя к своим страданиям, Божеству
Отметив за поражение. Не внимай
Лукавым обольщеньям и жену -

Слабейшую, чем ты, — предупреди,
И да послужит грозный сей пример
Расплаты страшной за непослушанье
Уроком. Твёрдо бы они могли
Стоять, но пали. Помня их судьбу,
Остерегайся преступить запрет!"

КНИГА СЕДЬМАЯ

По просьбе Адама Рафаил повествует: как и для чего сотворён этот мир. По низвержении Сатаны и Ангелов его Бог сообщает о Своей воле: создать другой мир и иные существа для его заселения. Он посылает Сына Своего со славою и в сопровождении Ангелов. Труд творения совершается в шесть дней. Ангелы прославляют в гимнах дело рук Творца и возвращение Его на Небеса.

Урания! — воистину ли так
Зовёшься ты, — с Небес ко мне сойди!
Я взвился над Олимпом, вдохновлён
Твоим волшебным голосом; парил
Пегаса крыл превыше. Суть зову
Твою — не имя; не принадлежишь
Ты к девяти Каменам, не живёшь,
Неборожденная, на высоте
Олимпа древнего, но прежде гор
Возникновенья, прежде, чем ручьи
И реки заструились, ты вела
Беседы с вечной Мудростью, сестрой
Твоей; ты пела гимны вместе с ней
Пред ликом Всемогущего Отца,
Небесным, пеньем слух его пленив.
Тобою вознесённый, гость земной,
Дерзнув проникнуть в Небеса Небес,
Я эмпирейским воздухом дышал,
Который ты смягчала; но теперь
Ты столь же неведимо низведи
Меня к родной стихии, чтоб с коня
Крылатого, безуздога, не пал,
Как некогда Беллерофон на поле
Алейское (хоть с меньшей вышины
Низвергся он), чтоб не скитался я
Покинутый, не ведая, куда
Направить страннические стопы.
Осталось половину мне воспеть,
Но в более стеснённых рубежах,
Доступной обозрению сферы дней.
Здесь, на Земле, и не дерзая взмыть
Над полюсом недвижных звёзд, могу
Петь смертным голосом. Я не охрип,
Не онемел, хотя до чёрных дней,
До чёрных дней дожить мне довелось.

Я жертва злоречивых языков,
Во мраке прозябаю, средь угроз
Опасных, в одиночестве глухом.
И все же я не вовсе одинок:
Меня ты посещаешь в час ночных
Видений или розовой зарёй.
Уrania! Всегда руководи
Моею песней; для неё сыщи
Достойных слушателей, пусть немногих!
Но вопли Вакха и его друзей,
Разноголосье варварское прочь,
Подале отгони, весь этот рёв
Нестройный обезумевших ватаг,
В Родопе растерзавших на куски
Певца фракийского; леса и камни
В безмолвном восхищении певцу
Внимали, но дикарский крик толпы
И голос и кифару заглушил,
А сына Муза не могла спасти.
Не оставляй молящего тебя
О помощи! Ты Небом рождена,
А та лишь призраком была пустым.
Скажи, богиня: что произошло,
Когда примером грозным остерёг
Приветливый Архангел Рафаил
Адама и поведал о судьбе
Отступников, чтоб не постигла казнь
Тождественная — Праотца людей
И все его потомство, если он
Отведает запретного плода,
Единственную заповедь презрев,
Которую нетрудно соблюсти
При столь великом выборе услад
На всякий, самый изошрённый вкус.
Адам с женой, дыханье затаи,
Внимали в изумленье, глубоко
Задумавшись над сказом о делах
Возвышенных и странных, и почти
Для них непостижимых: о вражде
На Небесах, о яростной войне
В соседстве с Божеским мироволеньем,
Хотя врагами вызванное зло,
С блаженством несовместное, назад
Отброшенное, как морской прибой
От берегов, обрушилось на тех,
Кто, взбунтовавшись, породил его.
Адам сомненья вскоре подавил;
Услышанное разожгло в душе
Желание, безгрешное пока,
Обширней о предметах разузнать,
К нему ближайших: как сотворены
Земля и небо — зримый этот мир?

Когда возникли? из чего? зачем?
И что в Эдеме или вне его
Свершалось до того, как сам себя
Адам сознал? Так, жажду утолив,
Мы взором провожаем бег струи,
Журчащей влажно, и опять хотим
Испить воды; подобно Пращур наш
К Посланцу Неба обратился вновь:
"— Неслыханные тайны ты открыл
Великие; поведал о вещах,
Доселе неизвестных на Земле,
Небесный вестник, Господом благим
Ниспосланный, дабы предупредить
О гибели, могущей нас постичь
Но нашему незнанию, о беде,
Которую умам людским невмочь
Предвидеть. Мы обязаны вовек
Безмерной благодарностью Добру
Безмерному; завет Его приняв,
Торжественной присягой подтвердим
Решенье наше: верно пребывать
В Его верховной воле; в этом цель
И смысл мы полагаем бытия.
О том, что превышает разум наш,
Но, в силу усмотренья Высочайшей
Премудрости, на пользу нам пойдёт,
Ты в назидание благоволил
Поведать. Удостои же снизойти,
Иное разъяснив, что может быть
Не менее полезным: как возник
Столь отдалённый, зримый небосвод,
Подвижными огнями без числа
Украшенный? Как воздух сотворён
Податливый, широко разлитой,
Что, наполняя из конца в конец
Пространство, обтекает весь простор
Земли цветущей? Почему Господь
В Своём святом покое восхотел
Так поздно к созиданью приступить
Средь Хаоса первичного? Когда
Творенье начал? Скоро ль завершил?
Ответствуй мне, затем что вопрошаю
Не для того, чтоб тайны разгадать
Извечного владычества Творца,
Но чтоб творенью возгласить хвалу
Тем большую, чем больше я о нем
Узнаю из рассказа твоего!
Остался долгий путь светилу дня
Великому, хотя и на закат
Оно склоняется, но сдержит бег,
Твой голос, мощный голос услышав,
Дабы узнать о собственном начале,

О том, как вся Природа родилась
Из тьмы безвидной. Если же Звезда
Вечерняя с Луною заодно
Пожалуют, в беседе пожелав
Участие принять, — Ночь приведёт
Молчание, а Сон, рассказу внемля,
Пребудет бодрственным, иначе мы
Его сюда не впустим до поры,
Когда, твою прослушав песнь, тебя
Проводим на рассвете, пред зарёй!"
Высокого он гостя так молил,
И боголикий Ангел дал ответ:
"— Исполню я смиренную твою
Вторую просьбу. Но какой язык,
Какие Серафимские слова
Способны Всемогущего труды
Достойно выразить и описать?
Людское сердце может ли вместить
Понятие о них? Но все, что ты
Усвоить в состоянье, что Творца
Умножит славу, твоему служа
Благополучью, скрытым не должно
От слуха твоего остаться. Мне
Дано веленье свыше: в меру сил
Твоих в границах неких утолить
Пытливость; но границ не преступай
И от последующих воздержись
Вопросов; не мечтай своим умом
О сокровенных таинствах узнать,
Которые невидимый наш Царь
Всеведущий навечно схоронил
Во мраке непроглядном, никого
На Небе и Земле не допустив
К познанию этих таинств. Все же Бог
Дозволил предостаточно вещей
Тебе исследовать и разуместь.
Но знание — словно пища, и нельзя
Вкушать его чрезмерно, ибо ум
Избытка не приемлет; вредный груз,
Отягощая душу, обратит
В безумье мудрость, как зловонным ветром
Излишняя становится еда.
Узнай! Когда был свергнут Люцифер
(Так называй того, кто в Небесах
Средь Ангелов блистательней сиял,
Чем она звезда среди прочих звёзд),
Когда объятый пламенами, он
Со всеми легионами летел
Сквозь бездну, прямо в Ад, — Великий Сын
Вернулся во главе Своих святых
С победой. Всемогущий Бог-Отец
Предвечный, озирая с высоты

Престола эти сонмы, произнёс,
К возлюбленному Сыну обратясь:
"— Завистник обманулся, возмечтав,
Что примут все участие в мятеже,
Им поднятом; что при подмоге войск
Несметных он твердыней завладеть
Возможет неприступной, Божества
Верховного жилищем. Он прельстил
Изменой многих; им на Небе нет
Отныне места. Но как вижу — верных
Осталось много больше; Эмпирей
В недостатке населён, и есть кому
Небесными краями управлять
Обширными, стекаться в этот храм
Священный для служений и торжеств,
Обряды достодолжные блюдя.
Но чтобы Враг не утешался злом
Содеянным, безумно возгордись,
Что Небо разорил он и ущерб
Мне якобы нанёс, Я рассудил
Урон восполнить, если можно счесть
Уроном уронившее себя
По воле собственной. Я мир другой
Мгновенно сотворю; от Человека
Неисчислимый род произведу,
Назначу там до срока обитать,
Пока, возвысясь, множеством заслуг
И послушаньем долгим искушён,
Не внидет в Эмпирей, дабы навек
Там обретаться. В Землю Небеса
Преобразятся, в Небеса — Земля,
Единым царством нерушимым став
Блаженства и согласия без конца.
Вы, Ангельское Воинство! Пока
Живите вольно, — вам заданья нет;
А ты, Мой Сын возлюбленный и Слово
Моё, Ты мирозданье сотворишь!
Речешь, и да свершится! Я Тебе
Даю Моё могущество и Дух
Всеосеняющий. Иди, вели,
Чтоб стала бездна небом и землёй,
В начертанных Тобою рубежах.
Безбрежна бездна, и в пространстве нет
Ни меры, ни границ, ни пустоты.
Я — Суший; бесконечность Мной полна;
Всесильна власть Моя, но Сам в Себя
Я волен возвращаться; благодать
Не всюду простираю, в творю
Иль не творю — свободно, как хочу.
Случайность и равно — необходимость
Ко Мне не приближаются; судьба
В Моей лишь воле вся заключена!"

Всемощный рек, и Слово, Божество
Сыновнее, веление Отца
Осуществило, времени быстрей,
Быстрей движенья. Слово Божье вмиг
Делами обращается. Нельзя
Сие поведать языком людским,
Не растянув рассказа, чтоб возмог
Его усвоить смертный Человек;
С великой радостью и торжеством
На Небесах услышана была
Господня воля. "— Слава, — пели мы,-
Всевышнему! Вовек благословен
Грядущий род людской! Да обретёт
Его обитель мир! Хвала Тому,
Чей правый гнев изменников изгнал
От Лица Своего и от жилищ
Святых и верных! Слава и хвала
Тому, Кто зло преобразил в добро
Премудростью Своей, Кто лучший род
Решил создать на смену Духам зла,
Дабы Господня благость разлилась
Во всех мирах и на века веков!"
Так пели Иерархии. Меж тем
Явился Сын, готовый совершить
Великий подвиг; препоясан был
Он всемогуществом; Его венчал
Величия божественного блеск.
Премудрость, беспредельная любовь,-
Весь Бог-Отец был в Сыне воплощён.
Близ колесницы реяли рои
Несметных Серафимов, Херувимов,
Властей и Сил, Престолов и Господств,
Крылатых Духов сонмы, без числа,
Бессчётный строй крылатых колесниц
Из Божьей оружейной, где они
Исконно мириадами стоят,
При полной сбруе, меж двух медных гор,
Всегда готовы к бегу в дни торжеств.
Они самостоятельно теперь
Вперёд катились; ими изнутри
Животворящий двигал Дух, стремясь
Последовать за Господом своим.
Вот Небо распахнуло широко
С певучим звуком вечные Врата,
На золотых вращая верях,
Чтоб Славы Царь, во всемогущем. Слове
Своём и Духе, — властно приступил
К созданию вновь являемых миров.
Весь клир остановился на краю
Небесной тверди. Бездна их очам
Открылась безграничная; была
Она мрачна, пустынна, и дика,

И необъятна, словно океан
Бушующий. Хребты огромных волн
Пучина, изрыгнув из тёмных недр,
Вздымала к Эмпирейским берегам
И полюс перемешивала с центром.
Всеизждущее Слово изрекло:
"— Уймитесь, волны бурные! Смирись
И ты, пучина! Кончен ваш раздор!"
Сияя славой Отчей, Божий Сын
На Херувимских крыльях полетел
В глубь Хаоса, к несозданным мирам;
И Хаос внял Ему. Небесный клир
Сверкающий понёсся вслед за Ним,
Дабы миротворение узреть
И чудеса могущества Творца.
Вот, прекратив пылающих колёс
Вращенье, взял Он циркуль золотой,-
Изделие Господних мастерских,-
Чтоб рубежи Вселенной очертить
И прочих созидаемых вещей;
И, в центре острие установив,
Другим концом обвёл в кромешной тьме
Безбрежной бездны — круг, и повелел:
"— До сей черты отныне, мир, прострись!
Твоя окружность и граница — здесь!"
Так землю Бог и небо сотворил
Безвидными, пустыми; тьма была
Над бездною, но Божий Дух простёр
Жизнеподательно свои крыла
Над влагой тихой, и в пучину влил
Живительную силу и тепло,
И в хляби жидкой осадил на дно
Частицы чёрных, тартарных веществ,
Холодных и враждебных бытию.
Потом, распределив и сочетав
Подобное с подобным, воздух вдул
В просветы, в промежутки, и Земля,
Подвешенная к центру своему,
Сама уравнивала себя.
«— Да будет свет!» — Господь сказал, и свет
Эфирный, первородный воссиял
Из бездны, квинтэссенцией чистейшей;
С Востока изначального, сквозь мрак
Воздушный, проплывал он, округлясь
Лучистой тучей, и на должный срок
В густом укрылся облачном шатре,
Поскольку солнца не было ещё.
И увидал Господь, что свет хорош,
И полусферой отделил его
От темноты, и Днём его нарёк,
А имя Ночи придал темноте.
И вечер был, и утро — Первый День.

Не обошёлся он без торжества
И песнопений: Эмпирейский хор,
Восточный свет узрев, когда впервые
Во мраке он рождался, восхвалил
День сотворенья неба и земли,
Ликующим восторгом огласив
Простор безмерный сферы мировой.
Все Ангелы, на арфах золотых
Играя, воспевали Божество,
Творенье прославляя и Творца:
Был вечер, было утро — Первый День.
И Бог сказал: "— Да будет твердь меж вод
И да разделит их!" — и создал твердь;
Её первичный воздух составлял
Прозрачный, чистый, влажный элемент,
Простёршийся до крайних рубежей
Вселенской сферы: прочный, верный свод,
Меж горних вод и нижних. Ведь Господь
Вселенную и Землю водрузил
На тихих водах, что едва текут,
Хрустальный образуя океан.
Гремящий, бурный Хаос далеко
Отвёл Создатель, чтоб не погубить
Соседством грубым новозданный мир.
И Всемогущий Небом твердь нарёк,
И увидал, что это хорошо.
Опять воспели Ангелы хвалу,
И вечер был, и утро — День Второй.
Уже Земля сложенье обрела,
Но, как в утробе незрелый плод,
Была укрыта лоном вод; не зря
Округлую поверхность омывал
Безбрежный океан и, шар Земли
Смягчая, тёплой влагою поил
Питательной, в брожение приводя
Всеобщую родительницу — мать,
Чтоб, соки животворные вобрав,
Насытившись, она зачать могла.
И Бог сказал: "— Да соберутся купно
Все воды поднебесные, и пусть
Возникнет суша!" В тот же миг из волн
Пучины океанской вознеслись
Громады гор. Их голые хребты
Обширные коснулись облаков,
А гребни островерхие — Небес;
И сколь высоко поднялись кряжи,
Столь низко опустились вширь и вглубь
Расселины и впадины, открыв
Уемистые русла, и туда
Рванулись воды, весело бурля,
С гористой суши скатывались вниз,
Круглясь шарами, как в сухой Пыли

Круглятся капли; некие из них
От быстроты хрустальною стеной
Вздываются; другие же — летят,
Образовав ряды прямых столпов.
Стремительность такую придал им
Глагол Господень. Как на звук трубы
Спешат войска под сень своих знамён
(Уже ты прежде слышал о войсках),
Так водная стихия, разогнав
За валом вал и за волной волну,
С обрывов низвергается крутых
Стремнинами и на равнинах плоских
Спокойно разливается. Ничто
Её сдержать не в силах: ни холмы,
Ни скалы; и прокладывает путь
Она везде — и над и под землёй,
Змеиными извивами юлит
И ложа промывает для себя
В размокшем иле, что её напору
Покорно уступал, пока Творец
Не повелел, дабы он сушей стал,
Помимо русел, где до сей поры
Струятся рек текучие стези.
И сушу Бог Землёй назвал тогда,
А Морем — наибольший водоём;
Увидел Бог, что это хорошо
И молвил: "— Да Земля произрастит
Зеленую траву и всякий злак,
Дающий семена, и древесна,
Обильно приносящие плоды,
По роду своему и семенам,
В Земле прозябнувшим!" И стало так.
Доселе неприглядная Земля,
Нагая и пустынная, — травой
Оделась нежной, вся зазеленев
Приятно; разнovidную листву
Растенья развернули, зацвели,
Пестрея красками и аромат
Лия душистый, тешили Земли
Рождающее лоно. Виноград
Покрылся гроздами; среди плетей
Ползучих вздулась тыква; поднялись
Дружиною колосья на полях;
Сплелись ветвями низкие кусты
Курчавые; и статные стволы
Деревьев, словно в пляске, наконец,
Восстали, простирая ветви крон,
Сплошь в завязях обильных и плодах.
Холмы венчая, поднялись леса
Высокие, и осенили дол
Густые купы рощ, а берега
Потоков окаймились молодым

Кустарником. Подобной Небесам
Земля отныне стала, для богов
Обителью достойной, где всегда
Бессмертным бы хотелось пребывать
Иль посещать её святой приют
С любовью и отрадой. Хоть Земле
Господь ещё не посылал дождя,
И Человека — пахаря ещё
Не создал Бог, но от сырых низин
Туманы воспарились, увлажнив
Росою грунт и созданное ныне
Произрастанье каждое, пока
Оно таилось в почве, каждый лист,
Едва развившийся на черенке.
Увидел Бог, что это хорошо,
И вечер был, и утро — Третий День.
И Бог сказал: "— На небесах да будут
Светила, чтобы день отъединить
От ночи, времена знаменовать,
Года и дни! Лампадами они
Да будут, освещают шар земной
С небесной тверди, следуя Моим
Определениям!" И стало так.
Великих два светила создал Бог,
Великих, по их пользе Человеку;
Владычит большее светило днём,
А ночью меньшее, попеременно.
Он создал звезды, в небе укрепил,
Велев светить и править чередой
Ночей и дней, деля от мрака свет.
И на Своё творенье Бог взглянул
И увидал, что это хорошо.
Он Солнце первым из небесных тел,
Огромный шар и тёмный, до поры,
Из вещества эфирного свершил;
Потом — шарообразную Луну
И звезды всевозможных величин,
Усеяв, словно пашню, небосвод;
И свет извлёк из кущи облаков
И поместил значительную часть
На солнечный, дотоле тёмный шар
И пористый, дабы он мог всосать
Струистый свет и пропитаться им;
А задержанью солнечных лучей
Споспешествует плотность вещества
Достаточная. Этот шар — чертог
Великий блеска; из него теперь
Светила черпают потребный свет
Сосудами златыми; здесь рога
Планета утренняя золотит;
Здесь россыпи неисчислимых звёзд
Заимствуют окраску, отразив

Сверканье Солнца, множа малый блеск
Природный свой, но кажутся глазам
Людским — преуменьшенными, затем
Что от Земли безмерно далеки.
Впервые на Востоке вознеслась
Лампада дивная — Владыка дня;
Сияньем лучезарным окоем
Широко озарив, пустилась в путь,
Ликуя, по назначенной тропе
Небесной, а Плеяды и Заря
Кружились в хороводе и, вождю
Предшествуя, приятное вокруг
Неяркое мерцанье изливали;
А менее блестящая Луна
На Западе помещена была,
Точь-в-точь напротив Солнца, и оно,
Как в зеркало, в её округлый лик
Глядится и дарует свет Луне,
Так расположенной, что ей другой
Не нужен свет. До вечера хранит
Она все ту же дальность; на оси
Небесной обернувшись, в свой черёд,
Восходит на Востоке, воцарясь
В ночи, а с нею тысячи светил
Не меньших, мириады мириад
Блестящих звёзд, ночную полусферу
Осыпавших, подобно огонькам.
Так небо в первый раз разубралось
Лампадами, которым восходить
И заходить поведено Творцом.
И вечер был, и утро — День Четвёртый.
И снова Бог сказал: "— Пучина вод
Да пресмыкающихся породит,
Обильных семенем живые души!
Да воспарят над сушей, в небесах
На крыльях птицы!" И творящий Бог
Китов огромных создал и извёл
Из хлябей влажных всяческую тварь
Ползучую по их родам; и птиц
Пернатых, всяческих, по роду их
Бесчисленно Он создал, и, узрев,
Что это хорошо, благословил
Творение Своё и молвил так:
"— Плодитесь, множьтесь, воды наполняйте
В морях, озёрах, реках и ручьях!
Вы, птицы, размножайтесь на земле!"
В морях и океанах в тот же миг,
В проливах, бухтах, заводях — мальки
Несметно закишели; стаи рыб
Возникли в толще изумрудных волн,
Скользнули, плавниками шевеля,
Сверкая чешуёй; в иных местах

Толпятся, отмели образовав
Средь моря; в одиночку, а порой
Объединись, пасутся, ищут корм
Средь водорослей, и, шныряя там,
Теряются в коралловых лесках,
Играют, и одеждой водяной
Чешуйчатой, в накрапе золотом,
Молниевидно блещут на свету.
Другие же — спокойно пищи ждут,
В перловых раковинах затаясь,
А третьи — под утёсами, броней
Покрытые, подстерегают жертв.
Тюлени и горбатые дельфины
Резвятся на поверхности морей;
Иные великаны иногда
Настолько неуклюже-тяжелы,
Что их тела, ворочаясь в воде,
Вздывают белопенную волну;
А величайшее из всех существ, -
Левиафан, подобно цепи гор,
Лежит на глубине, на самом дне,
Объятый сном; когда же он плывёт -
Подвижной сушей кажется; дыша,
Вбирает море жабрами и вновь
Выталкивает хоботом. Меж тем
В пещерах тёплых и на берегах,
В болотах неисчетный птичий род
Проклёвывается из тех яиц,
Что трескаются в надлежащий срок,
Достаточно согретье; из них
Беспёрые выводятся птенцы,
Но вскоре оперяются, крыла
К полёту ширят и, взмывая ввысь,
Презрительно глядят сквозь облака
На прах земной. Здесь аист и орёл
На скалах и на кедрах гнёзда выют;
Иные птицы в воздухе парят
В привольном одиночестве; другие,
Смышлёные, общинами сойдясь
И строясь в правильные косяки,
Совместно пролагают путь себе
И, зная годовые времена,
Воздушным караваном над землёй
И морем пролетают, облегчив
Себе дорогу дружным взмахом крыл.
Так ежегодно странствует журавль
Разумный, вместе с ветром уносясь,
И воздух расступается пред ним,
Волнуемый бесчисленным пером.
Не покладая крыльев, хор пичуг
Порхает меж ветвей и веселит
Леса до сумерек, а соловей

Торжественный свою заводит песнь
Сладчайшую, всю ночь не умолкая.
Иные — моют пуховую грудь
В серебряных озёрах и прудах.
Так, шею горделиво изогнув
Меж белых крыл, что, словно царский плащ,
Окутывают стан, легко скользит
Державный лебедь, чуть колыша гладь,
И лапами, как вёслами, гребёт;
Но зачастую влажную стихию
Он покидает, взвившись в вышину
На мощных крыльях, — в средние слои
Воздушные. Надёжно по земле
Ступают прочие: таков петух
Гребнистый, оглашающий часы
Молчанья трубным звуком; такова
Другая птица с радужным хвостом,
Усеянным созвездьями очей.
Вот рыбами стихия вод полна,
А воздух — птицами. И вечер был,
И утро, и прославили Творца
И все Его деянья; Пятый День.
И День Шестой творенья наступил,
Последний, при вечернем звоне арф
И утреннем. И повелел Господь:
"— Живые души да произведёт
Земля: скотов, и гадов, и зверей
Земных, по роду их!" И стало так.
Земля повиновалась, лоно вмиг
Плодущее раскрыв, произвела
Живых несметных тварей — развитых
И совершённых видом; их тела
И члены были сложены вполне.
Из недр подземных, словно из берлог,
Явился дикий зверь лесных трущоб,
Жилец дубрав дремучих и пещер;
Попарно звери встали меж дерев
И разминулись по местам своим.
По луговинам, пожням и полям
Шагал неспешно травоядный скот
Особняком и малыми гуртами;
Другие же, объединясь в стада
Обширные, на пастбищах брели,
Поскольку скопом их, в большом числе,
Земля производила. Из бугра
Рождающего выпростался лев
До половины; лапами скребя,
Он туловища остальную часть
Освободил при помощи когтей
И, вырвавшись, как будто из оков,
Косматой, рыжей гривой стал трясти.
Кротам подобно, ирбис, леопард

И тигр, буграми почву разбросав,
Карабкаются из глубоких нор;
Из-под земли ветвистые рога
Олень проворный кажет; бегемот,
Крупнейшая из тварей земнородных,
Из вязкой формы глиняной с трудом
Освобождает непомерный груз
Своих телес огромных; как ростки,
Над почвой овцы с бляеньем взошли
Курчаворунные; гиппопотам
И крокодил чешуйчатый возникли,
Колелясь между сушей и водой.
Единовременно черёд настал
Для пресмыкающихся, для червей
И насекомых; крылья-веера
Прозрачные и гибкие раскрыв,
Красуясь летней роскошью одежд,
В накрапе изумрудном, золотом,
Лазурном и пурпуровом, что сплошь
Их маленькие тельца испестрил,
Они в полет готовы; длинный след
Извилистый проводят по земле
Иные длинным туловом своим.
Не все они к мельчайшим существам
Относятся, и многие из них -
Из рода змей — разительной длины
И толщины, ползут, свиваясь в кольца,
И обладают крыльями. Сперва
Явился бережливый муравей
Заботливый; хоть мал его объём,
Но сердце в муравье заключено
Великое. Он множество племён
В единую семью совокупил
И равенства правдивого пример
Со временем, быть может, вам подаст.
За ним явился рой прилежных пчёл,
Что скармливают сладкую еду
Супругу-тунеядцу и хранят
В ячейках восковых душистый мёд.
Несметны твари прочие, тебе
Знакомые; ты имена им дал
И повторять их вовсе нет нужды.
Тебе небызвестен также Змий,
Лукавейший из тварей полевых,
Порою медноглазый, с гривой страшной,
Огромный, но покорный: он вреда
Не может никакого причинить.
Сияли в полной славе небеса,
Катясь по неизменному пути,
Как Перводвижитель предначертал,
Вращение придав Своею дланью.
Уже благоустроенный вполне,

Любовно улыбался шар земной,
В убранстве пышном. В воздухе, в воде
И на земле — насельников не счесть
Летающих, плывущих и ходящих,
Животных, птиц и рыб. Но День Шестой
Не завершён, и не было ещё
Создания наилучшего, венца
Творения, отличного от всех,
Поникших долу, низменных скотов,
Но одарённого хребтом прямым,
Походкой стройной, поднятым челом
И разумом священным; существа,
Осознавать способного себя,
Другими тварями повелевать,
И, дух в себе великий ощутив,
Общаться с Небом, и благодарить
За все Его даренья, и к Нему
Молитвенно и голос, и глаза,
И сердце устремлять, боготворя
Всевышнего, и возносить хвалу
Творцу за то, что эту создал тварь
Владыкой прочих тварей. И Отец
Предвечный, Всемогущий (где же нет
Его присутствия?) проговорил
Такое слово Сыну Своему:
"— По нашему подобию Человек
И образу да будет сотворён!
Да будет властелином рыб морских,
Небесных птиц, и полевых зверей,
И пресмыкающихся по Земле!"
Изрёк и сотворил тебя, Адам,
О Человек! О прах земной! И вдул
Дыханье жизни в ноздри. Создан ты
Воистину по образу Творца,
Его подобьем подлинным, и стал
Живой душой. Ты сотворён как муж,
А Ева — как жена сотворена,
Дабы расплеменился род людской.
И человечество благословил,
Создатель всемогущий и сказал:
"— Плодитесь, множьтесь, наполняйте Землю,
Владейте ею! Вам даны во власть
Морские рыбы все, и птицы все
Небесные, и вся живая тварь
Земная! С места, где ты создан был,
В то время — безымянного, Господь
Тебя, — ты это знаешь, — перенёс
В прекраснейшую рощу, в дивный сад,
Где услаждают зрение и вкус
Деревья Божьи; пищею тебе
Назначены их смачные плоды.
Землёй рождаемые, здесь растут

Все разновидности, им нет числа,
Но Древа, плод которого даёт
Познание Добра и Зла, не смей
Касаться, ибо вкусишь и умрёшь;
Такая кара определена
За это. Берегись и обуздай
Свои желанья, да не завладеет
Тобою Грех и Чёрный спутник — Смерть,
Сопровождающий повсюду Грех!
Господь, миротворенье завершив,
Окинул взглядом созданное Им
И увидал, что это хорошо.
И вечер был, и утро — День Шестой.
Работая не покладая рук
И после окончания трудов
Неистомленный, удалился Бог
На Небеса Небес, в Свою обитель
Высокую, желая с вышины
Престола новозданный мир узреть,
Расширивший владенья Божества,
И оценить, сколь верно воплощён
В его достоинстве и красоте
Величественный замысел Творца.
Вознёсся Он средь кликов торжества
И благозвучья Ангельского арф
Тысячезвонных (ты их слышал сам
И помнить); песне вторил небосвод
И все созвездья, и, остановясь,
Планеты ей внимали, затаив
Дыхание, пока блестящий клир,
Ликуя, подымался в Эмпирей.
"— Отверзьтесь, вековечные врата! -
Гремела песнь. — Отверзьте, Небеса,
Свои живые створы, да грядёт
И внидет в них Создатель, увенчав,
Со славой, шестидневные труды
Миротворенья! О, врата! Отныне
Вы часто отверзайтесь, ибо Он
Благоволит нередко посещать
Жилища праведников, слать гонцов
Крылатых, приносящих людям весть
О Вышней милости". Так, воспарив,
Блестящий пел синклит. Свой путь прямой,
Сквозь Небеса, открывшие портал
Блистающий, направил Божий Сын
К святому обиталищу Отца,-
Пространную, широкую стезю,
Усыпанную прахом золотым
И звёздами мощённую; точь-в-точь
Таким ты видишь ночью Млечный Путь,
Подобный опояске круговой,
Усеянной обильной пылью звёзд.

Вот на Земле, в Эдеме, в должный срок
Седьмой, священный, вечер наступил
И Солнце закатилось; полумрак
Дохнул с Востока, предвещая ночь,
Когда на вышину Святой Горы,
Где Божества незыблемый Престол
Державный, утверждённый на века,
Воздвигнут нерушимо, вознеслось
Могущество Сыновнее, воссев
С Отцом Великим рядом, ибо Он,
Не покидая Трона (таковы
Явленья вездесущности Творца),
Миротворением повелевал,
Невидимо присутствуя при нем,
Как всех вещей Начало и Конец.
Опочивая от Своих трудов,
Он День Седьмой теперь благословил
И освятил, — отдохновенья День
От всех Господних дел; но проведён
Сей день отнюдь не в тишине святой;
Не почивала арфа, и тимпан,
И флейта праздничная ни на миг
Не умолкали. В сладкозвучный лад
Сливался инструментов нежный звон
Золотострунный, вызванный перстами,
С многоголосым пеньем хоровым
И гимнами отдельных голосов.
От золотых кадила фимиам,
Струясь, обитель Божью укрывал
Клубами облаков. Небесный клир
Творение и шестидневный труд
Создателя, в восторге, так воспел:
"— Прославлен, Иегова, ты в делах
Твоих, во всемогуществе Твоём!
Чья мысль Тебя вместит? Какая речь
Способна о Тебе повествовать!
Ты, возвратившись, более велик
Теперь, чем в день победы над ордой
Гигантских Ангелов; Ты был тогда
Прославлен молниями, но творить
Почётнее, чем созданное рушить.
Кто в силах покуситься, мощный Царь,
На власть Твою? Кто в силах завладеть
Державою вселенской? Ты легко
Надменные надежды ниспроверг
Врагов и нечестивый их совет,
Когда они мечтали умалить
Величье Божества, несметный сонм
Поклонников отторгнув от Него.
Кто алчет унижения Творца,
Тот, вопреки хотенью своему,
Лишь вящему послужит проявленью

Могущества Всевышнего. Ты зло
Во благо обращаешь, и о том
Свидетельствует новозданный мир,
Второе Небо, что невдалеке
От Врат Небесных, на глазах у нас,
Ты сотворил, воздвиг и основал
На чистом гиалине — на хрустальном
Прозрачном океане. Создал Ты
Простор, почти безмерный, полный звезд,-
Миров, которые когда-нибудь
Возможно, ты захочешь населить,
Но лишь Тебе известны времена
Твои. Среди бесчисленных миров
Людское обиталище — Земля -
Находится, и нижний океан
Приют людей прекрасный омывает.
Трикраты осчастливлен Человек
И все его сыны, которых Бог
По Своему подобию сотворил
И образу, и высоко вознёс,
Жильём назначил Землю им; от них
Лишь почитанья требуя, владеть
Дозволил всеми тварями воды,
Земли и воздуха и множить род
Святых и праведных Господних слуг.
Блаженны люди трижды, осознав
Своё блаженство, в правде утвердись!"
Так, восклицая «Аллилуйя!», пел
В Небесной выси Эмпирейский хор.
Так был отпразднован Субботний День.
Я жажду знанья утолил твою,
Подробно рассказал, как ты желал,
О сотворенье мира, о начале
Вещей, о том, что было до тебя,
До памяти твоей, дабы ты мог
Потомству эту повесть передать.
Но ежели о чем-нибудь ещё,
В пределах, разрешаемых уму
Людскому, хочешь ведать — вопрошай!"

КНИГА ВОСЬМАЯ

Адам вопрошает о движениях тел небесных и получает неопределённый ответ наряду с советом заниматься: предметами, более доступными человеческому познанию. Адам соглашается с этим и, стремясь подолее удержать Рафаила, рассказывает ему все, что помнит от мига собственного сотворения, о своём перенесении в Рай, беседе с Богом, одиночестве, встрече с Евой и союзе с нею. Рассуждения Адама о данном предмете с Ангелом, который вновь остерегает его и удаляется.

Умолкнул Ангел, но волшебный звук
Его речей как бы не затихал
В ушах Адама; недвижимо он
Внимал ему и, словно ото сна
Очнувшись, благодарно произнёс:
"— Какой признательностью возмещу,
Чем отплачу, небесный летописец,
За то, что знанья жажду утолил
Ты щедро; удостоив снизойти,
Как некий друг поведал о вещах,
Которых мне иначе не постичь.
С восторгом, с изумлением словам
Твоим внимая, должную хвалу
Воздал я Высочайшему Творцу,
Но кое-что неясно для меня;
Лишь ты сомненья в силах разрешить.
Когда гляжу я на прекрасный храм
Вселенной, созерцаю небосвод
И Землю, их размер соотношу,
Мне точкой представляется Земля,
Песчинкой, атомом, в сравненье с твердью,
С исчисленными звёздами; они,
Сдаётся, пробегают по кругам
Безмерные пространства (я сужу
Об этом, исходя из быстроты
Вращенья ежесуточного звёзд
И дальности от нас) лишь для того,
Чтоб днём и ночью слать на Землю свет
И тёмную пылинку озарять,
А в остальном рой небесных тел
Огромных — бесполезны. Я дивлюсь:
Как мудро-бережливая могла
Природа беспричинно допустить
Такую расточительность, создав
Столь много благороднейших светил,
Преследуя единственную цель,
И по орбитам разным предписать
Им вечное движенье, день за днём
Возобновляемое, а Земля
Недвижная, которая легко
Вращалась бы по круговой стезе,
Гораздо меньшей, вправе без труда
Теплом и светом пользоваться, данью,
Летающей к ней из глубины пространств
Безмерных, с несказанной быстротой,
Не выразимой никаким числом!"
Так молвил Пращур наш; его черты
Раздумчивость являли о вещах
Высоких, странных. Ева, в стороне
От них сидевшая, приметив это,
Величественно-скромно поднялась
И отошла с изяществом таким,

Что каждый бы невольно пожелал
Её присутствия. Она к цветам,
К деревьям плодоносным отошла,
Дабы взглянуть, как завязи плодов
И почки развиваются; росли
Они живее под её рукой
И распускались ярче и пышней,
Когда Праматерь приближалась к ним.
Нет, Ева удалилась не затем,
Что скучен ей, иль вовсе чужд предмет
Беседы, или слишком затруднён
Для разуменья женского. О нет!
Блаженство это Ева берегла
До времени, когда наедине
Ей обо всем поведаёт супруг.
Архангелу она предпочитала
Рассказчиком — Адама, чтоб ему
Подробные вопросы задавать,
Предчувствуя, что разговор не раз
Он отступленьем ласковым прервёт
И в нежностях супружеских решит
Сомненья важные; его уста
Отнюдь не красноречием одним
Пленяли Еву. Где найдёшь теперь
Чету подобную, такой союз
Взаимоуваженья и любви!
Богopodobная, она в саду
Ступала; как царицу, провожал
Её повсюду праздничный кортеж
Прелестных граций, мечущих окрест
Желанья стрелы, в каждом пробудив
Потребность видеть Еву непрестанно.
Адамовым сомненьям Рафаил
По-дружески терпимо отвечал:
"— Твою пытливость я не осужу.
Как письмена Господни — пред тобой
Открыто небо, чтобы ты читал,
Дивясь деяньям Божьим; времена
Учился годовые различать,
Часы и годы, месяцы и дни.
Для этого познания все равно:
Земля вращается иль небосвод,-
Счисленья были бы твои верны.
Великий Зодчий остальное скрыл
От Ангелов и от людей навек
И не поверил тайны никому,
Да не допытываются о ней
Создания, которым подобает
Лишь восхищаться детищем Творца.
Все мирозданье предоставил Оц
Любителям догадок, может быть,
Над ними Посмеяться возжелав,

Над жалким суемудрием мужей
Учёных, над бесплодною тщетой
Их мнений будущих, когда они
Исчислят звезды, создавать начнут
Модели умозрительных небес
И множество придумывать систем,
Одну другой сменяя, им стремясь
Правдоподобность мнимую придать,
Согласовав с движением светил;
Сплетеньем концентрических кругов
И эксцентрических — расчертят сферу
И, циклов, эпициклов навертев,
Орбиты уместят внутри орбит.
Предсказываю это, исходя
Из твоего сужденья; род людской
Им будет руководствоваться впредь.
Уверен ты, что светлые тела
Значительные не должны служить
Планетам незначительным и свет
Не излучающим; что небеса
Свершают зря свой повседневный бег,
Земле же неподвижной перевес
Во всем достался. Рассуди сперва:
Ведь сами по себе размер и блеск
Ещё не составляют Превосходства.
Хотя, в сравненье с небом, и темна,
Мала Земля, но может содержать
Гораздо больше важных совершенств,
Чем Солнце, что сияло бы вотще,
Когда бы свет, не надобный ему
И бесполезный, не струился вниз
И Землю тучную не озарял;
Лишь прикасаясь к ней, бесплодный луч
Приобретает силу; и вдобавок
Светила эти служат не Земле,
Но Человеку — жителю её.
Объём небес огромный да гласит
О славе Господа, что созидал
Пространно так, чья протянулась вервь
Столь далеко, чтоб Человек не счёл
Все Мироздание своим жилищем,
И — обитатель крохотной частицы
Вселенной уловил бы, что собой
Просторов не заполнит мировых,
Чьё назначенье знает лишь Господь.
Его всесилье — в быстроте познай
Кругов несметных этих; веществу
Он скорость молнииную сообщил,
Почти духовную. Не мыслишь ты,
Что не проворен я, с утра успев
От Божьего Чертога прилететь
В Эдем ещё до полдня, пересёк

Пространство, для которого нельзя
Обозначений численных найти.
Я так сужу, вращенье допустив
Небес, дабы ничтожность уяснить
Причин, что наклоняют разум твой
К сомненьям; но не стану утверждать
Действительность— вращенья самого,
Хоть явью кажется оно тебе -
Земному наблюдателю. Творец
От человека скрыл Свои пути
И небо от Земли Он отдалил,
Дабы самонадеянность людей
В предметах высочайших, для ума
Людского недоступных, потерялась
И не выгадывала б ничего.
Что, если Солнце в центре мировом
Находится, а сонмы прочих звёзд,
Двум силам притяженья подчиняясь,-
От Солнца исходящей и от них
Самих, — окрест него, за кругом круг
Описывают? Их неровный бег
Являют нам наглядно шесть планет;
То книзу движутся они, то вверх,
Скрываются, плывут вперёд, назад
И останавливаются порой.
Что, ежели седьмою в их ряду
Планетой состоит Земля? На вид
Недвижная, троякое она
Движенье, незаметно для себя,
Свершает? Или это припиши
Ты некоторым сферам, в небесах
Вращающимся противоположно,
Пересекая вкось пути свои;
Иль Солнце от его труда избавь
И это суточное колесо,
Надзвёздный и незримый ходкий ромб,
Возможно — движитель ночей и дней,
В его вращении останови.
Во всех догадках этих — нет нужды,
Коль движется Земля навстречу дню,
Катясь к Востоку, и вступает в ночь
Противоставшей Солнцу полусферой,
Когда другая — в озаренье дня.
Что, если сквозь прозрачный воздух льёт
Луне — Земля свой отражённый блеск
И светится дневной звездой там,
Как по ночам Луна сияет здесь,
Взаимно служаая? На Луне,
Возможно, есть материка, поля
И обитатели; на ней видны
Неправильные пятна, облакам
Подобные; из облаков дожди,

Быть может, падают, производя
В размягшей почве разные плоды
Кому-нибудь на пищу. Может быть,
Ты обнаружишь в глубине пространств
Иные солнца, в окруженье лун,
Мужские посылающих лучи
И женские; великие два пола
Одушевляют мировой простор,
И не исключено, что населяют
Создания живые все миры.
То, что в Природе столь большой объём
Безжизненен, пустынен, одинок
И у него другой задачи нет,
Как только от громадных этих сфер
Безлюдных искры света уделять
Далёкой, обитаемой Земле,
Которая обратно, в свой черёд,
Им посылает обрётённый свет, -
Подобная гипотеза весьма
Гадательна. Но так или не так,
Устроен мир; и Солнце ли царит
На небе, над Землёю восходя,
Восходит ли над Солнцем шар земной;
Вступает ли на пламенный свой путь
С Востока Солнце иль Земля неслышно
И медленно от Запада скользит
И, почивая на своей оси,
Тебя уносит плавно, заодно
Со всею атмосферой, — не томись
В разгадыванье сокровенных тайн,
Их Богу предоставь; Ему служи
Благоговейно; да изволит Он
Своими тварями располагать
По месту пребывания их. Вкушай
Блаженство, уделённое Творцом,
Эдемом наслаждайся и женой
Твоей прекрасной. Слишком далеки
Просторы неба, дабы ведал ты,
Что там свершается. Итак, пребудь
Смиренномудрым: думай о себе,
О бытии своём; оставь мечты
Несбыточные о других мирах,
О тех, кто там живёт, о их судьбе
И совершенстве. Удовлетворись
Дозволенным познанием о Земле
И даже о высоких Небесах,
Которое тебе сообщено!"
В сомненьях просветлись, Адам сказал:
"— Небесный чистый Разум, ясный Дух!
Ты в полной мере удовлетворил
Меня, освободил от смутных дум
И указал дорогу бытия

Легчайшую, мне преподав урок
Смиренья, научил не отравлять
Тревожным суемудрием — услад
Блаженной жизни, от которой Бог
Заботы и волненья удалил,
Им повелев не приближаться к нам,
Доколе сами их не привлечём
Мечтаньями пустыми и тщетой
Излишних знаний. Суетная мысль,
Неукрощённое воображенье
К заносчивости склонны, и тогда
Плутают в лабиринте, без конца,
Пока их некто не остережёт,
И опыт жизненный не вразумит,
Что мудрость вовсе не заключена
В глубоком понимании вещей
Туманных, отвлечённых и от нас
Далёких, но в познании того,
Что повседневно видим пред собой,
Все остальное — суета суёт,
Дым, сумасбродство дерзкое; от них
Невежество рождается, темнота,
Незрелость рассуждений о делах
Наиближайших, важных и туман
Блужданий безысходных. Низойдем
С высот, в скромнейший пустимся полет
И о предметах будем говорить
Подручных. Может статься, обращусь
К тебе с вопросами; на них ты дашь,
Коль не сочтёшь излишними, ответ
С терпением, — я надеюсь, — добротой
И снисхожденьем, свойственным тебе!
О том, что до меня произошло,
Поведал ты, и, в свой черёд, внемли
Рассказу моему; возможно, он
Тебе безвестен. День ещё велик.
Ты видишь, — я хитрю, чтоб задержать
Твоё отбытьё повестью моей,
Что надо было бы нелепым счесть,
Когда б рассказом я не полагал
Ответы вызвать снова. Близ тебя,
Сдаётся, — я на Небе, и слова
Твои мне слаще пальмовых плодов,
Когда мы жаждем, завершив труды,
И алчем; сладостны они на вкус,
Но приедаются. Твоя же речь
Божественной питает благодатью,
Не пресыщая душу никогда".
И с кротостью небесной Рафаил
Ответил: "— Сладкогласья и твои
Уста не лишены; красноречив
И твой язык, о Праотец людей!

Тебя Всевышний щедро одарил
Духовно и телесно, ибо ты
Прекрасное подобие Творца.
Безмолвствуешь ли ты иль говоришь,
Движенья и слова твои полны
Благопристойности и красоты.
На Небе — сослужителя земного
В тебе мы видим и в твою судьбу
Вникаем, ибо зрим, сколь Бог почтил
Тебя, на Человеке утвердив
Свою равновеликую любовь.
Итак, рассказывай. Я в День Шестой
Как раз отсутствовал; мне довелось
Квадратный, целокупный легион
Сопровождать в нелёгкий, мрачный путь
К вратам Геенны и (таков приказ)
Охранные установить посты,
Чтоб ни один лазутчик или враг
Не выручился, чтоб творящий Бог,
Помехой дерзновенной раздражён,
Творенье с разрушеньем не смешал,
Конечно, Божьей воле вопреки,
Они бы не решились на побег,
Но Бог послал нас как Владычный Царь
Самодержавный, приучая нас
Немедленно приказы выполнять.
Мы запертыми страшные врата
И крепко заграждёнными нашли,
Услышали, ещё издавека,
За ними шум — не хоровой распев,
Не развесёлый пляс, но вопли мук
И яростного бешенства рычанье.
С великой радостью вернулись мы
В Обитель Света, как приказ гласил,
До вечера Субботнего. Но жду
Твоих речей, дабы внимать с отрадой
Не меньшею, чем ты моим внимал!"
Богоподобной Силе Пращур наш
Ответил: "— Человеку мудрено
Поведать о начале бытия
Людского. Кто же помнит о своём
Возникновенье? Но желая длить
С тобой беседу, я рассказ начну.
Сперва, как бы очнувшись ото сна
Глубокого, простёртым на траве
И на цветах себя я осознал,
В душистой, бальзамической росе,
Что под влияньем солнечных лучей,
Впивающих летучий, влажный пар,
Просохла вскоре. Удивлённый взор
Возвёл я, созерцая небосвод
Обширный, а затем, как бы стремясь

К нему, наитьем внутренним влеком,
Встал на ноги и увидал вокруг
Холмы, долины, сень тенистых рощ,
Поляны солнечные и ручьёв
Рокочущих теченье; и везде
Живые твари двигались, брели,
Порхали; птицы пели средь ветвей.
Природа улыбалась. Благовоньем
И счастьем сердце наполнилось моё.
Потом себя исследовать я стал,
За членом — член; то я бежал, то шёл,
И гибкие повиновались мне
Все части тела. Кто же я таков,
Откуда взялся? — этого не знал.
Пытаюсь молвить — и заговорил;
Всему, что пред глазами, мой язык
Послушный нарекает имена.
"— Ты, Солнце! — я вскричал.-
Прекрасный свет!
Ты, ярко освещённая Земля,
Цветущая и радостная! Вы,
Холмы и доли, реки и леса!
Вы, дивные, живые существа,
Движеньем одарённые! Молю,
Скажите, если видеть довелось,
Как я возник и очутился здесь?
Не сам собою — значит, сотворён
Создателем великим, всемогущим
И благостным. Скажите — как Творца
Познать и благодарно восхвалить
Того, кто дал мне жизнь, движенья дар
И счастье, ощущаемое мной,
Безмерно большее, чем я могу
Уразуметь и выразить в словах!"
Взывая так, от места, где вдохнул
Впервые воздух, где впервые блеск
Пленительный в мои глаза проник,
Я уходил неведомо куда.
Ответа не было. В тени присел
Я на бугор дерновый, весь в цветах,
И призадумался, и сладкий сон
Сморил меня впервые. Нежный гнёт
Мои все чувства дремные сковал,
Их не тревожа. Мнилось, что опять
Я в состоянье прежнее вернусь,
В небытие, что обращаюсь в ничто.
Вдруг сонное Виденье подступило
Ко мне, остановившись в головах,
Своим присутствием едва внушив,
Что я ещё живу и существую.
И дивноликий Некто возгласил,
Приблизившись: "— Твоя обитель ждёт,

Адам, тебя. Встань, первый Человек,
Встань, Праотец бесчисленных людей!
Меня ты звал — Я здесь, дабы ввести
Тебя в жильё твоё, в блаженный сад!"
Сказал, и, за руку меня подняв,
Над водами и долами, стопой
Не прикасаясь к почве, заскользил
По воздуху, и наконец, возвёл
На верх горы лесистой, что была
Обширным плоскогорием округлым
Увенчана, со множеством деревьев
Роскошных, меж которыми вились
Тропинки и манили тенью кущи.
Все виденное мною до сих пор
Уже не столь прекрасным я почёл,
С чудесной этой местностью сравнив.
Деревья были все отягчены
Плодами дивными; они мой взор
Прельщали и желание вкусить
Внушали алчное. Но в этот миг
Проснулся я, увидев наяву
Мой воплощённый сон. Скитаться вновь
Я стал бы наугад, но меж стволов
Явился Тот, кто ввёл меня сюда:
Воистину явилось Божество!
В благоговейной радости и страхе
Покорно я припал к Его стопам.
Подняв меня, Он кротко произнёс:
"— Я Тот, кого ты ищешь; Я — Творец
Всего, что видишь ты вверху, внизу
И вокруг себя. Прекрасный этот Рай
Дарю тебе, своим его считай,
Храни, воздělывай, и от плодов
Любого древа, что растёт в саду,
Ты невозбранно, с лёгкою душой,
Вкушай, неурожая не боясь.
Но Древа, чьё воздействие даёт
Познание Добра и Зла, — не тронь!
Как послушанья твоего залог
И верности велениям Моим,
Я посредине сада поместил
Его, близ Древа Жизни. Берегись
Плода Познания! Берегись дурных
Последствий горьких! Помни: если ты
Вкусишь, единый преступив запрет
И согрешив, то с этого же дня
Неумолимо должен умереть.
Ты смертным будешь, навсегда лишись
Блаженства, и отсюда в мир забот
И скорби изгнан!" Грозно Он изрёк
Запрет, что до сих пор звучит в ушах
Так страшно, хоть его не преступать

Иль преступить — зависит от меня.
Но вскоре прояснился дивный лик,
И Некто милостиво продолжал:
"— Не только сад — всю Землю я тебе
Дарую и потомству твоему.
Владейте, как хозяева, Землёй
И всякой тварью, что живёт на ней,
В морях и в небе: зверем, рыбой, птицей.
Во знаменье сего, гляди, Адам!
Вот птица всякая и всякий зверь
По их породам, созданные Мной,
Дабы ты имя каждому нарёк,
Они же — подданство тебе своё
С покорностью смиренной изъявят.
О рыбах точно так же разумей;
Они покинуть водяной приют
И влажную стихию заменить,
Равно как воздухом земным дышать,
Не могут!" И пока Он изрекал,
Попарно твари близились ко мне;
Животные, колена преклонив,
Ласкались, птицы же — снижая лет.
По мере приближенья имена
Я им давал и постигал их свойства,
Внезапно Всемогущим вразумлён.
Но между этих тварей не нашёл
Той, чьё отсутствие меня весьма
Тревожило, и я тогда дерзнул
Небесное Виденье спросить:
"— Как назову Тебя? Ты выше всех
Творений этих, выше Человека
И наисовершеннейших существ,
Любые превышая имена!
Какое обожание воздам
Тебе, Кто создал мир и столько благ,
Мне уделённых щедрою рукой
Для процветанья моего, Тобой
Приуготованного? Но нигде
Не вижу — с кем блаженство разделю!
Возможно ль обособленно вкушать
Отраду, наслаждаться одному
Дарами всеми и счастливым быть?"
Так дерзко вопрошал я. Светлый Дух
С улыбкой, от которой он ясней,
Казалось, просветлел, в ответ сказал:
"— Но что ты одиночеством зовёшь?
Земля и воздух разве не полны
Живыми тварями и ты не властен
Призвать созданья эти, приказав
Тебя увеселять своей игрой?
Ты их повадки знаешь, языки;
Есть разум и у них, воспринимать

Способный не презренно и судить.
Вот с ними и общайся, ими правь;
Твоё обширно царство!" Так вещал
Владыка Мироздания; мнилось, Он
Повелевал, но я Его молил
О дозволении продолжить речь,
С покорством надлежащим возразив:
"— О мощь Небесная! Не оскорбись
Моею речью! Милость, мой Творец,
Ей окажи! Не ты ль меня назвал
Наместником и образом Твоим,
Поставив, по сравнению со мной,
Намного ниже тварей остальных?
Возможно ли общение существ
Столь разных и какой в нем будет лад,
Какое наслажденье? Ведь оно
Бывает лишь взаимным, пополам
Делясь меж тем, кто дал и кто обрёл,
В неравенстве, когда один — силён,
Подтянут, а другой — опущен, слаб.
Согласие непрочно; докучат
Они друг другу вскоре. Я ищу
Общения, где я делить бы мог
Духовные утехи; в этом — зверь
Не соучастник мне; ведь жизнь мила
Созданиям подобным, например,
Со львицей — льву; Ты мудро сочетал
Попарно их. Но трудно подружить
Со зверем птицу и с пернатым рыбу,
А с обезьяной не сойдётся бык;
Но в равную вступить с животным связь
Всех менее способен Человек!"
Безгневно Всемогущий отвечал:
"— Приятнейшей и высшей из утех,
Как вижу Я, считаешь ты, Адам,
Избранье друга жизни; смаковать
Услады в одиночку, находясь
Хотя бы в средоточии услад,
Не хочешь ты. Но что же обо Мне
Ты думаешь? Вполне ли Я блажен?
Ведь Я во всей Вселенной одинок
Извечно и не ведаю нигде
Подобного и — менее всего -
Мне равного. Но с кем же Я могу,
Помимо тварей, сотворённых Мной,
Общаться; ведь они намного ниже
Творца, безмерно дальше отстоят,
Чем от тебя все прочие созданы!"
Он смолк; смиренно я промолвил вновь:
"— Всевышний! Вечные Твои пути,
Их высоту и глубину постичь
Не в силах человеческая мысль.

Ты совершенен Сам в Себе, и нет
В Тебе изъяна. Человек не так
Устроен; совершенствуется он
Лишь постепенно, ищет посему
Подобного себе; в общенье с ним
Стремясь поддержку слабости своей,
Участье, утешенье почерпнуть.
Тебе не надобно преумножаться,
Ты бесконечен и, хотя Един,
Все числа заключаешь, но число
Являет в человеке недочёт
Его природы. Должен Человек
Подобных от подобного рождать,
Свой образ множа, в особи одной
Несовершенный, для чего любовь
Взаимная и нежная приязнь
Нужны. Ты в одинокости Твоей
Таинственной сообщество найти
Достойней, совершённой, чем Ты Сам,
Не можешь и общенья искони
Не ищешь; но Ты собственную тварь
Возвысить в силах, если б возжелал
Общаться с нею и вступить в союз,
Обожествив её. Мне ж не дано
Поднять к общенью эти существа
Склонённые и с ними разделять
Забавы!" Так я смело говорил,
С дозволенной свободой, что была
Благоприятно принята, и Голос
Божественный приветливо сказал:
"— С приятностью тебя, до этих пор,
Изволил Я испытывать, Адам!
Не только тварей, названных тобой
По именам, Я вижу, ты постиг,
Но и себя, свободный дух явив,
И образ Мой, скотам, лишённым речи,
Не уделённый. Потому они
Не годны для общения. Ты прав,
Его отвергнув: думай так всегда.
Я прежде твоего сужденья знал,
Что одиноким Человеку быть
Нехорошо; не этих Я созданий,
Которых видишь ты, определил
В наперсники тебе; я их привёл
Для испытания, дабы узнать,
Что подобающим считаешь ты.
Но существо, которое теперь
Я приведу, тебя обворожит;
Оно — твой образ, истинную в нем
Ты обретёшь опору, самого
Себя второго, всех желаний цель
И сердца воплощённую мечту!"

Не то Он смолк, не то я перестал
Воспринимать: моя земная суть
Величием подавлена была
Небесным; слишком силы я напряг
В беседе выпрерней и, ослеплён,
Изнеможен безмерной высотой
Затронутых вопросов, что едва
Уму доступны, опустился наземь,
Ища во сне восстановления сил.
Природа помогла мне, и глаза
Мои сомкнулись; но духовный взор
Открытым оставался и тайник
Воображенья бодрствовал во сне.
В оцепененье, — мнилось, — я узрел
Себя лежащим. Лучезарный лик
Творца, что мне являлся наяву,
Склонился надо мной. Мой левый бок
Всевышний отворил, извлёк ребро,
Согретое сердечной теплотой
И свежей кровью, что питает жизнь.
Мгновенно плотью рана заросла
Глубокая, всецело исцелясь.
Он стал ребро перстами формовать,
И вышло из Его творящих рук
Создание, по виду — Человек,
Но пола женского и красоты
Столь сладостной, что все, до сей поры
Прекраснейшее, виденное мной,
Померкло или воплотилось в ней,
В её очах, обдавших сердце мне
Отрадою, неведомой досель.
Она одушевила целый мир
Любовью и пленительностью нежной
И вмиг меня покинула во тьме.
Я, пробудись, хотел её найти
Иль над потерей вечно слезы лить,
Отрекшись ото всех других утех,
И впал уже в отчаянье, но вдруг
Её вблизи увидел наяву,
Какой она явилась мне во сне,-
Украшенную всем, что расточить
Могли Земля и Небо, одарив
Пригожестью, рождающей любовь;
Ведомая невидимым Творцом,
Навстречу шла; указывал ей путь
Небесный Голос, наставленья дав
Заранее о таинствах святых
Супружества. Дышала волшебством
Её походка; небеса в очах
Сияли; благородства и любви
Движенья было каждое полно.
Я не сдержал восторга и вскричал:

"— Мои мечты превысил дивный дар.
Сдержал Ты слово, милостивый, щедрый
Творец, Податель благ и совершенств!
Но это лучший изо всех даров,
Что ты не поскупился мне вручить,
Кость от моих костей, от плоти плоть.
Себя в ней вижу; имя ей — жена,
От мужа взятая; вот почему
Он мать свою забудет и отца,
Прилепится к жене, и станут оба
Единой плотью, сердцем и душой!"
Она вняла, и хоть её влекла
Десница Божья, но девичья скромность,
Достоинства сознание, чистота
Невинности: все то, что надлежит
Искательно лелеять, ублажать;
Сокровища любви, что никому
Иначе не даются и себя
Не предлагают, но, наоборот,
Лишь уклоняются, что их милей
И возжеленней делает, — короче,
Сама Природа, чуждая вполне
Греховных дум, заговорила в ней
И побудила обратиться вспять.
Я поспешил вослед; она, склонись
На доводы мои, постигнув долг,
Величественно покорилась мне.
Её, зардевшуюся, как заря,
Повёл я в кущу брачную; влиянье
Благоприятное дарили нам
Все небеса и сочетанья звёзд
Счастливые; земля и цепь холмов
Нас поздравляли; птичий хор гремел,
Возвеселясь; шептались ветерки
Прохладные и нежные в лесах,
Нас обдавали с каждым взмахом крыл
Дыханьем пряным, свеянным с кустов
Благоуханных, осыпая нас
Охапками душистых роз, пока
Ночной певун влюблённый не запел
Венчальный гимн, взойти поторопив
Звезду вечернюю и над холмом
Светильник свадебный для нас возжечь.
Я все поведал о моей судьбе,
Довёл рассказ до высшей полноты
Земного счастья, изо всех блаженств
Наисладчайшего. Я, признаюсь,
И в прочих благах радость нахожу,
Но ими пользуюсь я или нет, -
Особо не волнуюсь, не горю
Алчбой неутолимой; речь идёт
О наслаждениях, что обонянье

Нам доставляет, зрение и вкус,-
Цветы, плоды, растенья, щебет птиц,
Прогулки. Но совсем иное здесь!
Гляжу ли, прикасаюсь ли — восторг
Меня охватывает! Здесь впервой
Неодолимую познал я страсть
И содроганье странное. Всегда
Я был сильнее всех других услад
И выше, но пред властью красоты,
Пред этим всемогуществом я слаб.
Ошиблась ли Природа, сохранив
Частицу уязвимую во мне,
Бессильную пред этим волшебством?
Не больше ли, чем надо, извлекла
Из бока моего, дабы жену
С великим изобильем, не скупясь,
Телесным совершенством одарить,
Духовной безупречности не дав?
Я понимаю, что, превосходя
Меня намного внешней красотой,
Она, по назначению Природы
Исконному, слабей меня умом
И ниже по способности души.
В ней меньше лик Творца, что создал нас,
Отображён, и вверенная нам
Над всякой тварью власть в её чертах
Не столь отчётлива; но каждый раз,
Когда я приближаюсь к существу
Её прелестному — я покорён;
Такою безупречной предстаёт,
И завершённой, и в сознание прав,
Присущих ей, такую благородной,
Что все поступки Евы и слова
Мне кажутся прекраснее всего
На свете, — добродетельней, умней!
Познание высшее пред ней молчит
Униженно, а мудрость, помрачась
В беседе с ней, становится в тупик,
Подобно глупости. Рассудок, власть
Ей служат, будто искони
Она задумана, а не в конце
Творения возникла невзначай.
В ней, напоследок, избранный приют
Свой обрели — величие души
И благородство, строгим окружив
Почтеньем, словно Ангельской охраной!"
Нахмурясь, Ангел молвил: "— Не вини
Природу, что исполнила свой долг;
Заботься лучше о твоих делах,
Не сомневаясь в мудрости; она
С тобой пребудет, ежели ты сам
Не отвернёшься от неё, придав

Предметам, по суждению твоему,
Не слишком ценным, — непомерный вес.
Чем восторгаешься? Чем восхищён?
Наружностью? Она, сомненья нет,
Прекрасна и твоих достойна ласк,
Любви, благоговенья, нежных слов,
Отнюдь не подчиненья. Сопоставь
Сначала ваши качества, потом
Оценивай. Порой всего нужней
Нам самоуваженье, если мы
На справедливости обоснуем
Его и здравомыслием умерим.
Чем лучше ты сумеешь овладеть
Таким искусством, тем жена быстрее
В тебе признает своего главу
И мнимые уступят совершенства
Достоинствам правдивым. Ей даны
Прельщенья, чтобы нравиться тебе,
Величье, чтобы с честью ты любил
Подругу, от которой не укрыть
Малейший промах твоего рассудка.
Но если ты касание телес,
Что служит размножению людей,
Считаешь величайшим из блаженств,
Подумай, ведь с тобою наравне
Им тварь последняя наделена
И всякий скот, и не было б оно
Всеобщим, если б содержалось в нем
Хоть что-нибудь, достойное восторг
В тебе зажечь, и душу подчинить,
И плотским вождельем взволновать.
Все то, что в обществе твоей жены
Возвышенным находишь: нежность, ум
И человечность — полюби навек.
Любя, ты благ, но в страсти нет любви
Возвышенной, что изощряет мысль
И ширит сердце, в разуме гнездясь,
И судит здраво. Лестницей служить
Любовь способна, по которой ты
К любви небесной можешь вознестись,
Не погрязая в похоти. Затем
Нет ровни у тебя среди зверей".
Смутясь, Адам сказал: "— Меня влечёт
Не красота, не сладострастный дар
Воспроизводства, разделённый мной
Со всеми тварями (хотя сужу
О брачном ложе несравненно выше;
Оно благоговение родит
Во мне таинственное). Нет, пленён
Любезностью и прелестью живой,
Тысячекратно, всякий день и час,
Являющих в поступках и речах

Моей подруги — нежную любовь
И угожденье ласковое. В них
Единство истое воплощено,
Согласье мыслей и согласье чувств,
Одна душа в различных двух телах:
Гармония супружеской четы
Для глаз отраднее, чем стройный гимн
Для слуха. Но не в рабстве я, поверь!
Тебе откроюсь: я не побеждён!
Явления и предметы на меня
Влияют разно; лучшие из них
Одобрив, я последую тому,
Что одобряю; волен мой отбор,
И действия вольны. Ты не коришь
Любовь; ты говоришь — она ведёт
На Небо, что она и путь и вождь.
Ответь, коли дозволен мой вопрос:
Любовь доступна Духам? Если так,
То в чем любовь у них воплощена?
Во взорах ли, в слиянии лучей,
В духовных иль в прямых соединеньях?"
С улыбкою, зардевшись цветом роз
Небесных, — цветом истинной любви,-
Архангел отвечал: "— Довольно знать,
Что мы блаженны; без любви же нет
Блаженства. Наслаждения твои
Телесные — чисты; ведь сотворён
Ты чистым; наслаждаемся и мы,
Но в большей мере. Не мешают нам
Конечности, суставы, оболочки
И прочие преграды. С Духом Дух
В объятиях сливаются быстрее,
Чем воздух с воздухом, и чистота
Стремится с чистотой вступить в союз;
Частичная не надобна им связь,
Соединяющая с плотью плоть,
С душою душу. Дольше не могу
Беседовать. На Западе уже
Заходит Солнце за зелёный мыс,
За купы изумрудных островов -
Жилища Гесперид, и это знак
Мне возвратиться. Твёрдым будь, живи
Блаженно и люби, но предо всем -
Того, кто от любви твоей взыскал
Покорности. Блуди Его завет
И берегись, чтоб не затмила страсть
Рассудка твоего, не привлекла
К деяниям таким, которых сам
Ты по свободной воле не свершишь.
Твоя судьба и всех твоих сынов
В руках твоих — и счастье и беда.
Небесный клир со мною заодно

Возрадуется стойкости твоей.
Препудь же верным: устоять иль пасть
Лишь от тебя зависит. Одарён
Духовным совершенством, не ища
Подмоги внешней, отвергай соблазн,
Любое наущенье ко греху!"
Сказав, он встал. Последовав за ним,
Адам благословил его: "— Ступай,
Коль наступил разлуки нашей срок,
Небесный гость, божественный гонец
Того, чью царственную благодать
Люблю безмерно! Кротко снизошёл
Ты до меня и ласково! Всегда
Об этом благодарно помнить стану.
К людскому роду милостивым будь
Вовеки и почаще приходи!"
Простившись, Ангел к Небесам взлетел
Из тени, и под кров ушёл Адам.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Вкруг обойдя Землю, Сатана, под видом тумана, вновь проникает в Рай с коварной целью и вселяется в спящего Змия. Адам и Ева поутру спешат к своим повседневным трудам. Ева предлагает разойтись и работать порознь. Адам возражает, опасаясь, чтобы Враг, о коем они остережены, не напал на уединившуюся Еву; последняя, обиженная недоверием к её благоразумию и стойкости, настаивает на разделении, дабы на деле доказать свою твёрдость. Адам уступает. Змий отыскивает одинокую Еву и лукаво приближается к ней; поначалу созерцает её, затем льстиво восхваляет, превознося над всеми прочими созданиями. Ева дивится дару речи Змия и вопрошает: как он научился молвить и разуметь? Змий отвечает, что, вкусив от плода одного из райских деревьев, обрёл речь и разумение, которых был прежде лишён. Ева просит привести её к тому дереву и обнаруживает, что оно и есть запретное Древо Познания. Змий хитроумными доводами убеждает Еву вкусить; Праматерь, восхищённая вкусом плода, рассуждает: должна ли она открыться Адаму? Наконец Ева приносит супругу плод и сообщает о том, что побудило её вкусить. Потрясённый Адам, понимая, что Ева погибла, решается из любви к супруге погибнуть вместе с ней и, дабы ослабить наполовину её прегрешение, также вкушает. Действие преступного послушания: они стремятся прикрыть свою наготу, ссорятся и взаимно упрекают друг друга.

Нет более бесед, когда Господь
И Ангелы по-дружески в гостях
У Человека, своего любимца,
Бывали благосклонно, с ним деля
С приятнью безыскусственную снедь
И позволяли речь ему вести
Непринуждённо-скромную. Теперь
Оттенок песне должен я придать
Трагический: касательно людей,-
Я недоверье должен помянуть
Презренное, погранье клятв, разрыв

Преступный, ослушанье и мятеж;
Касательно рассерженных Небес, -
Досаду, отчужденье, грозный гнев,
Заслуженный укор и правый суд,
Привнёсший Грех в отныне скорбный мир,
И Смерть, губительную тень Греха,
И хвори, предвещающие Смерть.
Предмет печальный! Но ничуть не меньше,
Но больше героического в нем,
Чем в содержанье повести былой,
Как стены Трои трижды обежал
Вослед врагу разгневанный Ахилл,
Иль в описаньях, как ярился Турн,
Когда надежду потерял на брак
С Лавинией, как злобился Нептун,
Равно — Юнона, Грека утеснив
Своим преследованием или сына
Киприды; но сколь ни был бы высок
Мной выбранный, задуманный давно
И поздно начатый, увы, рассказ,
Я с ним управлюсь, если мне внушит
Приличные реченья и слова
Моя заоблачная опекунша,
Которая, призыв мой упредив,
Слетает доброхотно по ночам,
С тех пор как дерзновенно приступил
Я к песне героической моей,
И шепчет, иль внушает мне во сне,
Отнюдь не сочинённые стихи,
Но вдохновлённые. Мне не дано
Наклонности описывать войну,
Прослывшую единственным досель
Предметом героических поэм.
Великое искусство! — воспевать
В тягучих, нескончаемых строках
Кровопролитье, рыцарей рубить
Мифических в сраженьях баснословных, -
Меж тем величье доблестных заслуг
Терпенья, мученичества — никем
Не прославляемо; честь воздают
Ристаньям конным, блеску тщетных игр,
Доспехам, геральдическим щитам,
Шитью на чепраках, парче попон
Турнирных всадников, шелкам цветным,
Пирам дворцовым, где оравы слуг
Снуют под управленьем сенешалей.
Умелое художество и труд
Ремесленный не в силах вознести
Поэму или главное лицо
На героическую высоту.
Не мастер, не охотник прославлять
Подобное, отважно я избрал

Предмет возвышенный, сам по себе
Способный песню вознести мою,
Когда преклонный возраст, поздний приступ
И холода не обессият крыл
Моих отяготевших и прервут
Полет задуманный, что стать могло,
Коль скоро я стихи слагал бы сам,
Без помощи заступницы ночной.
Вот Солнце закатилось, а за ним
И Геспер — сумеречный полусвет
На землю низводящая звезда,
Посредник быстротечный между днём
И ночью. Кругозор, из края в край,
Затмился полусферою ночной,
Когда от Гаврииловых угроз
Бежавший из Эдема Сатана,
Во злобе и лукавстве изощрясь
И замыслы коварные куя
На гибель Человеку, в Рай опять
Прокрался, жесточайшую презрев
Расплату, угрожавшую ему.
Он вечером из Рая улетел,
Вернулся в полночь, Землю обойдя;
Страшился он явиться днём, с тех пор
Как повелитель Солнца, Уриил,
Вторжение обнаружив, остерёг
Охрану Херувимскую. В тоске,
Из Рая изгнанный, он семь ночей
Скитался с темнотою заодно
Вокруг Земли; трикраты обогнул
Круг равноденственный, четыре раза
Путь колесницы Ночи пересёк,
От полюса до полюса, пройдя
Колюры; на восьмую ночь в Эдем
Вернулся, но с обратной стороны
От входа и крылатых часовых,
Где тайную лазейку отыскал.
То было место, — нет его теперь;
Не время уничтожило его,
Но Грех, — где у подножья Рая Тигр
Свергается под землю и, одним
Из рукавов поднявшись, бьёт ключом
У Древа Жизни. Сатана нырнул
В провал, рекой подземною проплыл
И вырвался на волю вместе с ней,
Окутанный туманом, а затем
Убежища себе он стал искать;
Прошёл моря и сушу: от Эдема
За Понт, за Меотийский водоём;
По широте, — вверх, к ледяной Оби,
И вниз — к Антарктике; по долготе,
С Востока, — от Оронских берегов

До океана, где морской простор
Отрезан Дариенским перешейком,
Оттуда — в страны, где струятся Инд
И Ганг. Так облетел он шар земной
В подробных розысках и, по пути
Всех тварей с прилежаньем оглядев,
Чтоб, сообразно замыслам своим
Коварным, подходящую избрать, -
Признал, что Змий — хитрейшая из них,
И вот решился: облюбован Змий,
Удобный облик, чтоб, его приняв,
От взоров пронизательных укрыть
Обман и цели тёмные, поскольку
Лукавым Змий и мудрым сотворён,
И хитрости его не возбуждают
Сомнений; ведь в созданиях иных
Лукавство можно было бы легко
За напущенье дьявольское счесть,
Превосходящее обычный смысл,
Присущий тварям. Да, решился он;
Но тайной мукой взорванная страсть
В невольных сетованьях излилась:
"— О, Небесам подобная Земля,
А может, благолепнее Небес,
Пристанище, достойное богов!
Ты зрелым и позднейшим создана
Мышленьем, заново преобразившим
Все устарелое. Да разве Он,
Создав прекрасное, творить бы стал
Несовершенное? О, небосвод
Земной! Другие сферы вокруг него
Небесные вращаются и свет
Тебе одной, возможно, шлют, Земля,
Лампадами служа, и на тебя
Единую влияние лучей
Своих благих совместно изливают.
Как средоточие всего — Господь,
Равно объемлет все; так точно ты,
Покоясь в средоточии миров,
Приемлешь дань от этих дальних сфер;
Не в них — в тебе их мощь воплощена
Животворящая, — в траве, в кустах,
В деревьях и во множестве пород
Созданий благородных, бытием
Одушевлённых, исподволь свой рост
Усовершенствующих, чувства, ум, -
Все то, что в полной мере Человек
Единственно в себе совокупил;
С каким восторгом вдоль и поперёк
Тебя я исходил бы, если б мог
Порадоваться хоть чему-нибудь -
Лесов разнообразье созерцая,

Холмов и долов, луговин и рек,
Земель новорождённых и морей,
И побережий в обрамленье роц,
Скалистых гребней, гротов и пещер!
Но мне отрады и приюта нет
Нигде! Чем больше вижу я вокруг
Веселья, тем больней меня казнят
Противоречия моей души,
Терзаемой разладом ненавистным.
Все доброе — мне яд; но в Небесах
Я маялся бы горше. Не хочу
Ни там, ни на Земле ничем иным,
Лишь самодержцем быть, поработив
Царя Небес! Не ожидаю здесь
Смягченья мук; стремлюсь других привлечь
К себе, дабы они мою судьбу
Делили, даже если б довелось
За это мне страдать ещё больней.
Лишь в разрушенье мой тревожный дух
Утеху черпает. И если тот,
Кому бразды правленья вручены
Над миром, сотворённым для него,
Погибнет или нечто совершит,
Влекущее погибель, — этот мир,
С ним связанный на счастье и беду, -
Да, на беду! — погибнет заодно.
Пускай же гибнет мир! Мне, только мне,
Из всех Князей Гееннских, будет слава
Принадлежать! Я за день истреблю
Все то, что именующий Себя
Всесильным непрерывно созидал
В течение шести ночей и дней.
Кто знает, сколь давно замыслил Он
Миротворение? Быть может, в ночь,
Когда я вызволил из кабалы
Едва ль не половину легионов
И сонмы обожателей Творца
Изрядно поубавил. Отомстить
Желая и восполнить Свой урон,
Он истощил, никак, былую мощь
И Ангелов творить не в силах впредь, -
Коль вообще их создал, — и вдобавок,
В досаду нам, решил нас подменить
Из праха сотворённым существом
И, низкому началу вопреки,
Возвысить и осыпать, без числа,
Небесными дарами, что у нас
Отобраны. Задумал и свершил.
Он Человека создал и ему
На радость бесподобный мир воздвиг,
Властителем Земли его нарёк
И поселил на ней, а для услуг -

Крылатых Ангелов, — о, срамота!
И челядинцев пламенных прислал
Нести земную службу и стоять
На страже, при оружии. Страшусь
Охраны бдительной; затем во мгле,
Окутан испареньями ночных
Туманов, пробираюсь я ползком,
В лесах обшариваю каждый куст,
Чтоб, Змия спящего сыскав, укрыть
В извилах множественных и себя,
И бремя тёмных замыслов моих.
О, гнусное паденье! Мне, давно
С богами спорившему о главенстве,
О первенстве, — мне суждено теперь
Вселиться в гада, с тварным естеством
Смешаться слизистым и оскотинить
Того, кто домогался высоты
Божественной! Но разве есть предел
Падения для мстительной алчбы
И честолюбья? Жаждающий достичь
Вершины власти должен быть готов
На брюхе пресмыкаться и дойти
До крайней низости. Вначале месть
Сладка, но, на себя оборотясь,
Рыгает горечью. Ну что ж, пускай!
На все дерзаю, лишь бы мой удар
Был меток, — ибо, целясь высоко,
Я промахнусь, — и поразил предмет
Моей вражды, любимчика Небес
Новейшего, созданье персти, сына
Досады, вознесённого Творцом
Из праха, нам на зависть. Воздадим
За злобу — злобой: лучшей платы нет!"
Сказал, и стелющимся по низам
Пополз туманом чёрным, среди сухих
И влажных дебрей, поиски ведя
Полуночные там, где полагал
Всенепременно Змия обрести;
И впрямь, нашёл; Змий почивал, склубясь
В замысловатый лабиринт колец,
В их средоточье голову укрыв,
Что хитростей утончённых полна;
Ещё не хоронясь в пещерной тьме
Зловещей, Змий открыто, на траве,
Неробкий, хоть безвредный, крепко спал.
Диавол в пасть проник и, овладев
Его инстинктом грубым, что в мозгу
Иль в сердце обретается, ему,
Сна не нарушив, придал мощь ума
И стал в змеиной плоти утра ждать.
Над влажными цветами, на заре
Струившими эдемский аромат,

Священная денница занялась,
И всякое дыханье, с алтаря
Великого Земли, превознесло
Создателя безмолвною хвалой
И благовоньем сладостным, Ему
Угодным; в этот час чета людская
Из кущи вышла, присоединить
Словесное хваленье к голосам
Созданий безъязыких; помолясь,
Возрадовались утренней поре
Благоуханной, свежей, а затем
Раздумались: как лучше нынче днём
Все умножающиеся труды
Распределить; обширный Райский Сад
Значительно их силы превышал.
И Ева к мужу обратилась так:
"— Адам! Как ни усерствуем, следя
За этим садом, пестуем цветы,
Деревья, травы, исполняем долг
Приятный, но, пока рабочих рук
Не станет больше, все усилья наши
Нам только прибавляют новых дел.
Все, что мы днём подрежем, подопрём,
Подвяжем, — быстро, за ночь или две,
Роскошно разрастается, стремясь,
Как бы в насмешку, снова одичать.
Дай мне совет иль выслушай меня.
Я думаю: работу разделить
Нам надо. Ты ступай, куда сочтёшь
Потребным; жимолостью эту кущу
Обвей, побеги буйного плюща
Направь, а я до полдня приведу
В порядок заросли цветущих роз
И мирт. Когда мы трудимся вдвоём,
Бок о бок, мудрено ли, что порой
Улыбку на улыбку, взгляд на взгляд
Меняем и заводим разговор
О разных разностях, а между тем
Наш труд, хотя и начатый с утра,
Не спорится, и ввечеру вкушаем
Мы трапезу, её не заслужив!"
"— О Ева! — нежно возразил Адам.-
Единственная спутница моя,
Любимейшее из живых существ!
Твой замысел прекрасен; хорошо,
Что жаждешь ты назначенную нам
Творцом работу лучше исполнять.
Твоё похвально рвение. Ничто
Не украшает более жену,
Чем хлопоты о благе очага
Домашнего и ободренье мужа
В его трудах. Однако же Господь

Обязанности наложил на нас
Не столь сурово, чтобы нас лишить
Трапезованья, отдыха, бесед,-
Духовной пищи. Нам вольно с тобой
Обмениваться взглядами, вольно -
Улыбками; улыбка — это знак
Разумности, и не дана скотам,
Она любовь питает, а любовь -
Одна из важных целей бытия
Людского. Не для тяжкого труда
Мы созданы; блаженство — наш удел,
Разумное блаженство, и поверь,
Объединись, мы оба не дадим
Заглохнуть кущам, зарости тропам
В черте прогулок наших, до поры,-
Её не долго ждать, — когда придут
К нам руки юные помочь в трудах.
Но ежели наскучили тебе
Беседы, я согласие бы дал
На расставанье краткое; подчас
Уединенье — лучшее из обществ,
И после разлучения вдвойне
Свиданье слаще. Но встревожен я
Иным; боюсь, что, от меня вдали,
Ты попадёшь в беду. Не забывай
Остереженья; помни — лютый Враг,
Утративший блаженство навсегда
И нашему завидуя, навлечь
На нас мечтает горе и позор,
Напав исподтишка. Он где-нибудь
Поблизости в надежде адской ждёт
Удобного мгновенья, чтобы, врозь
Настигнув нас, верней осуществить
Коварный замысел. Не чаёт он,
Когда мы рядом и помочь в нужде
Друг другу можем, нас прельстить грехом.
От преданности Богу отвести
Он алчет нас, любовь расстроить нашу
Супружескую; изо всех блаженств
Любовь, пожалуй, разжигает в нем
Особенную зависть. Таковы
Его намеренья иль много хуже;
А посему — ты друга не покинь
Испытанного, из чьего ребра
Ты рождена и кто всегда готов
Тебя оберегать и защищать.
Когда грозит бесчестье и беда,
Приличней, безопасней для жены
При муже находиться: он спасёт
И оградит супругу либо с ней
Разделит наигоршую судьбу!"
С величием непорочности, в ответ,

Как некто, чья любовь оскорблена
Жестоким словом, — строгий вид приняв,
Хотя и нежрый, возразила Ева:
"— О сын Земли и Неба! Всей Земли
Властитель! Ведаю о том Враге,
Что ищет нашей гибели. Ты сам
Предупреждал меня, и я слова
Архангела слыхала невзначай,
Когда он удалялся и цветы
Ночные замыкались; позади
Стояла я в тенистом уголке,
Из сада воротясь. Но чтобы стал
Ты сомневаться в верности моей
Тебе и Богу лишь затем, что Враг
Соблазном ей грозит, — я не ждала.
Тебя насилье вражье не страшит,
Мы так сотворены, что боль и смерть
Не властвует над нами: либо нас
Не в силах тронуть, либо мы легко
Их отразим. Итак, боишься ты
Его коварства; этот страх родит
Сомненье: как бы Враг не обольстил
Меня лукавством, не поколебал
Мою любовь и верность. О, Адам!
Как мысли эти у тебя могли
Возникнуть? Как ты можешь обо мне,
Возлюбленной жене, столь дурно думать?"
Адам ответил с кроткой добротой:
"— О Ева! Бога дочь и Человека,
Бессмертная! Всецело ты чиста
И безупречна. Вовсе не затем,
Что верность и любовь твою подверг
Сомнению, тебе я дал совет
Не удаляться. Нет! Я лишь хочу
Попытку искушения пресечь,
Врагом задуманного. Каждый льстец,
Хотя бы ничего и не достиг,
Кладёт на обольщаемого тень
Бесчестья, заставляя полагать
Его не столь упорным, чтоб соблазн
Отвергнуть. Ты презрение и гнев
Сама бы ощутила, испытав
Обиду искушенья, пусть она
И тщетна; и превратно не пойми
Мою заботу: уберечь тебя
От оскорбленья. Как ни дерзок Враг,
Навряд ли он осмелится напасть
На нас двоих, а если нападёт,
То на меня сперва. Не презирай
Зловредного коварства Сатаны;
Кто Ангелов опутал, тот весьма
Лукав. Ты помощь друга не сочти

Избыточной; твой взор во мне крепит
Все добродетели. Я при тебе
Разумней, зорче, бдительней, сильнее,-
Телесно даже, ежели напрячь
Потребуется мышцы. Высший стыд -
Быть побеждённым на твоих глазах -
Во мне бы мощь геройскую возжёл,
Почто же ты в присутствии моем
Подобное не чувствуешь и грех
Не хочешь отразить плечо к плечу
Со мною, наилучшим очевидцем
Проверки доблестной твоей души?"
Так изъяснял Адам, как семьянин
Заботливый, как любящий супруг;
Но Ева, думая, что все же в ней
Он не уверен, возразила вновь:
"— Коль на участке малом суждено
Нам жить в осаде, в страхе пред Врагом
Могучим, хитрым, не имея средств
Отбиться в одиночку и дрожа
В бессменном предвкушенье грозных бед,
Возможно ль нас блаженными назвать?
Но беды не предшествуют греху!
Соблазном Враг позорит нашу честь,
Но оскорбленье, нас не запятнав
Бесчестьем, возвращается назад,
Его лишь самого покрыв стыдом.
Зачем Врага мы избегать должны
И опасаться, если мы вдвойне
Заслужим честь и, доказав тщету
Его соблазнов, обретём покой
Души, благоволение Небес
Всевидащих? Что стоит наша верность,
Любовь и доблесть, ежели они,
Без посторонней помощи, в борьбе
Не устоят? Ужели обвиним
Творца премудрого: мол, даровал
Нам счастье уязвимое — равно
Мы вместе или врозь? Но если так,
Блаженство шатко наше и Эдем
Небезопасный — не Эдем для нас!"
Адам вскричал: "— О Женщина! Господь
Порядок наилучший учредил
Из всех возможных, и Его рука
Все в мире совершенно создала,
Ущербным не оставив ничего.
Творения Господни лишены
Изъяна: первым делом — Человек,
И все, чьё назначенье охранить
Его блаженство от наружных сил.
Опасность в нем самом, в душе людской,
Но он же властен отвести беду.

Без воли Человека — злу нельзя
Его настичь, а волю эту Бог
Свободно создал, но свободен тот,
Кто разуму послушен; Всемогущий
Содеял разум правым, повелев
Стоять на страже, бодрствовать, дабы,
Заворожённый призраком добра,
Он волю не увлёл на ложный путь,
Расположив к поступкам, что Творцом
Неукоснительно запрещены.
Не мнительность — умильная любовь
Столь часто мне велит остерегать
Тебя, а ты — остерегай меня.
Мы стойки, но от истинной стези
Способны уклоняться; разум наш,
Поддавшись на приманку, Сатаной
Подделанную, может впасть в обман,
Утратив бдительность. Не надо зря
Искать проверки; лучше избегай
Соблазна, от меня не отходя;
Боюсь, что нас он скоро сам найдёт.
Свою ты стойкость хочешь доказать?
Сначала послушанье подтверди!
Кто ж выдержку твою удостоверит,
Не видя соблазнения? Но иди,
Коль ты уверена, что мы вдвоём
Противу искушения слабей
Окажемся, чем в одиночку ты,
Остереженная; пребыв со мной
По принуждению, стала бы тогда
Лишь более далёкой. Так, ступай
В невинности природной! Обопрись
На добродетель, силы напряги!
Бог все исполнил, — твой теперь черёд!"
Умолк людского рода Патриарх,
Но Ева настояла и, приняв
Покорный вид, сказала под конец:
"— Ты мне идти дозволил, остерёг,
Тем паче — в заключительных словах
Разумных: что, мол, искус, невзначай
Возникнув, может нас двоих застать
Не подготовленными. Ухожу
Тем более охотно, и навряд ли
Столь гордый Враг слабейшую сперва
Добычу изберёт; но, учинив
Подобное и отражённый мной,
Тем горшим он покроется стыдом!"
Промолвив, тихо руку отняла
От мужниной десницы и легко,
Как нимфа из Дриад, иль Ореад,
Иль спутниц Делии, свои стопы
Направила поспешные в лесок,

Осанкой Делию превосходя
И поступью, исполненной красы
Божественной, хоть не было при ней
Ни лука, ни колчана, — лишь одни
Изделя непричастного огню
Искусства грубого иль, может быть,
Доставленные Ангелами в дар,-
Садовые орудья. Этот вид
Ей Палее иль Помоны, от Вертумна
Бегущей прочь, подобье придавал,
Цереры юной, прежде чем сошла
Она с Юпитером и от него
Бедняжку Прозерпину родила.
Адам с восторгом ей глядел вослед,
Но во сто крат восторженной желал,
Дабы она осталась; много раз
Просил её вернуться поскорей,
И столь же частым был её посул
Вернуться к полдню и в жильё прибраться,
Все приготовив к трапезе дневной
И отдыху, под сенью шалаша.
Злосчастная! Как обманулась ты,
О Ева, возвращенье обещав
Самонадеянно! Преступный миг!
Отныне для тебя в Эдеме нет
Ни сладких трапез, ни отдохновенья!
Среди цветов душистых и в тени
Укрыта западня, грозя пресечь
Твой путь коварством адским иль вернуть
Тебя, лишённой верности навек,
Блаженства и невинности былой!
В личине Змия, Враг, с рассветом дня,
Свой начал поиск, чтоб чету найти
И заключённый в ней весь род людской -
Добычу вожаделенную. Луга
И рощи миновал он и везде
Плодовые деревья, цветники
Высматривал, растущие пышней
Благодаря заботливым трудам
И ради развлечения людьми
Посаженные; зорко их двоих
Разыскивал по берегам ручьёв,
Но Еву в одиночестве застать
Стремился, хоть надеяться не смел
На столь удачный случай; но внезапно,
Сверх чаянья, сбылось, чего желал:
Праматерь углядел. Совсем одна,
Овеянная облаком густым
Душистых запахов, среди сплошных
Багряных роз, она, видна едва,
Склонялась то и дело, и цветы
Тяжёлые, в накрапе золотом,

Пунцовом и лазоревом, к земле
Поникшие, лишённые опор,
Приподымала, стебли распрямив,
И бережно плетями гибких мирт
Подвязывала розы, ни на миг
Не помышляя, что она сама -
Прекраснейший, беспомощный цветок,
Что ныне так далёк её оплот
Надёжнейший, а буря так близка!
Враг близился; прополз немало троп,
В тени роскошных кедров, пиний, пальм,
То явно извиваясь, то скользя
Украдкой в цветниках, в рядах густых
Кустов, прилежной Евиной рукой
Посаженных. Сравниться не могло
С волшебным этим райским уголком
Ничто: ни измышленные сады;
Ни те сады, где оживал Адонис;
Ни сад, которым некогда владел
Преславный Алкиной, что у себя
Гостеприимно сына принимал
Лаэрта дряхлого; ни вертоград
Правдивый, где мудрейший из царей
Блаженствовал с египетской женой
Прекрасной. Совершенством здешних мест
Пленился Враг, но восхищённый взор
На Еву особенно обращал.
Так некто, в людном городе большом
Томящийся, где воздух осквернён
Домами скученными и клоак
Зловоньем, летним утром подышать
Среди усадеб и весёлых сел
Выходит, жадно запахи лова
Сухой травы, хлебов, доилен, стад;
Его пленяет каждый сельский вид
И сельский звук; но ежели вблизи,
Как нимфа, лёгкой поступью пройдёт
Прелестная крестьянка, — все вокруг
Внезапно хорошеет, а она
Прекраснейшая в мире, и вместил
Всю красоту её лучистый взор.
С таким же восхищеньем Змий взирал
На уголок цветущий, где приют
Столь ранним утром Ева обрела.
Телосложением Ангелу под стать
Небесному, но женственней, милей,
Невинностью изящною, любым
Движением, она смиряла в нем
Ожесточенье, мягко побудив
Свирепость лютых замыслов ослабить.
Зло на мгновенье словно отреклось
От собственного зла, и Сатана,

Ошеломлённый, стал на время добр,
Забыв лукавство, зависть, месть, вражду
И ненависть. Но Ад в его груди,
Неугасимый даже в Небесах,
Блаженство это отнял, тем больней
Терзая Сатану, чем дольше он
На счастье недостижное глядел;
Наисильнейшей злобой распалясь,
Намереньям губительным успех
Суля, в себе он ярость горячил:
"— Мечты, куда вы завели! Каким
Обманом сладким охмелённый, мог
Забуть — зачем я здесь! Нет, не любовь,
А ненависть, не чаянье сменить
На Рай — Геенну привлекли сюда,
Но жажда разрушенья всех услад,
За вычетом услады разрушенья;
Мне в остальном — отказано. Итак,
Удачу надобно не упустить.
Вот женщина; она — одна и всем
Доступна искусам. Её супруг,-
Насколько я окрестность обозрел,-
Находится не близко. Я страшусь
Его мышленья высшего. Он горд
И, несмотря на то, что сотворён
Из праха, — мужественен и могуч.
Воистину подобного нельзя
Противника ничтожеством считать,
Неуязвимого, когда я сам
Подвержен боли; так унижил Ад
И пытки обессилили меня,
В сравненье с тем, каков я прежде был
На Небесах. Пусть Ева хороша
Необычайно и любви богов
Достойна, — не страшна она, хотя
Любовь и красота внушают страх,
Коль скоро не подвигнуть супротив
Такую ненависть, что тем сильней,
Чем лучше под личиною любви
Укрыта; это самый верный путь,
Надёжный способ Еву погубить!"
Так Враг людского рода говорил,
Укрытый в Змие, злобный постоялец;
Он к Еве направлялся не ползком,
Как нынче, пресмыкаясь по земле,
Волнами изгибаясь, но стоймя,
Подобно башне, опершись на хвост,
На основанье круглое, — клубы
Спирально громоздящихся колец.
Увенчанная гребнем голова,
С карбункулами схожие глаза,
Лоснящаяся шея, чей отлив

Зеленоватым золотом мерцал,
С надменной возвышались прямою
Над узловидным туловищем, плавно
Скользившим по траве. Он был красив
И привлекателен. Подобный гад
Позднее не встречался никогда.
С ним змиев не сравнить, в которых Кадм
И Гермiona преображены
В Иллирии вдвоём, ни божество
Из Эпидавра, ни хвалёных змиев,
Чью стать Аммон-Юпитер принимал
Равно — Капитолийский, посетив
Олимпию и Сципиона мать,-
Героя Римского. Сперва путём
Окольным Сатана, как бы страшась,
Но алча, приближался; так моряк
Искусный, управляя кораблём,
Близ мыса или устья, где ветра
Непостоянны, изменяет курс,
Частенько перекладывая руль
И паруса; так точно изменял
Движенья Змий, свиваясь, и опять
Упруго развиваясь, и клубясь
Затейливо на Евиных глазах,
Дабы вниманье женщины привлечь.
Она же за работой шелестенью
Листвы внимала, но о нем ничуть
Не думала, — привыкшая к возне
Различных тварей, что на Евин зов
Послушней шли, чем стадо превращённых
На зов Цирцеи. Змий спешит смелей,
Незванный, к Еве, замирает вдруг
Как бы в восторге; много раз подряд
Пред ней склоняет гребень, шею гнёт
Крутую, лижет Евины следы.
Немое обожанье наконец
Она заметила и на игру
Его взглянула; радуясь тому,
Что смог вниманьем Евы завладеть,
Он, шевеля змеиным языком,
Иль небывалый звук голосовой
Воздушным колебаньем издавая,
Её лукаво начал искушать:
"— О повелительница! Не дивись,
Единственное диво, если ты
Способна удивляться! Я молю:
Презреньем гневным не вооружай
Небесно-кроткий взор за то, что я
Приблизился бесстрашно и гляжу
Не нагляжусь на величавый лик,
Сугубо величавый в этой дебри
Пустынной. О, прекрасного Творца

Прекрасное подобие! Тебе
Подвластно все живое; твари все
Тобой любуются и красоту
Небесную твою боготворят.
Действительный восторг царит лишь там,
Где он доступен всем; но здесь, в глуши,
Меж зрителей — бессмысленных скотов,
Твоё очарование сознать
Способных в малой мере, Человек
Один — единственный тобой пленён;
Всего один, — когда в кругу богов
Богиней равной ты могла бы стать.
Бесчисленные Ангелы должны
Тебе молитвенно, благоговейно
Служить, вседневной свитой окружив!"
Так льстил ей Враг: он приступ начал так.
Проникла в сердце Евы эта речь.
Хоть будучи весьма удивлена,
Она смущённо молвила в ответ:
"— Что это значит? Голосом людским
И по-людски осмысленно со мной
Тварь говорит! Судила я досель,
Что твари бессловесны, что Господь
Немыми создал их, не одарил
Членораздельной речью. В остальном
Колеблюсь я — их действия, порой,
И взгляды выявляют некий смысл
Немалый. Я тебя считала, Змий,
Хитрейшею из тварей полевых,
Но все же — безъязыкой. Сотвори
Повторно это чудо! Объясни,
Как, будучи немым, заговорил?
И почему ты изо всех животных
Столь дружествен? Вниманье уделить
Такому диву должно. Отвечай!"
Лукавый Искуситель продолжал:
"— Блистательная Ева! Госпожа
Прекраснейшего мира! Мне легко
Тебе повиноваться, рассказать
Просимое. Велениям твоим
Не в силах воспротивиться никто.
Подобно прочим тварям, я сперва
Питался попираемой травой.
Мой ум, под стать еде, презренным был
И низким: я понятия лишь имел
О пище и различии полов,
Не постигая высшего, пока
Однажды, странствуя среди полей,
Я дерево роскошное вдали
Случайно усмотрел: на нем плоды
Висели пестроцветные, горя
Багряным золотом. Я подступил

Поближе, чтоб яснее рассмотреть,
И обдало меня с его ветвей
Благоуханье, голод возбудив
Острейший. Ни укропа аромат
Излюбленный, ни запах молока,
Что ввечеру сочится из сосцов
Овец и коз, когда среди забав
Детёныши позабывают снедь,
Не порождали жадности такой
Во мне. Решился тотчас я вкусить
Прекрасных яблок. Жгучей жажды власть
И голода, которых разожгли
Душистые плоды, меня совсем
Поработили. Я замшелый ствол
Обвил ввиду того, что высоко
Ветвилось дерево; потребен рост
Адама или твой, дабы достать
До нижних сучьев. Прочие вокруг
Толпились твари, тою же алчбой
Томимые, завистливо взирали,
Но до плодов добраться не могли.
Достигнув кроны, где они, вися
В столь близком изобилии, сильнеей
Манили, я срывать их щедро стал,
Вкушать и голод ими утолять.
Такого наслаждения досель
Я не знавал ни в пище, ни в питьё.
Насытись, я внезапно ощутил
Преображенье странное; мой дух
Возвысился, и просветился ум;
Способность речи я обрёл потом,
Но, впрочем, не утратил прежний вид.
Высоким и глубоким я с тех пор
Предался размышлениям; объял
Я всеохватывающим сознанием
Предметы обозримые Небес,
Срединного пространства и Земли,
Все доброе, прекрасное постиг
И понял, что оно воплощено
Вполне в твоих божественных чертах,
В лучах твоей небесной красоты,-
Ей ни подобья, ни сравненья нет!
Вот почему, — некстати, может быть,-
Я здесь, чтоб созерцать и обожать
Законную Владычицу Вселенной,
Державную Царицу всех существ!"
Так, обуян коварным Сатаной,
Змий обольщал Праматерь. В изумленье
Беспечно Ева молвила в ответ:
"— Из-за чрезмерной. Змий, твоей хвалы,
Я сомневаюсь в действии плода,
Которое ты первый испытал.

Скажи: где это дерево растёт?
Далеко ли? Здесь множество в Раю
Деревьев Божьих, неизвестных нам
И разных, и плодов на них не счесть
Нетронутых, нетленных, — до времён,
Когда в Раю прибавится людей,
Дабы собрать обильный урожай,
От бремени Природу облегчив".
Ликуя, вмиг ответил хитрый гад:
"— Царица! Не далёк, не труден путь.
За миртами, средь луга, близ ручья
Оно растёт, лишь надо миновать
Бальзамовый и мирровый лесок
Цветущий. Коль дозволишь, я туда
Тебя легко и быстро проведу".
«— Веди!» — сказала Ева; Змий, столпом
Возвысясь, к преступленью поспешил,
Переливая из кольца в кольцо
Клубящееся тулово; прямым
Он выглядел, к злодейству устремись,
На темени надежда подняла
Его зубчатый гребень, что раздулся
От радости. Так брезжит огонёк
Блуждающий, из масляных паров
Возникший, что густеют по ночам
От холода и вспыхивают вдруг,
Вздуваемые ветром; говорят -
Злой Дух сопровождает их. Такой
Обманный огонёк, светясь во тьме,
Сбивает изумлённого с пути
Ночного странника, заводит в т-опь,
В трясины и овраги, где бедняк,
Проваливаясь, гибнет, вдалеке
От помощи. Так страшный Змий сиял,
Доверчивую Еву обманув,
Праматерь нашу, и ведя ко Древу
Запретному — причине наших бед.
При виде Древа молвила она:
"— Напрасно, Змий, мы шли; бесплоден труд,
Хотя плоды в избытке. Но пускай
Останется их свойство при тебе;
Оно и впрямь чудесно, породив
Такое действие. Но ни вкушать,
Ни даже прикасаться нам нельзя.
Так Бог велел, и заповедь сия
Единственной дочерью была
Божественного Голоса; вольны
Мы в остальном. Наш разум — наш закон".
Вскричал Прельститель хитрый: "— Неужель,
Властителями вас провозгласив
Всего, что в воздухе и на Земле,
Господь плоды вкушать вам запретил

Древес, произрастающих в Саду?"
Ещё безгрешная, сказала Ева:
"— Нам все плоды в Раю разрешены,
Но Бог об этом Древе, в сердце Сада
Растущем, и плодах его изрёк:
"— К ним прикасаться и от них вкушать
Вы не должны, чтоб вам не умереть".
Ответ услыша краткий, осмелел
Прельститель; человеколюбом вдруг
Прикинулся и ревностным слугой
Людей; на их обиду воспылав
Негодованием лживым, применил
Он способ новый: ловко притворись
Взволнованным, смущённым, он умолк
Достоинно, вознесясь, чтоб речь начать
О якобы значительных вещах.
Так древле, в Риме вольном и в Афинах,
Где красноречье славное цвело,
Навечно онемевшее теперь,
Оратор знаменитый затихал,
Задумывался, погрузясь в себя,
Готовясь к речи важной; между тем
Его движения, черты лица
Вниманьем слушателей наперёд
Овладевали, прежде чем уста
Успел он разомкнуть; но иногда,
Как бы порыва к правде не сдержав,
Он прямо к сути яро приступал,
Минуя предисловье; точно так,
Во всю свою поднявшись вышину,
Восторженным волнением объят,
Со страстью соблазнитель произнёс:
"— О, мудрое, дарующее мудрость
Растение священное! Рождаешь
Познание ты! Я чую мощь твою
В себе! Не только сущность всех вещей
Я ныне лицезрею, но стези
Наимудрейших, высочайших Сил
Открылись мне! Ты не страшись угроз,
Вселенной сей Царица, им не верь -
Вы не умрёте. Разве умереть
Возможно от плода, — он даст вам жизнь
С познанием вместе, — или вас казнит,
Кто угрожал вам? На меня взгляни:
Я прикоснулся, я вкусил — и жив.
Мой тварный жребий превзойти дерзнув,
Я жизни совершеннейшей достиг,
Чем та, что мне была дана судьбой.
Ужели от людей утаено
Открытое скоту? Ужели Бог
За столь поступок малый распалит
Свой гнев и не похвалит ли верней

Отвагу и решительность, которых
Угроза смерти, — что бы эта смерть
Ни означала, — не смогла отвлечь
От обретенья высшего из благ -
Познания Добра и Зла? Добро! -
Познать его так справедливо! Зло! -
Коль есть оно, зачем же не познать,
Дабы избегнуть легче? Вас Господь
По справедливости карать не может,
А ежели Господь несправедлив,
То он не Бог, и ждать не вправе Он
Покорности и страха; этот страх
Пред страхом смерти должен отступить.
Зачем Его запрет? Чтоб запугать,
Унизить вас и обратить в рабов
Несведущих, в слепых, послушных слуг.
Он знает, что, когда вкусите плод,
Ваш мнимо светлый взор, на деле — тёмный,
Мгновенно прояснится; вы, прозрев,
Богами станете, подобно им
Познав Добро и Зло. Так быть должно.
Мой дух очеловечился, а ваш -
Обожествится; человеком скот
Становится, а богом — Человек.
Быть может, вы умрёте, отрешась
От человеческого естества,
Чтоб возродиться в облике богов.
Желанна смерть, угрозам вопреки,
Когда влечёт не худшую беду!
И что такое боги? Почему
Не стать богами людям, разделив
Божественную пищу? Божества
Первичны; этим пользуясь, твердят,
Что все от них. Сомнительно весьма!
Я вижу, что прекрасная Земля,
Согрета Солнцем, производит все,
Они же — не рожают ничего.
А если все от них, — кто ж в это Древо
Вложил познание Добра и Зла,
Так что вкусивший от его плода,
Без их соизволенья, в тот же миг
Премудрость обретает? Чем Творца
Вы оскорбите, знание обрета?
Чем знание ваше Богу повредит?
И если все зависит от Него,
Способно ль Древо это что-нибудь
Противу Божьей воли уделить?
Не завистью ли порождён запрет?
Но разве может зависть обитать
В сердцах Небесных? Вследствие причин
Указанных и множества других
Вам дивный этот плод необходим.

Сорви его, земное божество,
Сорви и беспрепятственно вкуси!"
Он смолк; его коварные слова
Достигли сердца Евы так легко!
На плод она уставилась, чей вид,
Сам по себе, манил и соблазнял.
В её ушах ещё звучала речь
Столь убедительная; мнилось ей,
Что уговоры Змия внушены
Умом и правдой. Полдень между тем
Приблизился и голод вместе с ним,
Благоуханьем дивного плода
Усиленный, и это, заодно
С желаньем прикоснуться и вкусить,
Ещё сильнее манило томный взгляд.
Однако, на минуту задержась,
Так рассуждала мысленно она:
"— Воистину, о лучший из плодов,
Твои чудесны свойства. Запрещён
Ты людям; тем не менее нельзя
Тебе не удивляться. От начала
Неприкасаемый, ты наградил,
При первом опыте, немую тварь
Словесным даром; научил язык,
Не созданный для речи, восхвалять
Тебя. Не скрыл твоих достоинств Тот,
Кем заповедан ты и назван Древом
Познания Добра и Зла, и нам
Не разрешён. Но строгий сей заказ
Тебе во славу; доказует он,
Каким ты благом в силах одарить,
Которого мы, люди, лишены.
Владеть безвестным благом — невозможно;
Владеть же им в неведение — равно
Что вовсе не владеть; и, наконец,
Что запретил Он? Знанье! Запретил
Благое! Запретил нам обрести
Премудрость! Но такой запрет никак
Вязать не может. Если вяжет смерть
Нас вервием последним, — в чем же смысл
Свободы нашей? От плода вкусив,
Осуждены мы будем и умрём.
Но разве умер Змий? Ведь он живёт,
Хотя вкусил; познаньем овладел,
И, прежде неразумный, — говорит
И думает. Ужель для нас одних
Смерть изобретена? И лишь для нас
Недостижима умственная снедь,
А тварям предоставлена? Видать,
Она животным не воспрещена!
Но скот, вкусивший первым, отрешась
От зависти, ликуя, сообщил

О благе обретённом, — друг людей,
Надёжный очевидец, и ему
Не свойственны лукавство и обман.
Чего ж боюсь? Верней, чего должна
Бояться, не познав Добро и Зло?
Творца иль Смерти? Кары иль закона?
От всех сомнений средство — здесь растёт,
Сей плод, прельщающий мой вкус и взор,
Даруя мудрость. Что мешает мне
Сорвать, насытив разом дух и плоть?"
Промолвила и дерзкую к плоду
Простёрла руку в злополучный час;
Вот сорвала! Вкусила! И Земля
От раны дрогнула, и тяжкий вздох,
Из глубины своих первооснов
И всем своим составом издала
Природа, скорбно ознаменовав,
Что все погибло. Виноватый Змий
Исчезнул в зарослях; его уход
Был не замечен; Ева целиком
Вкушенью предавалась, ни на что
Не глядя. Никогда, в других плодах,
Не находила сладости она
Подобной. Вправду ли он был таким
Иль в жажде знания Ева придала
Воображеньем дивный этот вкус;
Уже сравнившись в мыслях с божеством,
Глотая неумеренно и жадно,
Не ведала, что поглощает смерть.
Насытившись и, будто от вина,
Хмельная, радостно и без забот,
Она самодовольно изрекла:
"— О Царственное Древо! Из древес
В Раю — наиценнейшее! Твой дар
Благословенный — мудрость. До сих пор
В пренебрежении свисали зря
Твои плоды. Отныне всякий день
Тебя лелеять буду по утрам,
Не без похвал и песен, облегчать
Я стану бремя щедрое ветвей,
Свободно предлагаемое всем,
Пока, тобой насыщенная власть,
Созрею в мудрости, под стать богам
Всезнающим, но завистью кипящим
К тому, чего не в силах сами дать.
Когда бы мощь, сокрытая в тебе,
От них была, ты здесь бы не росло.
Мой опыт собственный! — тебя вторым
Благодарю. Ты — наилучший вождь.
Когда б я за тобою не пошла,-
Осталась бы в незнанье. Ты открыл
Путь к мудрости, чтоб я могла достичь

Её потайной, скрытой глубины.
Нельзя ли мой поступок тоже скрыть?
Ведь Небо высоко и далеко,
Оттуда вряд ли явственно видны
Все вещи на Земле. А может быть,
От вечных наблюдений отвлечён
Иной заботой Запретитель наш
Великий, восседающий в кругу
Крылатых соглядатаев своих?
Но как явлюсь к Адаму? Расскажу
О перемене? Стану ли я с ним
Делить моё блаженство иди нет?
Не лучше ль преимуществом познания
Одной владеть и возместить изъян,
Присущий женщине, чтоб закрепить
Любовь Адама и сравняться с ним,
А может, кое в чем и превзойти?
Не зареклась бы! Низший никогда
Свободным не бывает! Хорошо,
Чтоб так сбылось! Но если видел Бог,
И я умру, исчезну, и меня
Не станет, и Адам найдёт жену
Другую, наслаждаться будет впредь
С другою Евой, я же — истреблюсь?
Смертельна эта мысль! Нет, решено!
Адам со мною должен разделить
И счастье и беду. Столь горячо
Его люблю, что рада всем смертям,
Но вместе с ним. Жизнь без него — не жизнь!"
Промолвив, удалилась, но сперва
Глубокий Древу отдала поклон,
Желая силе оказать почёт,
Растенью сообщившей мудрый сок,
Добытый из нектара, из питья
Богов. Меж тем нетерпеливо ждал
Адам возврата Евы. Он венки
Цветочный сплёл, чтоб волосы жены
Украсить, увенчать её труды
Сельскохозяйственные, как жнецы
Царицу жатвы часто коронуют.
О радостном свиданье он мечтал
Замедлившем и новых ждал утех
Вслед за разлукой долгой; но порой
Он сердцем предугадывал беду,
Тревожное биенье ощутив;
И вот навстречу тронулся тропой,
Которой удалилась поутру
Супруга; мимо Древа та стезя
Вела, и от него не вдалеке
Увидел Еву; только что она,
От Древа отступив, держала ветвь
С прекрасным, свежесорванным плодом,

Что улыбался, аромат лия
Амвросии. Направилась к Адаму
Поспешно Ева; на её лице
Виновность отражалась, но тотчас
Она оправдываться начала
И молвила с угодливою лаской:
"— Моей отлучке долгой ты, никак,
Дивишься? Я томилась без тебя.
Разъединенью, мнилось, нет конца.
Доселе я такой тоски любви
Не ведала, но больше никогда
Не повторится это; не хочу
Себя отныне мукам подвергать,
Которых я, в неведение моем,
Сама искала — мукам разлученья
С тобой. Но изумишься ты, узнав
Чудесную причину: почему
Так долго задержалась я. Ничуть
Не вредно Древо, ни его плоды,
Вкушенье коих якобы ведёт
К таинственному злу; наоборот!
Они благим воздействием глаза
Нам отверзают, возводя в разряд
Богов. Сие испытано уже;
Запретом не стеснённый, мудрый Змий -
Иль преступив запрет, — посмел вкусить
И все ж не умер, чем грозили нам,
Но разум и язык людской обрёл;
Он так красноречиво рассуждал
И так умильно, что меня склонил.
И я равно вкусила, испытав
Влиянье равное. Мой тёмный взор
Яснее стал, возвышенной душа,
Обширней сердце. Я почти совсем
Обожествилась. Этой высоты,
Лишь памятуя о тебе, Адам,
Я домогалась; без тебя презреть
Её готова. Для меня блаженство
В той мере подлинно, поскольку в нем
Ты соучаствуешь; иначе мне
Оно прискучит вскоре, а затем
И вовсе опротивеет. Вкуси!
Пускай один удел, одна любовь,
Одно блаженство нас объединят!
Вкуси, дабы не разлучило нас
Неравенство! Готова потерять
Я для тебя божественность, но поздно,-
Судьба соизволения не даст!"
Так изложила Ева свой рассказ
С весёлым оживленьем, но пылал
Болезненный румянец на щеках.
Адам, недвижимый, бледный, услышав

О Евином проступке роковым,
Застыл в молчанье. Ужас ледяной
Сковал его суставы, раскатясь
По жилам; ослабевшая рука
Венок из роз, для Евы им сплетённый,
Бессильно уронила, и цветы
Увядшие рассыпались в пыли.
Так цепенел он, слов не находя,
И напоследок молвил сам себе,
Душевную нарушив немоту:
"— Прекраснейшее в мире существо,
Последнее создание Творца
И лучшее! В тебе воплощены
Вся красота, любовь и доброта,
Божественная святость, совершенство,
Пленяющие зрение и мысль!
Как ты погибла! Как погибла ты
Внезапно; исказилась, и растлилась,
И смерти обреклась! Как ты запрет
Нарушила строжайший! Как могла
Священный, заповедный плод сорвать
Кощунственно? Тебя ввела в обман
Уловка вероломная Врага,
Которого не знала ты досель,
И я погиб с тобою заодно.
Да, я решил с тобою умереть!
Как без тебя мне жить? Как позабыть
Беседы наши нежные, любовь,
Что сладко так соединяла нас,
И в диких этих дебрях одному
Скитаться? Ежели Господь создаст
Вторую Еву и ребром вторым
Я поступлюсь, — возлюбленной утрата
Неугасимо будет сердце жечь!
Нет, нет! Я чувствую, меня влекут
Природы узы; ты — от плоти плоть,
От кости кость моя, и наш удел
Нерасторжим — в блаженстве и в беде!"
Так утвердившись и под стать тому,
Кто, ужас пережив, собой опять
Овладевает, после тяжких дум,
Необратимой доле покорясь,
Он Еве примирительно сказал:
"— Бесстрашная! Решилась ты на шаг
Отважный и в опасности великой
Находишься, направив алчный взор
На плод святой, что Богом посвящён
Для воздержанья; более того,
Завет нарушив Божий, от плода,
Касаться коего запрещено,
Дерзнула ты вкусить! Но кто б возмог
Прошедшее вернуть и сделать вновь

Былое небылым? Ни сам Господь
Всемощный, ни судьба. Но может быть,
Ты не умрёшь и не настолько худ
Поступок твой. Плод был уже почат,
Он Змием споначалу осквернён
И, святости лишась, возможно, стал
Плодом обычным ранее, чем ты
Вкусила. Ведь не умер Змий, он жив
И жизни, по твоим словам, достиг
Высокой, с Человеком поравнясь;
Наглядный довод, что, вкусив, и мы
Достигнем соразмерной высоты,
Богами будем или перейдём
На степень Ангелов — полубогов.
Не мыслю, что Господь, благой Творец,
Хоть Он грозил, решил бы истребить
Нас, лучших тварей, одарённых Им
Столь щедро и стоящих во главе
Созданий прочих; с нами заодно
Они, поскольку созданы для нас,
От нас во всем зависимы, должны
Неотвратимо пасть. Неужто Бог
Творенью — разрушенье предпочтёт
И будет снова пересоздавать,
Трудясь напрасно? Этого не мни
С понятием о Боге совместить.
Хоть созидать Он властен вновь и вновь,
Едва ее нас на гибель обречёт,
Чтоб Враг возликовал: мол, непрочно
Любимцев Божьих участь; кто ж Ему
Надолго мил? Низверг меня сперва,
Потом людей извёл. За кем черёд?
Нет, пищи для злоречия не даст
Господь Врагу. Но все равно; скрепил
Я жребий мой с твоим, и приговор
Тождественный постигнет нас двоих.
И если смерть меня с тобой сплотит,
Она мне жизнью будет; столь сильна
Природы власть, влекущая меня
К тебе; ведь ты моё же естество,
Вся из меня возникла, вся моя,
Мы — нераздельны, мы — одно, мы — плоть
Единая, и Еву потерять -
Равно что самого себя утратить!"
Адаму Ева молвила в ответ:
"— О, славный искус редкостной любви,
Блестящий довод, благостный пример!
Как следовать ему? Я не равна
Тебе по совершенству и горжусь
Рождением от твоего ребра
Бесценного. Мне радостно внимать
Словам твоим, когда ты говоришь

О нашей слитности: у нас двоих
И сердце и душа — одни; теперь,
Воистину, ты это доказал,
Решив, что прежде, чем тебя со мной,
Столь тесно связанных любовью нежной,
Смерть либо нечто худшее навек
Разъединит, — мою вину, мой грех,
Преступное деяние моё
И ты разделишь, — ежели вкусить
Преступно от прекрасного плода,
Чьи качества (добро всегда к добру
Ведёт прямым иль косвенным путём)
Любовь твою проверить помогли
Счастливым испытаньем; без него
Не проявилась бы она с такой
Возвышенностью. Если б я сочла,
Что смелый мой поступок повлечёт
Угрозу смерти, — казни бы сама
Подверглась. Одиноко я умру,
Но не решусь тебя склонять к делам,
Что твой покой способны погубить,
Тем более когда любовь ко мне,
Её сердечность, верность, постоянство
Ты нынче беспримерно доказал.
Я чувствую совсем иной исход -
Отнюдь не смерть: удвоенную жизнь,
Взор прояснённый, множество надежд
И новых наслаждений, дивный вкус,
Столь тонкий, что приятное досель
Мне пресным представляется теперь
И грубым. По примеру моему
Вкуси, Адам, свободно и развей
На все четыре ветра смертный страх!"
Сказав, она супруга обняла,
От счастья нежно плача, в торжестве
Сознания любви, столь благородной,
Готовой для возлюбленной стерпеть
Господень гнев и смерть; она даёт
Ему в награду, щедрою рукой
(Злосчастная угодливость вполне
Такой награды стоит) с ветви плод
Прелестный и заманчивый; не вняв
Рассудку, не колеблясь, он вкусил.
Не будучи обманутым, он знал,
Что делает, но преступил запрет,
Очарованьем женским покорён.
Земные недра содрогнулись вновь
От муки, и Природа издала
Вторичный стон. Гром глухо прогремел,
Затмилось небо, капли тяжких слез
Угрюмо уронило с вышины,
Оплакав первородный, смертный грех.

Но ничего Адам не замечал,
Вкушая жадно; Ева, не страшась,
Провинность повторяла заодно,
Чтоб грех возможно больше усладить
Любовным соучастьем. Наконец,
Как одурманенные молодым
Вином, они безумно предались
Веселью; мнилось им, что обрели
Божественность, что, презирая Землю,
Вот-вот на мощных крыльях воспарят.
Но действие иное произвёл
Обманный плод. Он плотские разжёт
Желанья. Похотливо стал глядеть
Адам на Еву; алчно и она
Ответствовала. Сладострастный жар
Обоих обуял, и начал так
Адам к восторгам Еву наклонять:
"— Я вижу — твой изящен, верен вкус;
Он мудрости немалое звено;
Ко всем сужденьям вкус мы придаём,
Язык считая правым судией.
Ты нынче порадела хорошо,
Хвалю за это. Много мы услад
Утратили, к чудесному плоду
Не прикасаясь; истинную сладость
Не знали мы досель. Когда настолько
Запретное приятно, — десяти
Дерев запретных, вместо одного,
Нам надо бы желать. Но поспешим!
Пристало нам, прекрасно подкрепясь,
Утехой завершить богатый пир.
С тех пор как в первый раз тебя узрел,
Исполненную всяких совершенств,
И в жены взял, ни разу красота
Твоя не распаляла так во мне
Желания тобою обладать
И насладиться. Краше, чем всегда,
Ты нынче — это Древа дивный дар!"
Подобное твердя, не упускал
Он взглядов и намёков любострастных,
Понятных ей. Зажглись её глаза
Ответным заразительным огнём.
Он, без отпора, за руку повёл
Её на затенённый бугорок,
Под сень ветвей, под кров густой листвы.
Фиалки, незабудки, гиацинты
И асфоделии служили им
Цветочным ложем, — мягкое как пух,
Прохладное земное лоно! Там
Они любви роскошно предались,
Всем наслажденьям плотским, увенчав
Провинность обоюдную, стремясь

Сознание греховности размыкать;
Затем, усталые от страстных ласк,
Заснули, усыпленные росой.
Но эта власть коварного плода,
Что с помощью дурманящих паров,
Веселием и лестью охмелив,
Их душами играла и ввела
Все чувства и способности в обман,
Иссякла, — отлетел а тяжкий сон,
Угаром наведённый, полный грёз
Мучительных. Супруги поднялись,
Как после хвори; глядя друг на друга,
Постигли, сколь прозрели их глаза
И омрачился дух. Невинность вмиг
Исчезла, что, подобно пелене,
Хранила их от пониманья зла;
Взаимное доверье, правда, честь
Врождённые покинули чету
Виновную, покрытую теперь
Стыдом, что облачением срамным
Преступников лишь больше оголял.
Как некогда на пагубном одре
Далилы-филистимлянки, Самсон,
Могучий муж из Данова колена,
Остриженный, очнулся, потеряв
Былую силу, — так, не говоря
Ни слова, обнажённые, они
Сидели, добродетелей навек
Лишась, ошеломлённые стыдом,
С растерянными лицами. Но вот
Адам, хотя не менее жены
Смущённый, принуждённо произнёс:
"— Вняла, о Ева, ты в недобрый час
Лукавцу-гаду, — кто б людскую речь
Поддельывать его ни научил.
Он был правдив, о нашем возвестив
Паденье, но, суля величье, лгал.
Воистину глаза прозрели наши,
Добро и Зло познали мы; Добро
Утратили, а Зло приобрели.
Тлетворен плод познания, если суть
Познания в этом; мы обнажены,
Утратив честь, невинность, чистоту
И верность, — все, что украшало нас,
А нынче мрачно и осквернено.
На лицах наших — похоти печать,
Обильно зло рождающей и стыд,-
Последнее из неисчетных зол.
Уверься в первом — мы Добра лишились!
Как покажусь теперь очам Творца
И Ангелов, которых созерцал
С таким восторгом, с радостью такой?

Небесные их лики нашу плоть
Земную нестерпимым ослепят
Лучистым блеском. О, когда б я мог
Средь глухомани дикой, в дебрях жить,
В коричневой, как сумерки, тени
Непроницаемой лесных вершин
Заоблачных, куда ни звёздный свет,
Ни солнечный — проникнуть не дерзнут!
Вы, сосны, кедры, пологом ветвей
Неисчислимых спрячьте же от них
Меня, чтоб я не видел их вовек!
Однако способ вымыслить пора;
Как в доле этой жалкой заслонить
Нам друг от друга части наших тел,
Срамные, непристойные для глаз.
Большие листья мягкие дерев
Любых, краями сшитые, могли б
Нам чресла опоясать, скрыв места
Срединные, чтоб стыд, — недавний гость,
Там не гнезвился и не укорял
В нечистоте и блудодействе нас!"
Такой он дал совет; они пошли
В густую дебрь и выбрали вдвоём
Смоковницу; не из породы, славной
Плодами, но иную, этот вид
Индийцам, населяющим Декан
И Малабар, известен в наши дни.
Во весь размах простершись от ствола,
Склонись, пускают ветви сеть корней,
И дочери древесные растут
Вкруг матери, тенистый лес колонн
Образовав; над ним — высокий свод
И переходы гулкие внизу,
Где знойным днём индийцы-пастухи
В тени прохладу ищут и следят
Сквозь просеки, прорубленные в чаще,
За пастбищами, где бредут стада.
Сорвав большие листья, шириной
На Амазонок бранные щиты
Похожие, стачали, как могли,
Адам и Ева прочно, по краям,
И чресла опоясали. Увы!
Заслоном этим тщетным скрыть нельзя
Их преступленье и жестокий стыд.
Им далеко до славной наготы
Былой! Так, позже увидал Колумб
Нагих, лишь в опоясках перяных,
Американцев; дикие, они
Бродили в зарослях, на островах,
Скитались по лесистым берегам.
Виновники сочли, что их позор
Частично скрыт листвою, но, в душе

Спокойствия ничуть не обретя,
Присели и заплакали. Ручьём
Не только слезы жгучие струились,
Но буря грозная у них в груди
Забушевала: ураган страстей,
Страх, недоверье, ненависть, раздор
И гнев смятеньем обуяли дух,-
Ещё недавно тишины приют
И мира, сотрясаемый теперь
Тревогой бурной. Волей перестал
Рассудок править, и она ему
Не подчинялась. Грешную чету
Поработила похоть, несмотря
На низкую свою породу, власть
Над разумом верховным захватив.
На Еву устремив холодный взор,
В расстройстве, с непривычным отчуждением,
Адам продолжил прерванную речь:
"— О, если б ты вняла моим словам,
Со мной осталась бы, как я просил,
Когда тебя, неведомо зачем,
Злосчастным этим утром привлекло
Желанье безрассудное: бродить
Одной, — мы были б счастливы и днесь,
Не лишены всех наших прежних благ,
Не жалки, наги, не посрамлены,
Как ныне. Пусть никто от сей поры
Предписанную долгом искушать
Свою не смеет верность. Кто спешит
Испытывать её, — считай, готов
Предательски поколебаться в ней!"
В обиде на упрёк, вскричала Ева:
"— Адам суровый! Как твои уста
Столь горькие слова произнесли?
Ты нашу обоюдную беду
Приписываешь слабости моей,
Желанью странному бродить одной.
Но эта же беда могла стрястись
В твоём присутствии, а может быть,
С тобой самим. У Древа или здесь
Ты, искушённый бы, не распознал
Коварства Змия, вняв его речам.
Не знаю: почему бы он вражду
К тебе и мне питал? А посему
Обмана я иль козней не ждала.
Ужели разлучаться никогда
Нельзя с тобою? Лучше бы ребром
Твоим безжизненным остаться мне!
Я такова. Зачем же, мой глава,
Ты мне решительно не воспретил
Спешить навстречу, — по словам твоим,-
Опасности великой? Твой отпор

Был слаб; ты был сговорчивым; ты сам
Приветствовал, позволил мне уйти,
Когда бы отказал ты наотрез,
Не согрешили бы ни я, ни ты!"
Гневясь впервые, возразил Адам:
"— Любовь ли это? Это ли ответ,
Неблагодарная, моей любви,
Оставшейся приверженной тебе,
Уже погибшей, хоть ещё меня
Вина не отягчала? Сохранить
Я мог бы жизнь, блаженствовать бессмертно"
Но умереть с тобою предпочёл.
И ты меня решила попрекнуть
Своим грехопадением, утверждать,
Что я виновник; мол, я не был строг
Довольно, чтоб тебя остановить!
Но что я сделать мог? Я упреждал,
Увещевал, предсказывал грозу,
Грядущую от скрытого Врага,
Подстерегающего каждый миг.
Прибегнуть ли к насилию? Но здесь
Невместно принуждением ущемлять
Свободу воли. Знай, ты чересчур
Самоуверенна! Ты поддалась
Надежде неразумной — обойти
Опасность, или чаяла соблазн
Со славою отвергнуть. Может быть,
Я заблуждался, слишком высоко
Ценил все то, что я воображал
Твоими совершенствами, сочтя
Тебя неуязвимой против Зла.
Проклятию теперь я предаю
Ошибку эту, ставшую преступным
Грехом, в котором ты меня винишь!
Так будет с каждым, кто превыше меры,
Доверившись достоинствам жены,
Даёт ей волю, уступает власть;
Тогда не знает удержу она,
Но, действуя сама и жертвой став
Последствий горьких, в поисках причин
Потворство мужа первая клянёт".
В попрёках обоюдных зря текли
Часы; никто себя не осуждал,
И тщетным спорам не было конца.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Прегрешение Человека стало известным; сторожевые Ангелы покидают Рай и возвращаются на Небеса, дабы доказать свою бдительность. Бог оправдывает их, вещая, что они не властны были воспрепятствовать вторжению Сатаны, и посылает Своего Сына судить ослушников. Сын нисходит на Землю и возглашает

заслуженный приговор, но, сострадая падшим, прикрывает их наготу и возносится к Отцу. Грех и Смерть, до сей поры сидевшие у Врат Ада, в силу удивительной симпатии угадывают успех Сатаны в новозданном мире, решаются не быть более затворниками Ада, но, следуя Сатане — их властелину, стремятся проникнуть в обиталище Человека. Для удобного сообщения между Адом и новозданным миром они воздвигают обширный путь, или мост, через Хаос по следам, проложенным Сатаной. Приближаясь к Земле, они встречаются с Сатаной, который, гордый своим успехом, возвращается в Ад. Их взаимные приветствования. Сатана является в Пандемониум и кичливо объявляет всеобщему собранию о своём торжестве над Человеком. Вместо рукоплесканий в ответ раздаётся соединённый свист и шипение всего собрания, обращённого, вместе с Сатаной, в змиев, согласно приговору, произнесённому в Раю. Обманутые призраками запретного Древа, выросшего пред ними, они жадно кидаются к плодам, но пожирают прах и горький пепел. Грех и Смерть действуют в Раю. Бог провозглашает конечную победу Сына над ними и возрождение всего сотворённого; теперь же повелевает Ангелам совершить различные изменения в небе и стихиях.

Адам, все более сознавая своё падение, горестно сетует, отвергая утешения Евы; однако она все же успокаивает его. Дабы отклонить проклятие, долженствующее пасть на их потомство, Ева предлагает жестокие меры, но Адам не одобряет их и, питая надежду, напоминает о возвещённом обетовании, что Семя Жены сотрёт главу Змия, и увещевает умилоствовать разгневанного Бога молитвами и покаянием.

Меж тем уже прознали в Небесах
О мстительном злодействе Сатаны,
Что в Рай прокрался, принял Змия вид
И Еву от запретного плода
Вкусить склонил, а та ввела в соблазн
Адама. От всевидящего Ока
Творца ничто не может ускользнуть,
Всезнающее обмануть нельзя
Господне сердце; праведен Господь
И мудр во всем, Врагу не запретив
Надёжность Человека искушать,
Вооружённого избытком сил
И волею свободной, в полноте,
Достаточной, чтоб ковы разглядеть
Дружков притворных и прямых врагов
И отразить. Всевышнего запрет
Был ведом людям: к этому плоду
Не прикасаться, кто б ни соблазнял.
За непокорство их постигла казнь
(Чего им было ждать?). Умножив грех,
Ослушники погибли поделом.
Отряды Ангельские, торопясь,
На Небо из Эдема воспарили,
Супругам соболезнуя, грустя
Безмолвно, ибо ведали уже
О их грехопаденье и безмерно
Дивились: как незримый Враг проник
Украдкой в Рай? Когда ж Небесных Врат
Достигла эта горестная весть,
Явили неизбежную печаль

Все лики Эмпирейские, но скорбь,
В глубоком состраданье растворясь,
Блаженство их нарушить не могла.
Вокруг прибывших сонмы собрались
Насельников Небес, чтоб разузнать
Подробности события в Раю,
Но стражи поспешили дать отчёт
Пред Высочайшим Троном, доказать
Творцу, что недреманным был надзор.
Как вдруг, среди раскатов громовых,
Из облаков таинственных, воззвал
Всевышний и Предвечный Бог-Отец:
"— Вы, Ангельское сонмище! Вы, Силы,
Покинувшие Райские посты,
Где ваш надзор успеха не имел!
Да не смущает вас и не дивит
Случившееся ныне на Земле.
Ни ваши неусыпные труды,
Ни зоркость не могли предотвратить
События, предсказанного Мной,
Когда, бежав из Ада, пересёк
Пучину Искуситель. Я прозрел
Его победу, ведал наперёд,
Что соблазнённый Человек, прельстясь
Коварной ложью, потеряет все,
Поверив наговорам на Творца.
Его погибель не была ничуть
Мной обусловлена. Я не стеснил
Малейшим нагнетеньем ни одним
Его свободной воли; в равновесье
Полнейшем, предоставлена она
Своей склонности. Но Человек
По собственному изволению пал.
За преступленье смертный приговор
Осталось вынести, но упреждённый,
Что в день паденья должен умереть,
Угрозу мнимой счёл, поскольку смерть
Его не поразила в тот же миг,
Чего он опасался. Но Адам,
Ещё до истечения дня, поймёт:
Отсрочка — не прощение вины.
Не будет Правосудие Моё -
Вослед за Милостью — оскорблено!
Кого пошлю судьёй? Тебя, Мой Сын
Соцарствующий, коему вручил
Я право суд вершить на Небесах,
Земле и в Преисподней. Усмотреть
Легко, что с Правосудьем пожелал
Я Милосердье сочетать, послав
Посредника и человеколюбца,
Согласного по доброй воле стать
Спасенья ради жертвою, при сём -

Спасителем, на Землю низойдя,
Вочеловечиться и воплотиться,
Чтоб Человека падшего судить